

ЮНОСТЬ

3
1976

А. МЕЛКОНЯН (Ереван). Пловчиха.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНИК
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

ЮНОСТЬ

*Партия твердо верит,
что молодежь,
комсомольцы впишут
новые славные страницы
в летопись
коммунистического
строительства!*

Из доклада
Генерального секретаря ЦК КПСС
Л. И. БРЕЖНЕВА
на XXV съезде КПСС

Журнал
основан
в
1955
году

3 [250]
МАРТ
1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ДАВАЙТЕ СОРЕВНОВАТЬСЯ!

«**Д**авайте соревноваться!» Этот замечательный призыв, родившийся среди инициаторов Великого почина в дни первых ленинских коммунистических субботников, прочно вошел в нашу жизнь. Он звучал на собраниях стахановцев 30-х годов и на заводах в глубоком тылу, где самоотверженно трудились фронтовые бригады. Его торжественно произносили: зачинатели движения за коммунистический труд. Ни одна полезная инициатива, ни один трудовой почин не обходился без этого призыва. «Давайте соревноваться!» — звучит сегодня из уст 84 миллионов участников Всесоюзного социалистического соревнования. 84 миллиона — это уже сегодняшней размах. Нынешний этап соревнования примечателен не только необыкновенной массовостью, всенародностью. «...И формы его, и содержание теперь во многом новые, они отвечают уровню развития страны, требованиям нашего будущего. Девизом соревнующихся стало теперь — не просто сделать больше, а сделать еще и лучше, и экономнее».

Эти слова Леонида Ильича Брежнева опираются на творчество и живой практический опыт трудовых коллективов. В дни, предшествующие XXV съезду партии, и сейчас, когда вся наша страна живет и трудится, вдохновленная решениями съезда, все мы являемся свидетелями и широким распространения передового опыта и рождения новых починов, инициатив, движений. «Пятнадцать качеств — рабочую гарантию», «От высокого качества работы каждого — к высокой эффективности труда коллектива». В самих названиях четко обозначается глубинный смысл этих движений: повышать эффективность производства и качество работы. И, конечно, не самоцели ради, а во имя дальнейшего роста экономики и народного благосостояния.

Чрезвычайно серьезная задача, и она требует от каждого уже в первом году десятой пятилетки максимальной собранности и дисциплины, новых знаний и навыков, более вдумчивого подхода к делу, к своим планам и обязательствам. Она, эта задача, заставляет по-иному взглянуть и на организацию трудового соперничества, прежде чем будет произнесено привычное: «Давайте соревноваться!»

Здесь опыт передовиков — лучшая школа.

Вторую пятилетку редакция «Юности» дружит со строителями дороги Тюмень — Нижневартовск. Мы шфы и по долгу шевства разделяем все заботы и нужды строики, внимательно наблюдаем за трудовыми успехами и ростом молодых строителей. Мы хорошо знакомы с комсомольско-молодежной бригадой путейцев Виктора Молозина. Молозинцы знамениты в Западной Сибири своими успехами в деле, в организации социалистического соревнования. Они уже второй год работают в счет десятой пятилетки, а одному из членов бригады — Владимиру Волчку — за наивысшие результаты в соревновании присвоено звание лауреата премии Ленинского комсомола.

Бригада по общему решению посылает ежемесячно часть заработка в Фонд Мира.

Интересно, как молодцы организуют соревнование, каких принципов придерживаются, заботясь об эффективности и качестве, о достижении высших результатов в десятой пятилетке.

Виктор Молозин рассказывает: «В основе настоящего — ленинские принципы организации соревнования, три кита: гласность, сравнимость результатов, возможность практического повторения опыта передовиков. И не торопиться, не ответить для себя на вопросы: «С кем соревнуемся?», «За что?», «На какой срок?», «Кто одного обязательства с бухты-барахты, для красного словца, только после скрупулезного изучения материальной базы, возможности бригады, опыта соседей, прикидок с карандашом в руках на запасной резервный вариант. Подругому нельзя. Легковесным подходом можно загубить самую замечательную идею».

Владимир Волчок считает, что любой, самый эффективный с точки зрения экономики почин не стоит выведенного яйца, если он не подхвачен, не распространен, не стал массовым явлением: «По-моему, смысл социалистического соревнования в том, чтобы в конце концов научить всех работать так, как работают передовики».

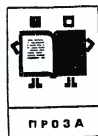
«Заметьте, у нас в бригаде все учатся», — рассказывает Владимир Волчок. — Трудовое соперничество требует постоянного обновления знаний, приобретения новых навыков: без учебы, без совершенствования ни о какой стабильно качественной работе и речи быть не может».

Наверное, этих наблюдений достаточно для понимания духа молодинской бригады, хотя примеры настоящего государственного подхода к делу можно было бы приводить еще и еще — бригада Молозина давно стала лабораторией передового опыта. Суть в другом. В сегодняшних работах, чаяниях, мыслях и настроениях этой бригады со всей очевидностью отражаются заботы, чаяния, мысли и настроения 84 миллионов участников Всесоюзного социалистического соревнования.

«Все мы радуемся тому, какие глубокие корни пустили ленинские идеи социалистического соревнования», — говорил Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду. — Мы гордимся тем, что в авангарде соревнования идут коммунисты. Соревнование оказывает глубокое воздействие на хозяйственную практику, на общественно-политическую жизнь страны, на нравственную атмосферу. Всенародно развивать и дальше социалистическое соревнование, движение за коммунистическое отношение к труду — таков наш общий боевой лозунг».

Давайте соревноваться!

Василий
АФОНИН

ПОВЕСТЬ

ПОЙМА

Пролог

Стылым апрельским утром оглохшая от брачных песен Серая тетерка поднялась с тока и, низко протяну над жнивьем, опустилась в редкий березняк за краем полосы. Сложив крылья, она прислушивалась, несколько склонив голову на вытянутой шее, а успокоясь, стала ходить взад-вперед в прошлогодней траве, выискивая место посуше. Под большой наклонной кочкой, с которой до земли полукругом свисала оскок-резучка, тетерка присела и опять долго вслушивалась, поворачивая голову на чуткой шее. Но стояла тишина, только иногда, усиливаясь, шумел ветер по верхушкам берез да шуршала под пальми листьями мышь.

Тетерка встала и, срывая кленом сухие травинки, начала укладывать их под кочкой, образуя гнездо. Когда гнездо было готово, тетерка села, обживая его, и через несколько дней отложила на теплое дно девять продолговатых крапленых яиц. Теперь она покидала гнездо, когда подходило время кормежки, уходя, закрывала яйца, чтобы они не остыли, и, наскоро поклевав найденный корм, торопилась обратно. Она похудела, редко подымалась на крыло, и доходявшие по утрам с тока резкое чурфыканье и хлопанье крыльев уже не беспокоили ее.

Вокруг кочки и дальше сквозь полегшую, жухлую траву пробивались зеленые стрелы молодой; на берегах набухали, лопались почки, но Серая тетерка ничего этого не замечала. Целыми днями сидела она как бы в полудреме, слыша, однако, все, что делалось вокруг. Со стороны глухого, заросшего кустарником оврага, со дна которого по вечерам подымался сырой туман, гнездо надежно защищала широкая кочка, сверху густо нависала оскок, скрывая птицу от хищного глаза, и Серая тетерка радо-

Рисунки
В. ЮДИНА.

валась, что так удачно выбрала для гнезда место. Иногда дувший с востока ветер доносил до березняка шум работающих тракторов, и этот шум с-с-с-с-а беспокоил птицу, она вспоминала зимы сухой морозный день приглушенный рокот трактора слышимый почти выстрелы и окровавленные перья под березой на снегу.

Прошлым летом тетеревиный выводок среди которого находилась Серая тетерка до поздней осени прожил в дальнем конце березняка, слетая вечерами на освещенное поле. А когда хлеба убрали и скирдовали солому люди ушли, выводок Серой тетерки объединился с большим выводком который жил по другую сторону овсяного поля,— образовалась стая.

Оба выводака никем не были замечены осенью.

Всю зиму стая прожита вблизи своих гнездовых, кормясь на старых березах за краем полосы на которой стояли покрытые снегом скирды соломы. За соломою приехали в конце февраля когда улеглись метели и ясные длинные топили дни. В то утро стая кормилась на высокой раскидистой березе, когда показался трактор; северну с дороги, он пошел по полосе примыкая гусеницами снег.

— Косачи,— сказал себе тракторист и вытаскивал из сапинки сиденья ружье. Он сбавил обороты и на медленном ходу повел трактор так, чтобы скирда скрывала его. Трактор медленно приближался. Тетерепа расторожились.

Но трактор уже урчал за скирдой солома глушила соколот птицы успокоились и продолжали кормиться переговариваясь.

Тракторист осторожно сдвинулся назад, чтобы кабина вышла из-за скирды, померидил чуть и стал постепенно прибавлять обороты, чтобы птицы привыкли к шуму и чтобы набравший силу трактор заглушил выстрелы.

«Метров шестьдесят будет» — прикинул до березы тракторист отодвинул на ширину ладони дверцу и поднял двенадцатого калибра стволы.

Выстрелы птицы не услышали. Серая тетерка увидела как сидевшая на нижней ветке молодой, из одного с ней гнезда косач, роняя перья, упал в снег. Затем — второй.

Топопась, тракторист презеряжал ружье. Если бы оншиб верхнего косача то падая задевая ветки, тот сразу же сплунул бы стаю но тракторист не впервом скирдувал таким образом тетеревов и поэтому ударил нижнего. Он стрелял а сидевшие на верхних ветках птицы, вытаскивая шель, скотрели, как падают в снег их собратья. Почувствала мелодное тревожно захлопав. Старая тетерка поднимала стаю и уползла ее за дальний глухой овраг.

— Восемь штук — бавня гад, сказал тракторист вылез из кабины утупая в снег, пошел к березе. Он не смог сразу забрать всех птиц, и ему пришлось сходить еще раз.

На обратном пути он все поглядывал на сиденное возло себя, где лежали убитые птицы. Подъезжая к деревне он прикинул их старой, замаскированной фуфайкой, которую подцепил под себя когда ремонтировал трактор. Теперь тракторист старался, чтобы за соломою посылали только его, и дважды еще подкидывался к стае уезжая по несколько птиц. Остальные тетерева (их оставалось восемь три косача и пять тетерок) до таяния снегов прожили за оврагами а когда появились первые проталы вернулись к месту пролгодного гнездовия. На подсохшем, в палом листе бугорке возле черемухового куста косачи облюбовали тот и каждое утро, затемно слетались на него, чтобы успокоить в песнях и драке гудевшую по телу кровь. Стильным апрельским утром Серая тетерка спарилась с одним из остав-

шихся петухов улетела в березчак и свита первое в своей жизни гнездо. Ток шумел еще несколько дней, а потом подружки Серой тетерки также покинули его и расселились среди березняка прохаживаясь полосой между оврагами и живищем версты на четыре. Оттуда, с дальнего конца березняка, и доходящий тепеь до тетерки сдержанный пока шум работающих тракторов.

С каждым днем шум приближался, а потом показались и сами тракторы. Они шли не по живищу овсяного поля а по березнику о-азляясь за собой ровное место. Тракторы выкорчевывали и сталкивали в овраг березы чтобы распахать под посев землю. Березняк тянулся полосой саженей на сто, тракторов было пять впереди двигались три корчевателя сзади — толкачи.

Так они приближались к березе, на которой зимой стая кормилась стая. Это была си-ная ветвистая береза без единого сухого сучка, корни ее глубоко и простоно уходили в землю земля дол о не отпуская их. Береза никак не хотела умирать.

Трактор, который вел молодой тарен, с ходу толкнул ее плечом корчевателя, сдвинув кусок коры березы чуть дотронула — и только. От двух-трех таких толчков молодые березки всегда поддавались. Тракторист отвел трактор назад поднял корчевателя, уперся кликами в ствол и добавил обороты. Трактор взревел, подмялся на гусеницах дрожжа корпусом и дрожь эта передалась березе. Тракторист опять отвел трактор опустил на землю клики чтобы подрыть козны, но его остановил подошедший напозник.

— Глуши,— сказал он — время обедать. Сейчас соку топчем. Где у тебя топот?

Взяв в кабине топот, тракторист сделал на стволе березы пять глубоких зарубок и подставил под одну из них стеклянную банку. От заглушенных машин с посудой в руках шли трактористы. Расставив посуду под зарубы, они расположились тут же под березой, стаги есть свой харч заливая соком. После рева машин стало необычайно тихо, и Серая тетерка, сидевшая на гнезде, слышала, как разговаривают люди.

— На этой березе я косачей зимой стрелял — сказал один из них — В феврале, когда солому возили.

Поев они разошлись по машинкам. Трактор взревел клики вошли в землю подрывая козны. Загав клики под два толстых корня тракторист стал подымать корчеватель. Корни рвались, как натянутые канаты. Береза вздрогнула качнувшись вершиной и нехотено стала валиться в сторону оврагов гадая убийства ход и с шумом хлестнула ветвями метрах в десяти от гнезда. Серая тетерка втянула голову оставшаяся на гнезде. Подошел толчок, поднял березу на клики отнес и сбросил в овраг.

Трактора перешли на другое место, оставив раскорчеванку пахарю. Перед вспашкой пахарю подогнали с дальнего конца поля стерию и такую тупую по раскорчевке. Ветер тянул с востока потрескивала стерня огонь шел широко и ровно, оставляя за собой черное покрытое зыбким пеплом пространство. Дым низко стелился над землей, и Серая тетерка почувствовала его когда огонь был еще далеко. Он приближился скоро и, сползая к оврагу охватил изломистой каймой березняк где находилось гнездо. Серая тетерка с раскрытым от жары клювом, распутив крылья, то бегала ежорут то садилась на яича прерывисто дыша дымом. Огонь был в двух шагах когда она поднялась и протянула по краю оврага ушла в дальний конец его. Улетая, она не видела как в охватенном огнем гнезде ее треснули и потекли желтым насжненными яича.

В городе. На Чулым-реку

Всю осень шли дожди и деревья рано уронили листья. Деревья росли недалеко от дома, и просыпаясь среди ночи Лукашин слышал, как шумят они раскачиваясь на ветру. Лукашин поднимался с дивана искал ногами тапочки и в одиноких трусах, зевая, являлся к подоконнику, где лежали часы. Просыпаясь лбом к прохладному стеклу, он подолгу стоял, глядя на уличные фонари и на деревья.

Лукашин зажигал свет, ложился подвывая с пола не просмотренную с вечера «азету». Он нигде не спал и спешить ему было совершенно некуда. Вставал поздно, пил на кухне чай, мыл посуду, спускался посмотреть — нет ли писем. Иногда ходил на почту, посылал телеграмму или заказывал переговоры. Но телеграммы оставались без ответа, а на переговоры никто не приходил. Раз в два дня Лукашин отправлялся в магазин за продуктами. И все равно по утрам он просыпался с надеждой, что новый день будет не таким как вчера, случится что-нибудь хорошее, причисут нужную почту или взглянет кто-либо, но донь началась обложным дождем и мелкий дождь этот так и не стихал до вечера. А вечера стояли еще ты стнес.

В семь часов темнота подступала к окнам, не зажигая света. Лукашин ходит от стены к стене из кухни в большую комнату, садился к окну и смотрел на улицу, где было все так знакомо.

Сырые, ветреные дни так и держались, пока прямо на телу землю не выпал снег.

Редко, но заходил Яковлев.

— Ну, что, Валя? — спрашивал он, склонив широко, как у якута лицо с рыжеватой круглой бородой. — Закончил рукопись, а, Валя?

И покашливал и улыбался, щуя узкие внимательные глаза. Он был умным все-таки мужиком, этот Яковлев, хотя в иные минуты Лукашину было трудно с ним.

Познакомились они год-полтора назад, когда Лукашин жил в соседней области, в деревне у стариков и писал документальную повесть о рабочих пексоза. Повесть появилась на страницах местного журнала, и Лукашин обрадовался, когда Яковлев, которого он знал по книгам в одном из последующих номеров этого же журнала откликнулся на повесть коротенькой рецензией. Между ними завязалась переписка и Яковлев предложил Лукашину перебраться в его город.

Лукашин поехал чтобы познакомиться, они поговорили, и Яковлев тошел по началству от которого зависело получение квартиры. Квартиру обещали, более того, Лукашину предоставили возможность самому выбрать дом — сдавалось одновременно несколько зданий. Лукашин был удивлен и обрадован, он не знал людей, которые решали вопрос его переезда в город мысленно побла одарил их за доброту.

При получении ордера Лукашина спросили, кто с ним будет жить он ответил жена и сын, возможно, родители. Но старики в зиму перебраться не решились оставаясь до лета в деревне, а жена, жившая с сыном у своих родителей все затягивала переезд отговариваясь, потом совсем замолчала, и Лукашин гонялся, что она не придет. За время разлада он о вых от жены но по ребенку скучал не представляя совсем каким он стал теперь, в четыре года. Вспоминал, как по окончании учебы поехали они к ее тетке в деревню. Дом стоял в саду, шла осень, листопад. То ночам в открытое окно их комнаты входила прохлада, резко и кисло пахло палым ли-

стом, а если дуп ветер листья залетали в комнату, падая на стол, на пол, иногда — в незакрытый кувшин с вином, стоявший возле кровати. Лукашин вставал, отхлебнув вина, садился к окну и слушал, как шарило по саду, шуршит лиственной веткой. Целый месяц прожили они в деревне. Лукашин днями бродил по саду, грыз найденные в листьях упавшие яблоки, пил вино. Читал Бунина, и это было как раз то, что нужно. А потом они жили на частной квартире, роды у жены прошли трудно, ребенок болел и денег всегда не хватало. По вечерам чтобы пригласить себе и ребенку, нужно было дожидаться, пока сварят хозяева и чинкого не пригласи — а десять часов все двери закрыты и громко не скажи — слышно через стену, мешаешь спать, а ребенок кричит сладу нет. И за все это отдай тридцать пять рублей в месяц. За год они рассорились с хозяевами между собой жена с ребенком ушла к родителям, а он уехал к своим старикам. Может так было и лучше, ведь ведь, сколько им пришлось бы жить на частных — ни он Лукашин, не умел получать квартиры ни его жена.

Иногда они обменивались письмами, не затевая разговора о совместной жизни в дальнейшем и только когда вопрос с квартирой был решен, Лукашин написал о необходимости переезда о сыне, которому нужен отец. Жена отвечала неопределенно, ссылаясь на нездоровье, дальность расстояния, просила денег. Лукашин понимал, что жена также отыкала от него, что ее пугает и порежид, а сама затеяла новую жизнь. Переговоры затянулись, Лукашин дал телеграмму, проса сообщить окончательное решение, жена ответила, что подумает, и опять попросила денег. Денег он послал и написал в тот же вечер. Ему было стыдно перед стариками, в письмах они спрашивали — перевез ли он семью и не нужно ли чего, а тут еще новые знакомые по городу интересовались постоянно его личной жизнью.

— Валя, жена переехала уже? Как, вы все еще живете без семьи?

Их это очень интересовало, и каждому нужно было отвечать. А сосед из квартиры, что справа, расклавываясь в коридоре спрашивал.

— Супруга ваша приехала, Валентин Захарыч? Тогда я слышал вчера через стену женский голос.

Соседу не давало покоя то, что Лукашин живет один, а занимает большую квартиру. И Лукашин, глядя соседу в переносную отвечал, что нет, это не жена. Это знакомая заходила к нему, а как только жена придет он сразу же сообщит любезному соседу. Поулыбавшись, они расходились. Со зла на жену Лукашин нашел себе женщину но скоро оставил ее, сказавшись больным извинился, просил заходить и надолго впадал в полудрему.

Считалось, что он пишет вторую повесть, а он ее и не начинал.

Тогда-то к нему и зашел Яковлев.

— Вот что, Валя — покашливая сказал он — Зиму ты провалял дурака — довольно. Хандра хандрой, а работать надо. Иначе и огород не стоило городить.

Вынул из кармана газету, развернул.

— Не читал? Нет? Так вот слушай на севере области вот уже несколько лет ведутся работы по освоению помеченных земель. Оби и се приюток. Работы, как мне кажется интересная. На освоение земель предполагается создание целого комплекса хозяйств по выращиванию огородных культур. Да и не только. Я тебе советую поехать на место посмотреть. Собраться матриал, а осенью съезды на обработку. Можно поездку оформить через газету, время от времени станешь посылать очерки. Если же желаешь связывать себя поздней самостоятельностью. Денег совсем разбогачешься — рассчитаешься.

И Лукашин поехал

Он поехал в последние дни марта в городе пылал асфальт, в полях еще жегали снега и много — в «ени перелесок». В выбоинах проселочной дороги стояла грязная вода, попадавшаяся навстречу грузовики были забрызганы по ветровое стекло. С утра в колесах хрупал ледок к погудно ощутило теплело и заметно было как над подсыхающими проталинами пашен дрожал струился нагретый воздух. На место приехали вечером

— Чулымск — сказал шофер взял путевой лист и пошел в диспетчерскую криво посещая за те же и

Лукашин вышел из автобуса. Перед тем как идти искать гостиницу долго стоял на берегу Чулым-реки идущая из Красноярских Белог, поворачивала здесь и широко уходила на север к Оби. Из-за лесистого правого берега а тянул мокрый ветер гнул ветлы рябил наискось верховую воду, подгоняя вытаскивая корье от пришлогоднего лесоплава к бкам вмерзшим в лед баржи. А на левом крутом берегу стоял поселок Чулымск. Поселок большой. Избы, сааи с потемневшими колесками на них огороды уходили от берега к перелескам в центре над тесовыми крышами поднималось несколько двухэтажных кирпичных зданий. Левую на те поселка — если встать спиной к реке — охватывала густой, с галочным гресом березняк. Высокие с гибкими досками деревянные тротуары — нулись по обшим сторонам улиц, возге тротуаров роли березки.

Ночевал Лукашин в гостинице. Гостиная уже не отапливалась в дела скороспеченных рам точно тянул ветер. Лукашин пожевал взятый с собой колбасы не снимая свитера и тренировочных брюк. Влез под одеждо закрылся с плочком и стал читать что бы согреть себя. Всю ночь у него мерзли ноги. Утром пошел развлекать историю и все вздрагивал — никак не мог согреться. Кухоню. Кухоня находилась на улице. Полевой, как объяснили ему, а улица Полевая начиналась от конца березняка который охватывал поселок с левой стороны, и шла краем поселка до берега Чулым-реки. Там в начале улицы в саженях пятидесяти от березняка толя фасонистый двухэтажный дом обшитый узкой строганой планкой на — ух желтоватом фоне обшито далеко виделся синие «маленькие» окна. За штакетником ограда отгораживающая кухню от улицы как возле доброй козистой улицы разбит был ухоженный палисад над широкой крышей высоко подымался рядомчатые над воротами при входе чуть отклонялась назад узкая козистая погоска жести. «Передняя» механизированная колонна № 21 (ПМК № 21).

Кухоня помещалась на втором этаже. Внизу — клуб, библиотека. Го доезжавши к ступеням Лукашин взбежал наверх продел по координату мимо дверей с «абличками» «Диспетчерская» «Бухгалтерия» «Плановый отдел» вошел в приемную и строгим взглядом указывая на обшитою дерматином дверь

— Один — сказала секретарша — можно войти. А вы по какому вопросу?

Лукашин постучал в носок и, услышав из глубины голос вошел. В небольшом, в два окна, кабинете лицом к двери за столом с телефоном пепельницей и календарем, с подбитанными и неподбитанными бумагами сидел навалившийся кочотыч старик Бадаев. Лукашин поздоровался и назвал себя. Бадаев встал навстречу. Качнулся стул на левую ногу и левой не сую опираясь на столешницу протянул своебодню здороваясь

— А мы вас ждем — сказал он и коротко засмеялся. Сильный отрывистый смех его исходил от лая старо о, болного и доброг пса — Сиди ось

Начальник колонны

В другом конце улицы Полевой на берегу Чулым-реки усадьба Горюдьба. Огород, три старых березы. Изба стоит окнами на реку и по веснам видно как уходит лед а потом все лето и осень до самых заморозков будут идти гружечис и порожняком баржи, глоты, легкие зечные катера. Когда спадала вода и подсыхал берег — прямо из калитки хозяин спускал — устанавливал лестницу с широкими ступенями сходящими Там внизу в двух шагах от последних ступеней прихрамывающая к вбитому в землю железному штырю обы хала перевернутая или покачивалась на мелкой волне смолочная дочка

Осенними днями в выходные можно было сесть в ксе посещая на но у зердеро или козину перейти на вслах реку. Привязать лодку за таловый куст и походить насколько позволит нога, поискать на зиму грибов эбанчик других ягод. Или в листопад выкопать два-три кустика матины шиповника привезти и посадить в широкую начатую грядку за двором. Хозяин давно продавали квартиру в одном из двухэтажных домов но он еще хорошо помнил деревянную родительскую усадьбу баню черемуку в огороде и все старался сколько можно продлить эти воспоминания живя на берегу Чулым-реки

Слесаря провели ему воду на кухню но он лед не пользовался краном — в метель в дни развеса то ходил к колодезю с воротом. Де к концу цети трикрате-на была полтораведерная деревянная бадейка с двумя обручами. Ему нравилось расставать на дощатом помосте ноги с ольг езде колода медленно позорившая посот чувствовала та жесть бадьи хватать позорный идущий со дня холо дожд, слушать как срывается, мягко шлепают капли. В такие минуты опять вспоминалось детство. Вечером по дороге от кон оры к дому он останавливался возле магазинов чтобы купить необходимое и отпустить машину, забывал до утра обо всем, что было связано со службой. Не сходя из избы он делал нужную работу на дворе затем подметал погы то твил на плитке если стояло лето (зимой он топил печку) и все это время с о охватывал сладкий озноб от мысли, как уйдет он сейчас в горячую сняв протез сядет в кресло с теплою медвежьей шкуркой и доставит очередную книгу. В орние два окна выходящее во двор хозяин давно закрыл ставней — оно оказалось ненужным, по всей стене от угла до угла протянулись книжные полки и по глухой стене — тоже. Возле окна что на Чулым-реку небольшой стол с низкой под телесным абакжуром лампой рядом кресло под давшей медвежьей шкуркой. Хозяин укупывал его кутью когда зимой читал го ночам

На полях стояли разные книги были текие которые он не успел прочесть в детстве и читал сейчас, и это было лучше всего — силнее прочитанное и он приспался с легкой головкой. Книги натуралистов о жизни животных. Брэм и вся новая серия «Жизни животных» стояли недалеко от стола на самое заветное хранилище у него у углу книжной полки скрытой столон — ам находилась «История Государства Российского» «История» о чагаи медлен но несколько лет и когда закрыл го ледный том тут же готов был заново начать первый — ак она его потрясла. Он отложил тома чтобы успокоиться и понял что это единственная книга которая была нужна ему всю жизнь которую он будет перечитывать постоянно до конца дней своих, и жалел что так поздно приобрел ее. Раскрывая оюродной том он сразу же уходил в глубину веков и когда поды

мал голову чтобы передохнуть — подолгу не мог прийти в себя. Он завет тетрадь чтобы делать выписки но потом решил что ни к чему он еще и еще раз поочте «Историю» — первый раз он прочел ее как читатель — любопытства ради а позже раскроет как историк как государственный деятель чтобы в сравнении различных эпох, режимов правления, поступков вынести свое единственное суждение о тех или иных людях презреть или вознести их. В одном из журналов он нашел портрет Петра, застегнул его в рамку и повесил над столом. Отрывая от странички он всякий раз встречался с суровым взглядом Петра и вздыхая этот был чистилищем всех его дел, поступков и мыслей.

Всеякие книги стояли в горнице хозяина только не было здесь книг о войне. Он не собирал и не читал их чтобы поберечь сердце, выдать лишнюю минуту для раздумий над «Историей». Он не читал их чтобы не видеть тяжелых снов не вспоминать о войне. Он и старался не вспоминать но она постоянно жила в нем чаще — в снах. Тогда на ватных ногах он на всю ночь убегал по картофельному полю прочь от колошени проволоки. А ноги не слушались и никак не добжея до леса не спрятаться от выстрелов злого лая собак. И всю ночь в мозгу, как на свежем табло всплывали его порядковый номер немецкого концентрационного лагеря, номер, который он, возвратясь с войны, пытался вытравить кислотой да только обжег руку. Он всегда был рад проснуться да того как его поймают включал ночник капая из приотвешенного пузырька в стакан, пил чувствуя как холодом ходит сердце, и успокоясь несколько, лежал до рассвета, не мог уснуть, да и не хотел.

А новый день приносил свои заботы надо было вставать, что-то делать, хоть и колопо то в левом то в правом боку и догадываясь, нипа наружнем протезом чужать. И сон как ни отгонял держался в голове — за ним, януслих воспоминания. Тогда, на обратном поле, он был пойман, бит и водворон обратно. Но силы еще оставались помедля несколько он бежал второй раз — и удачно, только чоту прострелили в ногу. Так с простреленной ногой и перешел к своим. К тому времени началось заражение положили в госпиталь где отняли ниже колена ногу и вместо выбитых зубов вставили новые, железные. И вернулся он с войны солдат, воинноопленный без наград почестей и славы с протезом на левой ноге и вечными зубами. Было много вопросов и распросов — что да как иной раз получалось — вроде бы он и виноват во всем что случилось. Де по касалось пенсии надо бы считать его инвалидом войны а если разобраться то. Несколько раз вызывали на освидетельствование, чтобы отредопить группу инвалидности наконец дали группу пожизненно и назначили пенсию. Понятно, что рублей тех пенсионных вполне хватало бы ему на манныю кашу которую он с некоторой пор стал есть. На кашу и не больше но он сразу же по возвращении пошел работать и продаваясь по различным учреждениям районного масштаба побывал на многих должностях сидичих в основном от вактера до учетчика — и учился заочно. И это во многом спасало его. Он радовался, что до войны смог закончить школу и сохранить документ. А жил один. По квартирам сначала долгое время — у сестры а потом купил избу на берегу. Женщины с ним жить не могли, потому как мужскую силу свою он оставил в лагерьях жена с которой простился на пятый день войны, во втором году вышла замуж за одного из тех, кого война почти не коснулась уехала в Среднюю Азию где было много теплее и сытнее. И хорошо что так вышло думал он, дожидсь она меня, что

погучилось бы. Стреляться он не стал потому что любил жизнь — мало ли что случается — и кроме естественной смерти не желал никакой. На склоне лет определились у него в жизни — помимо всего прочего — три радости: работа природа и книги. На работе он был руководителем хозяйства читая книги — тем кем хотел а природы была постоянной радостью. Ни одно время года не выделял он особо любя каждое и всякий раз изумлялся дереву ручью будто видел впервые. Утрами сев в машину и отъезжая от усадьбы, забывал он тут же что есть изба на берегу колодец с деревянной бадейкой книги в горнице. Иные заботы овладевали им. С минуты той когда входил в кабинет и садился за стол он уже был не просто жителем с улицы Пасовой а начальником колонны № 21 Бадаевым. Ни на минуту не забывая, что в подчинении его находятся десятки людей, различных по возрасту характеру привычкам, десятки разных машин и механизмов он волею своей, опытом знаниям должен привести все это в определенную систему дать толчок движению, обуздать, чтобы вечером через неделю, в конце месяца был виден результат. И целый день, пока он отдаст распоряжения говорит по телефону, подписывает бумаги, ездит по объектам будет скрыто сидеть в нем известь откуда взайшлись стержень, поддерживая изношенный костяк и не надломится не согнется до времени пока Бадаев не вернется в свою избу на Чулым-реке. Прошедшей ночью силался ему речка Кия речка его детства, и цветущая черемуха по берегам. День должен был пройти спокойно.

Бадаев уже отдал необходимые распоряжения внутри конторы и собирался ехать на объект. Оставалось подписать несколько бумаг. А в это время вошел Лукашин.

— А мы вас ждем — сигло засмеялся Бадаев, подавая руку садитесь.

Лукашин сел оглядываясь.

— Яковлев писал о вашем приезде. Сам он здешний из соседнего района. Написал но не указал время. Да это и не важно. Где вы остановились?

— Ночевал в гостинице.

— Гостиница отменяется. Платить надо да и далеко от конторы. Можно послать каждое утро машину за вами, но это ни к чему. У нас есть возможность поселить вас в своих домах. — Позвонит секретарше, попросил — Герасимов сюда.

Вошел невысокий человек в ватнике, косе сидевшей шапке неуклюжий со связкой ключей в руках. Поздоровался.

— Наш захоз Герасимов — кавуил Бадаев — Улья Ильич, в третьем доме одна секция свободна. Кажется?

— Та где жили курсанты? — Геоасимов стеснялся сесть.

— Вот вот. Очками в поле конторы. Необходимо сделать уборку там. Помыть подмазать подбелить, если нужно протопить хорошо сделать запас дров. Так что еще. Поставить ковать, ну и все необходимое постоль, голотенце зеркало Чайник не забудь.

— Понятно. Николай-Ичковаевич.

— К обеду чтобы все было готово. Зайду посмотрю. — Оять позвонил секретарше приказав: — Машину пока в распоряжение диспетчера. Если ничего срочного не будет — со всеми вопросами во второй половине дня.

Остался вдвоем с Лукашиным.

— Валья — Бадаев посмотрел на Лукашина. — Вы мне позволите называть вас просто по имени?

— Конечно, какой разговор — согласился Лукашин.

— Значит Заля цель вашего приезда состоит в том, чтобы посмотреть познакомиться с нашей работой и тогда на собранном материале — Бадаев поднял на гостя прижмуренные темные глаза — Так я понимаю?

— Я еще ничего не решил — покраснел Лукашин — Может быть я напишу два три очерка для газеты — и только

— Ну что ж, ну что ж и это труд — Бадаев покивал головой соглашаясь — А знаете что пока Герасимов готовит вам жилье я вас отвести введу в курс дела Посмотрите над вами висит карта района

Лукашин встал, повернулся к стене С карандашом в руке подошел Бадаев Вынул из внутреннего кармана очки, погнул на стекла протер, глянул на свет Зашел с правой стороны о Лукашина чтобы лицом к окну

— Вы разумеется знаете о том, — начал он держа в податной руке граненый красивый карандаш и голос его походит на «голос учителя объясняющего урок, — это уже несколько лет а точнее «третий год, в области ведутся работы по освоению пойменных земель Иначе говоря — прибрежных земель Работы начаты в средней части Оби по притокам ее Кети Бакчаре Чулыме, Шегарке и другим рекам Освоение земель расписано на несколько лет будут затрачены крупные капиталовложения с тем, разумеется, чтобы в последующем оплодотворить их работу ведут передвижные механизированные колонны На многих участках работа идет беспрерывно — я говорю о временах года, — и результаты уже видны В некоторых же местах, в частности по берегам Оби, пока ведутся лишь изыскания Я повторяю — работы ведут передвижные мехколонны Таких колонн то области довольно много Назначение же их различное Одни занимаются только строительством строя дорог мосты животноводческие комплексы Другие, как наша — их около двадцати — мелиоративными работами осушением освоением, подготовкой пойменных земель Отчасти занимаемся и строительством, но основное — земли Конечно же у вас возникнет вопрос для чего все это нужно? Я вам отвечу Естественно что с увеличением населения происходит постоянный рост городов а в связи с жилищными требованиями — возникновение промышленных объектов, различных строок Вы заметили что в последнее время наблюдается интенсивный отток сельского населения в город? Социологи и другие специалисты считают что процесс этот носит закономерный характер и не должен вызывать беспокойства Я же, простите с этим совершенно не согласен и очень надеюсь, что в скором времени процесс этот примет обратные формы Тогда когда мы создадим на село условия жизни, равные городским Но это — дело будущего Итак о росте городов Понятно, что действующие в области хозяйства — я имею в виду колхозы и совхозы — не могут в полной мере обеспечить областной город промышленные объекты стройки продукты сельского хозяйства в первую очередь овощами И вот герда нами, мелиораторами встала такая задача — освоить как можно больше пойменных земель с тем чтобы разбить на них пашни орогоды, построить животноводческие комплексы возможно — зерновые хозяйства Одним словом возродить жизнь Для этого у нас есть все люди деньги нужные машины, а главное есть желание В нашем районе до войны — сама хорошо помню — насчитывалось семидесять два сельских Совета а сельсовет как правило объединял две три деревни Население равнялось шестидесяти и пяти тысячам Сейчас по району мы имеем двадцать пять сельсоветов и пятнадцать ты-

сяч населения включая районное село Чупымск Таким образом, район состоит пятидесяти тысяч Пятьдесят тысяч! Цифра колоссальная Каковы причины — спросите вы Причины разные война, отсутствие умелых руководителей отсутствие надлежащей медицинской помощи бездорожье Отсюда отъезд естественная тяга человека к жизни в лучших условиях Конечно при желании можно было сохранить хотя бы часть населения Что же, пусть это послужит уроком впроде Я так считаю

Чем же занимается наша мехколонна? Два года подряд мы помогали оставшимся хозяйствам района готовить земли под пашни, гуга пастбища, расширяя таким образом полезные площади Сейчас же отошли от них и коопе чисто мелиоративных работ а двадцать километров вверх по Чулым реке на месте бывшей деревни Покровский Яр, занимаемся строительством Смотрите сюда, Валя Это Чулым-река это дорога на Гегульдет речки Кия — приток Чутыма речка Четь — приток Кии Здесь вот была когда-то деревня Покровский Яр На месте этой деревни мы строим новый поселок экспериментальный — что ли Типовые дома, сараи о ороды — все что нужно хозяину, вплоть до туалета Поселок так и станет называться — Покровский Яр Новое хозяйство — совхоз — будет двух направлений животноводческое и овощеводческое Часть угодий — старье, а большую часть мы подготовим сами Осушим болота раскормим где нужно Дом двуквартирные каждая секция состоит из двух комнат и кухни, сени кладовая — само собой Запланировано пока построить семидесять пять домов Это сто пятьдесят семей Со временем если объем работ в хозяйстве по-ребует, поселок будет расширяться Но уже здесь нашей помощи

Бадаев рассказывал подробно и точно сповно писал протокол или диктовал газетную статью Было такое впечатление, будто Лукашин попал на лекцию старо, дотошного преподавателя Позже когда он наблюдал Бадаева в различных ситуациях и узнал его он уже не удивлялся этому Бадаев вообще говорил мало если же разговор носил деловой характер то выражался в возможности коротко давая саму суть предмета И от личностных своих на планерках особенно, изобовал того же

— Откуда поселенцы пойдут, Николай Николаевич? — Лукашин внимательно слушал — Из своих деревень?

— Ни в коем случае — Бадаев сел к столу Он устал стоять и говорить это было видно по его лицу Сел и Лукашин — Ни в коем случае Заселять поселок жителями своих деревень — значит и без того огиать то деревни Часть переселится из Чулымского Райпоселок разросся во все стороны и сейчас трудно найти участок под застройку С севера — река, с востока березняк о ибает за ним овраги с южной и западной стороны поля подходят к ородам Да и низина там Гоз ому много пересуд в новом поселок В основном же предуд по оригиналу из центральных областей Пошлем свое о господствителя Они и так приезжают каждый од из их, как называли отправляют в самые отдаленные деревни дают не лучшее жилье Год-полтора поживет такой хозяин — и обратно Ему интереса нет А тут пожалуйста дома новые, огород оспахнен река рядом, дорогу новую проведем — хоть не асфальт но подлата гравием покрыта, проезд крулый год И будут жить — я уверен Это задача на сегодняшний день а в будущем продвигаться по левобережью Чулым-реки, мы станем делать ту же самую работу что и сегодня, — заниматься по необходимости раскочечкой, осушать болота, готовить земли и заселять их До границ другого района

— Николай Николаич а не лучше ли восстановить брошенные земли на местах существовавших ранее хозяйств? Меньше затрат меньше усилий, чем сейчас когда вы осваиваете новые

— Не лучше — Извинившись Бадаев раздел какой-то порошок в стачке выпил долой сидел закрыл глаза — Не лучше — повторил он и попытается улыбнуться — Район у нас довольно большой, низменный в основном если начать с дальних деревень, существовавших когда то, то, где же чем что-то долать, необходимо вести дороги И не времянки, чтобы только туда сюда проехаться а подытые, с твердым, гравийным наконец покрытием дороги Второе — мосты Район изрезан ручьями, деревни, как правило стояли по берегам Ни одного моста теперь нет И тропы — расстояние Рабочие колонны живут в Чугымске и возить их ежедневно на тодобиные расстояния пока нет смысла Потому мы решили начать с Покровского Яра К тому же Чулым-река — доога своего рода Мы добиремся до города на автобусе а можно и водным путем Дольше несколько правда зато не трясет красивые берега Кроме того по Чулым-реке к местам строительства новых поселков проще доставить нужные материалы гесок гравий лес — все что необходимо строителям А пустою-ею земли не пропадут заселятся постепенно Вот дойдем по Чулым-реке до голенца района вернемся Кню начнем обживать Чуть Дело будущего Ведь сейчас для сельской местности существует перспективный план переустройства сел И у нас начинают разворачиваться Где больше где меньше — от руководителей зависит Ну вот это так сказать, теоретическая часть А работу нужно смотреть на участках Поживете побываете всюду В нашей колонне три участка Все они сейчас работают на Покровский Яр Первый участок ведет раскраску вспашку боронование — то есть полностью готовит поля для засева Второй занимается строительством дачных огородей Большое было о разливах Кню Позже болото будут осушать и готовить под пастбище И третий участок занимается непосредственно строительством поселка. Завтра утром планерка, будут начальники участков — Главу в окно — А вот и завхоз чаш Ну хорошо, Вилы не буду вас дальше утомлять Завхоз покажет комнату рядом столовая Готовят у нас для своих обочках ОРС свои дешевле гораздо чем в районной Мы в этом году думаем подобное хозяйство развести чтобы все свое было Ну до завтра Если что нужно просите у Герасимовна я ему дам наказ Лукашин спустился вниз Герасимов повел показать жилье Голос у него оказался тонким он не ужом же забегал аллопод о лядывался и все сбивал на одно ую шапку улыбаясь, рассказывал

— Поселили их, понимаешь курсантов, а они, па разны, в первый же вечер игру затеали и ну по душкам кидать друг в друга И вышибли понимаешь напрочь два стекла А холод в эту стенку как раз дул заткнули очи окна теми же подушками а давай пещку топить и давай ее топить И так же разрыжили, что плита голупа и колосник прогорел провалился Я — ругать а ли хоть бы что А у меня забот хвазат? Вот и пришли

Лукашин улыбаясь слушая Дом для малосемейных разделен на четыре секции Каждая секция состояла из комнаты и кухни Одну из них приготовили для Лукашина

— Я все доделал как велели Помог уборщице — Завхоз открыл дверь — Умыивалник повесил, вода в бачке Если нужно что не стесняйтесь Меня Илья Ильич зовут Дрова в кладовой сложены Хватит пока — Хорошо, — сказал Лукашин — Спасибо вам, Илья Ильич

Завхоз ушел Пещку тропили хорошо, и в комнате было тепло В углу стояла железная кровать, с постелью, рядом под зеленой клеенкой — стол, еще один стол помоньше в простенке между окнами на нем зеркало, графин с водой для стакана Окуны выходили в огород с кучками усохшей ботвы сразу же за городской обочи начинались березовые колки Лукашин сходил в столовую, скоро вернулся и до позднего вечера лежал слушал радио читал, вспоминал дорогу на Чулым-реку, разговор с Бадаевым.

Планерка. Голицын

Николай Николаевич а разве начальники участков с утра не на объектах? — спросил Лукашин Они сидели в кабинете Бадаева — рабочий день еще не начался Слышно было как то и дело хлопают двери — проходили служащие конторы

— Как правило, там — Бадаев просматривал бумаги — Но раз в неделю у нас планерка, и тогда с вечера они дают задание бригадирам, а после разговора в конторе разрезаются по местам — Посмотрел на часы — Без пятнадцати девять, сейчас подойдут Первым обычно Голицын является

Начальник первого участка Валерий Голицын встал в половине седьмого Набросил халат, он проходил подпору — парикмахершу Дома быта (каждые десять дней она подправляла ему волосы на дому) и подождая к окну увидел, как уходит женщина, оглябая затянную белесым ледком лужу, придерживая от ветра полу плаща Опершись рукой о крестовину рамы Голицын смотрел в окно думая, какая теперь погода в Москве и благополучно ли доехала его мать Эльвира Самсоновна

Курить с утра не хотелось Сбросив халат Голицын забрался под одеяло и взял журнал с переводным романом Франсуазы Саган

Голицын занимал однокомнатную квартиру в одном из новых домов поселка Гостиная неделю мать сделала уборку, перестирала белье освободив его на время от некоторых забот Перед самым отъездом матери как всегда без предупреждения, зашла парикмахерша, она налегла на Эльвиру Самсонову Когда Голицын пришел домой, парикмахерши уже не было а мать грустно сидела возле

Валерий — сказала она, приготовив платок — я обнаружила, что у тебя бывают женщины Конечно ты не мальчик и не мое дело вмешиваться в твою личную жизнь, но меня пугает другое — как ты можешь откусывать до уровня подобной девки Пору бы тебе подумать о чем-то более серьезном — Мамаша, — Голицын говорил глядя в сторону — Достаточно того что один раз я более чем серьезно думал об этом Но для вас так же была девкой моя невеста Рашевская

— Ах, Валерий, — ужаснулась Эльвира Самсоновна, — как можно! Вся Москва только и говорила тогда о процессе над ее отцом

— Ах маман, — в тон ей ответил сын — ну, конечно! Разве могла дочь осужденного Рашевского приходить в дом индподромного жулика Голицына Когда ваш супруг Арнольд Голицын приносит деньги вас как я понимаю не особо мучат угрозы свести Но вот Рашевский

— Что ты говоришь Валерий! Ведь он твой отец хоть и не родной Он глава семьи Он должен кормить семью И потом Леночку нужно было отдать замуж А я не могла найти нужную работу Ведь ты прекрасно знаешь о том, что эстрада погубила меня.

Голицын поморщился

— Давайте не будем об этом в сотый раз — попросил он. — Еще неизвестно, потеряла ли страда от того, что вы покинули ее. И винить нужно прежде всего своего мужа

— Арнольд Филиппович — достойный человек — Эльвира Самсоновна прикладывала плачток к сухим губам газам — Вы не понимаете друг друга Он ничего плохого тебе не сделал Наоборот

— Как впрочем и хорошего — заметил Голицын — Валерик! Нужно быть благодарным Он дал тебе свою фамилию

— Благодаря вас и низко кланяться — передернулся Голицын, поворачиваясь к матери — Я бы предпочел носить фамилию своего отца имени которого вы до сих пор скрываете Отца! А не этого — Голицын остановился Эльвира Самсоновна плакала

— Валеоник уверяю тебя — всхлипывала она, — уверяю тебя что был недостойный человек

Голицын молча ушел на кухню ставить кофе На другой день мать уехала Голицын взял у Бадаева машину и отвез ее в город В вагоне, извивавшись перед матерью попросил

— Не следует так часто приезжать ко мне Дорога долгая пересядешь Летом возможно, я заеду навестить вас Привет Елене

Позвонил ч. вышел на террон

Валерио было четыре года когда в их семью вошел Арнольд Голицын Регистрару с ним свой брак Эльвира Самсоновна Ступина с удовольствием взяла фамилию мужа считая ее более сценичной И Валерио стал Голицыным но о чество за ним сохранял отцовское Уже будучи взрослым он размыкал одну из тех что когда-то выступал вместе с матерью надеясь узнать что же был его отцом

— Что вы, молодой человек, — удивилась бывшая звезда страды — Жизнь долгая и столько всего было в ней Ваша мать тогда только начинала она имела успех и конечно же у нее была поклонники А что мама? Как себя чувствует? — трясла головой страду

— Прекрасно! — ответил Голицын — Прекрасно себя чувствует и шле зам призе

Арнольд Голицын — бывший танцор ансамбля песни и пляски потом страдный конферансье в период их знакомства с матерью — теперь вел драмкружок в одном из клубов и постоянно играл на ипподроме Иногда расхрыс «Советский экран» он удивленно восклицал

— Боже мой! Народный артист! Лауреат Государственной премии! Эльвира, ты только посмотри! А ведь мы начинали вместе Кто бы мог подумать что из него выйдет толк Помню ему все не удавался этот вот жест

Семья Голицыных считала себя театальной Здесь говорили только о сцене, на стенах висели афиши бывшей славы, в квартире постоянно пребывали какие то старушонки

— Старые актрисы — подымая палец, тихо говорила Эльвира Самсоновна детям

— Какие глупа! — восклицала шептали старые актрисы глядя на Валерию — Есенинская синева А руки! Это руки трагика! Конечно же у родителей артистов и дети должны быть артистами

Валерия — сестра Елене давно был определен путь в большой балет — за она стала готовить к сцене Первые уроки актерского мастерства он получил не дому Арнольд Филиппович учил его отбрасывать жесты и мимику Эльвира Самсоновна ставила сыну полог

После школы разговор шол только о поступлении во ВГИК

— Если уж поступать, — сказал Арнольд Филиппович — так только во ВГИК Эсс знаменитости вышли отуди

Но Эльвира Самсоновна была согласна и на Щепкинское училище Она уже представляла как в кино будут продавать фотографии сына а соседи, кланяясь на лестнице первыми говорить чество — О-о гаш Валерик играет с самим Смоктуновским!

Валерий послушно отнес документы и, не пройдя и первого тура благополучно вернулся домой Глаза не помогли Проскучев од он поступил в сельскохозяйственный институт на отделение мелiorации в вуз весьма далекий от кинематографа Такая же история произошла и с сестрой Еленой Вместо хореографического училища она окончила медицинский институт и работала врачом в одной из клиник Тогда же после их провала Эльвира Самсоновна стала кричать на мужа упрекая что он горюл детей не по той системе Муж назвал ее дурой и ушел на ипподром смотреть на лошадей, К театру он давно охладел

Окончательно Валерий разошелся с родителями перед защитой диплома Последний год он жил в общежитии Ржевская училась курсом старше история с отцом и холодный прием родителей Голицына рассорили их она уехала из города а через год, получив диплом уехал и Голицын Писал он только сестре, изредка передавая родителям приветы, но мать, простая сына приезжала уже дважды навестить его Это был ее третий приезд

Будильник показывал половину восьмого Голицын поднимался, заправил постель, покидал немного гурию и стал бриться, поворачивая перед зеркалом узкое синеглазое лицо Починив бритву, склонился над раковиной умывальника и набрав на палец пену «Коммунист», протер зубы Щеткой чтобы не испортить эмаль он пользовался через два дня на третий Прополосав рот не вытирая лица, пригладил мокрым ладоням ржавые волосы и стал собираться на службу Поверх двух теплых носков натянул женского размера болотники, дважды завернув их так чтобы расшнуровались на уровне колен и надел саитер и еще раз поправил-триссал гдизнутые свитером волосы Надо было что то поест с утра но есь не хотелось В быту что оставалось немного тортевина Голицын влил его в горячий густо заваренный чай надел берет, сунул в карман куртки три яблока и кивнув поручику Лермонтозу, смотревшему со стены спустился вниз, где уже стоял самосвал Кольки Перевалова

— Доброе утро, Николай Антонович! — Голицын сел в кабину — Как поживаете?

— Куда? — спросил крупный Перевалов, косясь из-под козырька захватанной кепки — Куда прикажете двигаться? На раскорючку?

— В контору — Голицын достал два яблока, одно грохнул Перевалову — Забываете Николай Антонович, планска сегодня Участок потом

— Извините — засмеялся Перевалов, выжал педаль и взял с места на второй Самосвал обогнул дом и вышел на прямую

На втоюй этаж конторы Голицын взбежал стремительно Быстро прошел по коридору здороваясь на ходу В приемной положило оставшееся яблоко Ангелине улыбаясь ей и потянув на себя дерматиновую дверь шагнул в кабинет Качура уже сидел там Начальник третьего участка Петухов передал с диспетчером что на планска не будет уехал на участок что-то там стряслося еще вечером Было без пяти минут девять

— Ну что же — поднял от Бумаг голову Бадаев — начнем без Петухова Валерий Павлович, давайте, что у вас

— На сегодняшний день — размеренно начал Голицын — дела на участке таковы

После каждой тóчи фразы его Бадаев просматривал бумаги, однако слыша все, ставил встречный вопрос

— Таковы бригада Пантелеева согласно договоренности, работает на полях колхоза «Рассвет» заканчивая раскорчевку кустарника около Горелой вышки

— Когда закончат? — не повернул головы Бадаев

— На два дня работы

— Сукоподборщик на ходу?

— Собрался Вчера разговаривал с главным механиком

— Думаешь посылать туда Валерий Пазлович?

— Нет Николай Николаич, не будем посылать Не-е необходимости Подборка сучков на полях колхоза пройдет вручную Они хо-я устроит воскрес-

Выйдут школьники конторские служащие Поскольку у нас сукоподборщик один е-о мы перебросим на берег Чети к излучине Бригада Бражни-

кова вчера закончила последний гектар корчевки и перешла к оврагам за освященным полем

— Та ак — кивнул Бадаев — сколько у нас там гектар?

— Триста пятьдесят Как только земля отойдет на лубуня лемеха, начнем аспашку На новом месте борозня тянется почти вокруг всего освященного поля и уходит к дальнему оврагу По документам — двести семьдесят пять гектаров

Вошла секретарша Ангелина с бумагами Не доходя до стола засморготелась на Голицына, свободной рукой стала взбивать начес

— Ангелина Сергеевна — рот Бадаева пополз в сторону — вы что, впервые видите Валерия Пазловича?

— Николай Николаич — очулась секретарша — подлиши е

— Ого, кто это сочинил? — Бадаев сдвинул на лоб очки — Гусев? Верните, пусть перепишет Человек с высшим образованием, а грамотно писать не научился

Дождавшись пока секретарша вышла повернул отъез к Голицыну серое с пысыющим лбом лицо

— Как только бригада Пантелеева закончит на колхозных полях сразу же переводите ее на строительство дороги Погоним прямую дорогу от Регульдетского поворота на Покровский Яр Разобьете бригаду на два звена одно пойдет от поворота к Кию второе перегоните через старый мост в Покровский Яр, и пусть оно идет нас речу Незачем нам всякий раз давать крюку двадцать верст когда можно напрямки Как только Кию спадет — начнем строительство моста Смету уже составляю

— Петухов не поможет от поселка?

— Не поможет У него своих работ полно Перегоняйте Гравий на пристани через два-три дня можно начинать Все?

— Все Раба-а ведется в две смены — закачивает Голицын, — больных нет на увольнение никто не попал За технику отвечает линейный механик Свирин

— Акимов работает?

— Работает на толкане в звене Ахметзянова Тот взял над ним шефство Я говорил с ребятами, они присматривают за ним

— Хорошо Иван Ефимич, как у тебя?

Начальник второго участка Кауруа громадный коротко стриженный мужик толстопытый сезонный в атланке и резиновых сапогах сидел перебирая на коленях чеггунцами тальцами исписанные бумажки

— Дела идут, мать их та-а, — загудел он Скомкал аспотешей ладонью бумажки, сунул в карман —

Дела идут Вот дамбу закончить бы да нт тремп-альные подат

— С промальных успеешь Сколько у тебя экскаваторов на дамбе?

— Семь на дамбе Два на котловане работают под насосу

— Сколько осталось отсыпать?

— Метров четыреста никак, — трудно шавелил губами Кауруа — до ручья

— Кстати, кто у тебя заканчивал осозку кочек за ручьем?

— Черт их знает, Николаич

— Черт не знает Ты обязан знать Ты начальник участка Михеев там работал?

— Ну Михеев — Уши Кауруы налились огнем

— Почему за ручьем кочки не тронуты? Забыли? Вот что пока грунт держит — направо туда Михеева а за то что не сделал в прошлый раз, сними с него одну зель премии за март Я проверю

— Да ну у, Николаич — сопел Кауруа — за что же мужике

— Договарались — кивнул Бадаев — Кто помнит, когда в прошлом году Кию «тронулся»?

— Числа семнадцатого, — неуверенно сказал Голицын

— Иван Ефимич! Экскаватор с котлована снять с ним успеешь Перегнать на дамбу Как думаешь не разное? Высота достаточная?

— По документации почим

— Поднять бы надо сантиметров на тридцать, — вмешался Голицын — В прошлые полноводье вода высоко шла я по деревьям помню

Кауруа недовольно засопел Дамба — его Кауруы забота, и Голицыну до этого нет дела Отчитался — и сиди Никто не спрашивает

Голицын понял его Он, Голицын, знал свою работу на сто двадцать а как говорил один из его почитель-и И не потому что знание производства делало его независимым от начальства или в какой-о мере — всего не предусмотреть — предохраняю наперед от возможных производственных казусов

Нет Прежде всего это давало ему внутреннее удовлетворение как стоциалисту Да и другого положения он просто не представлял Знания которыми он располагал теперь, выходили за пределы деятельности ПМК и Голицын почувствовал что он совершенно свободен может руководить колонной Даже более энергично чем Бадаев И в то же время, что примерялся к должности этой, пока ему достаточно было участка Просто зна-а — и все И другие об этом знали И Бадаев Бадаев после первого года совместной работы предложил ему должность главного инженера колонны Голицын отказался сославшись на малый опыт Бадаев исподволь присматривался к нему и в минуты болезни, в минуты душевного смятения не один раз ставил его на свое место но пока тынул сам

— Иван Ефимич — сбивая раздражение Кауруы предложил Бадаев — пока вопрос с дамбой не станет оспаривать После этого поведем на участок посмотрим на месте Я думаю что поднять все-таки следует Никто нас за это не накажет Документация документацией, а подстраховать себя надо Не помешает Вот еще что — Бадаев среди прочих бумаг нашел нужную взгнул, — необходимо послать в командировку четырех человек двух трактористов двух экскаваторщиков По два человека с участка

Посылаем в Белоруссию сроком на пятьдесят дней Цель командировки — знакомство с работой по удалению кустарника и укладке закрытого дренажа Что-то новое придумали белорусы надо и нам заинтересоваться Подберете ребят потолковее

затра подадите список

— А кого я пошлю? — недовольно загудел Качура. — Легко сказать — двух человек. Сними — участок оголишь. Дамбу заканчивать надо! Надо. Аж в Белоруссию Или мы кусты не умеем срывать? Руками вырываем, если пужно. У меня вон пять человек в отпуск просят. Пусть Готуха посылает, у него народу много.

— Не мудри Иван, — устало сказал Бадаев. — У Петухова строительный участок, он осуждением не занимается. Тебе же с болотами возиться. А то вон Валерий Павлович своих направит.

— Он направит, — хосился Качура. — Он и так горит все сам делать. Куда нам, старикам, до него. Бадаев и Голицын засмеялись.

— Ну все — Бадаев встал. — Да, забыл вам предсказать, — он посмотрел в сторону Лукашина — товарищ из области, интересуется нашей работой. Валерий Павлович — Бадаев уже надевал шляпу, — вы куда сойдете?

— Узнаю перегнали сукоподборщик или нет. Если перегнали поведу постройку как идет работа.

— Хорошо. Мы едем на дамбу Валя, вы с нами! — спросил Бадаев Лукашина.

— Конечно.

Спустились вниз вместе Качура, Бадаев и Лукашин сели в машину, Голицын пошел в диспетчерский. На второй участок — сказал Бадаев шоферу и откинувшись на сиденье закрыл глаза.

Опустив стекло он ловил сухими губами ветер, залетавший в кабину «Газик» расписывая лужи, уходил к Покровскому Яю.

Он Бадаев, не для того каждую неделю собирал планерку чтобы узнать от подчиненных, как идут дела на участках. О том как идут дела, что как и где делается, он прекрасно знал сам, почти ежедневно обходя объекты. Он хотел выслушать начальников участков и узнать, что они планируют на завтрашний день, на неделю вперед, на месяц, как будут распределять время рабочих, технику. Что думать о работе своей. Все эти сведения во многом облегчали ему, Бадаеву, руководство. Они были каждый на своем месте — начальники участков. И молодой знающий дело Голицын, и осторожный, медлительный Качура который тридцать три раза отменял, прежде чем сделать что-то, и до удивления мастеровитый мужик Петухов который и грамоте не шибко разумел, а брал смекалкой, умением делать любую работу. У него не слухавшись, чем делалась как попало — всюду успевавший. Прораб, год как из института, ходит за ним, то и дело спрашивая. И Бадаеву всякий раз было приятно что на старости лет пришлось работать с такими людьми.

Из всех троих одному Голицыну намечено было показать себя в эти двое уже достигли чего могли, и большего от них никто не требовал.

Начальник второго участка

Начальник второго участка бывший полковой разведчик кавалер орденов Славы всех трех степеней пятидесятилетний Иван Ефимович Качура женился двадцати с лишним лет от роду и по сей день был привязан к своей супруге. За время совместной жизни с ней нажил шестерых детей. Вернувшись с войны, Качура сел на трактор и, может быть до сих пор работал бы трактористом, если бы не сосед.

А сосед ему тогда сказал вот что:

— Что же ты Иван? Смотрю я на тебя, и стыдно мне делается. Носить такие ордена — и работать на тракторе. Ведь ты у нас на весь район один в геро-

ях. А может, и на всю область. Другая тебе работа нужна. В начальники тебе Иван, нужно — один выход. «А ты верно говоришь — удивился Качура. — Как же это он, чужой человек, а все обо мне продумал?»

А сам я не мог догадаться».

Долго размышлял он, как бы это ему удачнее определиться со своими орденами. Но ничего путного придумать не мог. Все подходящие должности вокруг давно были заняты. Да и не помнил он такого, чтобы хоть одна из должностей когда-либо пустовала. Оставил он эту затею с должностью, но вдруг вспомнил, что в свое время закончил семь классов. И что вот эта справка об окончании, маятая, протертая на сгибах бумажка, и есть теперь основа всей будущей жизни его.

Справка тотчас была найдена среди прочих документов. Весну и лето тайком от своих уходил он в баню и там листал забытые учебники. Три раза подряд, из осени в осень сдавал Качура вступительные экзамены на вечернее отделение районного техникума сельского хозяйства. Диктанты Качуры, в которых после проверки красных букв было больше, чем черных, ходили в техникуме по рукам и, наконец, дошли до директора. Директор, тоже фронтвик пригласил к себе Качуру.

— Слушай Иван — сказал он смущаясь — а я и не знал что ты к нам поступаешь. Надо было зайти, я бы сказал ребятам. Да неужто мы тебе, орденосцу тройки на вступительные не поставим?

— Тройки вы мне допустим, поставили бы — засопел тобуревший Качура — только на хрена они мне нужны. Мне не тройка нужна а ремесло. Это как если бы мне вместо настоящих орденов картонные навесили. Пожалели б меня на вступительных а потом из года в год переводили жалая. И что вышло бы? Как пришел я к тебе дурак-дураком так таким и выскочил бы. Ну, нет. Десять раз буду поступать а свое возьму. И не вздумай ничего говорить им слышнись а то сейчас заберу бумаги.

На третий раз поступил И стал учиться. А что значит учиться мужику, который к этому времени таблицу умножения забыл начисто, ктозой с утра до вечера на тракторе? И домашние заботы: корова, овечки куры без которых нет крестьянина! Огород пятьдесят соток — вспаши, посуди да обрабатывай. Детей шесть ртов — корми одевай учи. Да дети как кто шальные вышли. Разлетелся восьмиклассник Витка на велосипеде по перелуку что есть мочи, а тут соседского поросенка — не больше рукавицы поросенок — черти вынесли. Сшиб велосипедом насмерть. Пришел сосед.

— Плати! — И цену потребовал как за трехкосячного.

— Да ты что! — по-медвежьи всплыл на дыбы Качура. — Поросенок то крошечный!

— Хе! — хмыкнул сосед. — Это он сейчас маленький а через год каким бы стал — в центнер.

Что же пришлось платить. Весна. Троицын день. Из дома в дом гости ходят. Сидит Качура в горнице, учебник раскрыл маракует — сессия скоро. А жена злая. Горячая баба, вот-вот скандал затеет. Жена юбку чистую надела — хоть раз в году к теще в гости сходить, а он сидит, уткнулся носом — не своротнись. Встала в дверях.

— Мерин ты сивый! Чего надумал к старости — читай! Школы тебе не хватало, идул! И как я за дурака такого пошла — не жизнь, а каторга! Другие мужики как мужики, а этот

Уперев палец в строку, Качура поворачивается к жене.

— Маня! Ты свиному накормила, Маня? Нет? Так пойд и накорми!

— Тыфу на тебя! — зверела жена и уходила к тетке.

Качуре там делать нечего. Пришел в гости — выпить надо. А у него правило гулять — так гулять, работать — так работать. Выгуешь, утром опохмелиться захочешь. Глядишь, день пропал.

И одна сходит, ничего.

— Вот у меня Манька — баба — халясилась Качура на работе — никому не уступит.

В первые же дни совместной жизни супруга сразу налетела на него жетая показать характер и утвердиться этим в смысле. Тогда Качура тротанул ее слегка, чтобы не забывалась. С тех пор не обижал. Иногда, правда, доводила она его, а у него у мужика, были свои заботы. И не для кого-нибудь он старался, для семьи. Хотя бы вот и учеба. Но она любила его — знал Качура. Да оазе, не любя, столько дотси наоажашь?

Вдохнув Качура переворачивал страницу. Многие с кем он начинал и тогда не выдержали бросили учебу. Но Качура был завидно упорен. Это упорство в былые промсна заставляло его разведчика Качуру, одного уходить в ночь от сзю-х позиций к немецким окопам и возвращаться полком обратно. Тада на себе немца. Это уорство помогало ему на старенких довоонных тракторах делать по две нормы за смену. Да мало ли чего.

Сдав экзамены за второй курс, Качура терешел на стройучасток. Работал бригадиром долгое время мастером, а когда образовалась передвижная механизированная колонна и Бадаев возглавлявший до того районное управление сельского хозяйства стал ее начальником, он взял Качуру к себе.

Давно был окончен техникум, появился кое-какой

опыт в руководстве участком, но Качуре этого было мало. Кроме поиродно о уорства, жило у нем неистребимое жолание соперничества, единоборства с кем либо. И он постоянно задирали Голицына, равнуя Бадаева к нему, а тот только посмеивался.

— Везет же людям, — завидовал запоздалой завистию Качура. — Войны не видели, все у них возрелось — школа, институт.

А тут пока техникум окончил, полился вконец. И рабочие у Голицына по мнению Качуры сброд всякий, вербесанные, освобожденные, которые. А подаст сводку за смену, глядишь — сто двадцать процентов. Вот тебе и на. И никаких азарии. А у него, у Качуры, тракторист, который при приеме ктлся всеми богами, нажрался в первую же получку и застел на тракторе в овраг. Вытаскивай теперь.

На планерке, когда речь зашла о дамбе, Качура хотел уже горлом взять, да вовремя опомнился. Голицын ему был нужен. Хватка у него у Качуры была — знаний не хватало. И надумал он поступить в институт.

«А что — размышлял Качура — какие мои годы? До пенсии далеко. Закончил техникум, институт закончу — все одно время идет. Осенью поступать, а пока суд да дело — подготовиться». И здесь он сильно рассчитывал на Голицына, что тот поможет ему подготовиться к вступительным. А то неудобно получится, начальник участка, и вдруг экзамены не сдал.

Приехали на второй участок Качура сразу затопил с экскаватором на котловане, чтобы перенять их на дамбу, а Бадаев с Лукашиным вышли на высокое место, с которого видно было всю сделанную и предстоящую работу.

Бадаев рассказывал

— Сейчас мы с вами, зходящим между Чулымской и ее притоком Клей в двенадцати километрах от стоящего здесь по елка Покровский Яр Место это издавна называется Большое болото Болото начинается здесь и тянется довольно далеко на восток Каждую весну выходя из берегов Кий за топят болото и если лето сырое вода так и стоит до заморозков В жаркое — высыхает колено Изыскивая для поселки угодья мы ринули использовать это болото Прежде чем о заехать его нужно было построить дамбу чтобы отделить от поймы точечной воды Дамба заканчивалась сиз волне зон того перелезла видите где работают экскаваторы Место там высокое и не необходимости вести дамбу дальше Зимой мы пустили по Болоту конкорвы промывали раскорочку ку тарнаков и таким образом полуили несколько сот гектаров полезной площади Вся эта площадь расчистана под ДОКП, точнее, долготелее орошаемое культурное га бытие В Понбайтиске оодобные пастбища культивируются уже лет пятьдесят мы же только начинаем Делаться это так боеится на будущем пастбище степи — траншеи и в них подкапывается закрытые дренажи — трубы для стока и подачи воды Вся площадь разпахивается и засеивается культурными травами Пастбище обнесено заграждением — проволоочным как правило — разбито на квадраты или участки на каждом участке имеется голиничная установка Чедалеу от пастбища водонаосная станция — колован уже готовая — которая сообщается с естественными водоемами в данном случае с речкой Кий Насосная станция двустороннею действия В дождливое время вода с пастбища будет откачиваться в Кий, а засухливые дни — подаваться из реки к поливочным установкам Ское пасут чере дая участка Скормили на одном загоне сразу по регонуют на другой — и так далее На использованных производится ежедневная поливка, чтобы быстрее подрастала трава Чем мы руководствовались выбирая это болото? Прежде всего оно недалеко от поселка Это очень важно Потом место тут открытое свободное для ветров, гнуса меньше чем а тайге на полях Тачки пастбища уж и тем хороши что освобождаются за сие пастухов рабочая сила Загнал скот — и пасис он себе на здоровье А парники и огороды планируют я по берегам Чулым реки Сразу же за поселком Место там высоко вода не достает

Подошел запыхавшийся Качура, спросил — Ну что Николайч, станем подымать дамбу? — Посмотрим сейчас. Давай-с выйдем на берег где то там пень есть. Голицын рассказывал, в прошлое половодье захлестывало его.

Наши тень Бадаев встал на колени прищурясь посматрел поверх пня на дамбу сравнивая высоту — пень сгор- чуть-чуть поуже.

— Посмотри — уступил место Качуре
Качура долго целился тоочередно прижмуривая
глаза Зстап отряхнул штаны на коленях

— Подымать придется Николаича.
— Подымать — Бадаев сел на пень, вытянул но-
гу с протезом — Расставь экскаваторы по всей дли-
не, и каждому — задание А чокнется за рулею
гошля завтра же А то так и останется кусок ни-
кому, ни сердцу Иди растояряться а мы подем —
Встал опираясь на палку пошел впереди Луканин
к малякам По дороге стенозился, глядя в спину
и удивлялся почему так было с собой ра-
зговаривал — Мужик старательный, только вот ра-
зговаривать малознает.

— А вь что окончили Николай Николаич?
— Сельскохозяйственный зарчно

Письмо Яковлеву

Ожив ручку, Лукашин открыл дверцу печи, чтобы подбросить дров. Долго смотрел на огонь, вспоминал свой приезд сюда. На плите кипел чайник, крышка мелко подпрыгивала, протуская пар. Лукашин снял чайник, заварил сухим смородником. Сел к огню, положил на колени книжку на нее — тетрадь.

В комнате тепло, на дворе темь апрельский востер стелился низко сушил землю В деревьях бродил сок, распрямляя оттаявшие ветки

«Милый Яковлев — писал Лукшанин — прошло уже двадцать дней как я живу на Чуйлым-реке. А такое впечатление, будто побывал здесь долгое время. Я тебя благодарил мысленно — а сейчас вот пишу в письме — за то что ты отпустил меня сюда. Хандрама прошла. Весной я всегда себя лучше чувствую. В будничной мне всегда надежды появляется желание жить. Счастливо. Скорее всего, в эти дни я не ногой — оглядываясь то сторонам, расспрашивая все, с самым большим запомнить и люди, и места здесь славные»

В середине апреля тронулся по рекам лед. Мне иногда не приходилось наблюдать псеходов на крупных реках, — за моей родиной в верховьях Шегарки, Большая вода случается редко. Раз в две своей жизни наблюдал я как переполненная Шегарка несла воды но то что мне довелось увидеть здесь я тебе никак не могу рассказать. Несколько дней подряд дул теплый влажный ветер все ходили возбужденные повсюду «Скоро пойдёт!» И в один из дней, пополуночи вскрылись поднялись речки Кия Чета Магача («завалина киев!») все это хлынуло в Чудьму-реку, лед зашевелился отдельные льдины вставали на ребро сверкая на изломах синими гранями вода ежминутно прибывала из ручек и ручьев завали душной го течению стро нул чагаромождения, заветы заторы, и все это пошло пошло, пошло повороча на Север к Оби. Был воскресный день мы стояли на берегу — Дубы Голицыны, Кокляка Перевалов, — провожая взглядами лед. Все были как пьяные. Уходить не хотелось.

Вечер Я сижу у Голицына Я сижу спиной к окну, обложася с столешницей на столе старинный поддонный маэрю по подсвечник с три свечи — хозин обожег свечи на столе большая керамическая кружка горячего чаа развального портвейном хозин редко пьет вино в чистом виде на столе длинные папиросы слабого табака — хозин е курит сигарет Хозин хозин из угла в угол через комнату и говорит О чем он говорит? Вороник голу блу рубашки е о рассогнут на нем замшевая на меху безрукавка, серые отупоженные брюки, да машинные туфли Я смотрю на руки е-о которые живут, помогаа выразить мысль и думаю кто передо мной? Может быть, это ведущий актер столичного экспериментального театра по? избалованный публикой, исследователь Шекспира вводящий меня в «яны средневековой драматургии? Ничуть не было Это рядовой инженер меллиоратор Но это иже чер Голицин О чем он говорит? Говорит он ие обходности немедленного преобразования села — в данном районе — в яны — в яны — в яны — в яны, он щелкает пудры менчик меллиоратор, говорит о ведичи подобных работ — на рубежон, он знает английский язык он волнуется и подымает на меня свои прекрасные синие глаза Я смотрю на него и удивляюсь Откуда з-о О моложе меня В двадцать пять лет окончил институт третий год работает с Бадасовым И мне чрезвычайно приятно что он, горожанин знавший раньше девять-о тот

ко в дни практик так говорит о земле. Он готто сью согласен с Бадеасым и поддерживает его. Он убежден что надо идти дальше. Мне приятно. Ты ведь знаешь что износившиеся деревья — моя та перешняя боль. И как неожиданно приятна встреча человека, понимающего тебя. Голицы открыл мне тайну Бадеаса. Оказывается: деревня Покровский Яр на месте которой строится новый поселок — родина старика. Когда зашел разговор о строительстве нового поселка и стали выбирать место Бадеас настаивал чтобы строить на берегу Чу-тым реки. Я в поминил как однажды когда мы приехали на третий участок смотреть поселок он, показывая мне строительство вспоминал: «Вот здесь была школа контора колхозная там — скотские дворы» — «Часто приходилось бывать?» — спросил я. «Бывал» — ответил он странным голосом. А потом оставил меня с Петуховым и ушел. Вернувшись к машине, я спросил шофера де Николай Николаевич, и увидел как прихрамывая вышел он из безрезька, где находилось старое деревянное кладбище. Сел вперед и промчал всю дорогу. Оказывается там похоронены его родители.

Голицын подходит к столу прихлебывает чай еще раз садится напротив. Мы говорим о том, о сем, часто — о литературе. За недостатком общей культуры от неумения досюг очно выразить мысль я больше молчу, слушаю. Я не бог весть какой знаток литературы или чистоси и каждую книгу картину ли воспринимаю чисто эмоционально, но не вдаваясь в тайну ремесла. А он начинает совершенно свободно говорить о теории стихосложения, о театре. Понятно, столичный житель ин «эллитогенная семья. Любимый поэт его — Лермонтов. Он мне читает Лермонтова. Он читает «Завещание». Шепотом закрыв глаза. И никакие поэмы ни какого желания удивить или поразить меня. На лице его стоаение — и только. «А ведь он талантлив» — думаю я, глядя на его руки.

Поздно. Мы достаем чай. Я встаю. Хозяин прощается до лестницы.
— Дойдешь? — спрашивает он полуобнимая меня. — Заходи. Валия »

Лукашин открыл гечку посмотрел. Дрова прогорели, угли лежали ровно подорнутые тонким синим огнем. И ткнули изнутри печи устойчивым, сухим жаром.

— А как там, в городе? — писал датее Лукашин. — Ведь я не знаю весеннего города»

Лукашин гомнил зимний город и он нравился ему. Город был старый со множеством деревянных улиц. Покров Лукашин любил ходить мимо Белого озера к собору на Воскресенской горе и вниз по улице Шишкина где стояли двухэтажные, на фундаментах рубленные обояники с изумительным кружевом резьбы по карнизам и наличникам. Такими обояниками был уставлен Савельев спуск, и морозными уграмми оранжеевые на востоке над крышами их ровно стояли дымки. Где то за окраиной строились пятиэтажные дома новых районов а старый город оставался таким, каким он был и сто лет назад. Стоя на Воскресенской горе откуда был виден весь город, Лукашин представлял как в давние времена таким же вот морозным утром накануне базарных дней, шли из дальних деревень обозы. Как грелись мужики чаем на постоянных дорогах — заиндевели чини под навесом хрустали сеном — а рано утром отправлялись в дорогу. И целым днем в морозном воздухе слышались редкий говор обозников и скрыт ползущие и фыркание коней.

Яковлев много рассказывал об истории города. Он был автором уже двух книг Яковлев. По ледяная разлилась Лукашину. В ней было собрано несколько

коротких повестей и первая об эхотнике была лучше других. Простыми фразами з ней хорошо было передано состояние больного оленя как уходил он в горы спазаясь от волков. Как лежал на снегу зачалеюно дыша а снег подтаивал под его горячими боками. Ночь, ветер и далекий волчий вой.

Э у книжку Яковлев подарил Лукашину с теплою надписью Лукашину мало кто дарил книги с надписями, он редко общался с писателями и верил еще в искренности слов-посвящения.

«Милый Яковлев — писал Лукашин — В город я вернулся видимо в конце мая с тем чтобы за лето обработать собранный материал, а где-то в сентябре вернуться обратно и пожить еще месяц-полтора. Всего в письме не опишешь да и не следует этого делать хотя бы потому что виденное и слышанное перемешалось во мне и нужно ему отстояться, чтобы потом посмотреть на все спокойным взглядом дать более верную оценку и людям и делам их. Уже поздно и я тожусь спать. Утром заседаю мой новый товарищ Колька Перевалов. Он работает на самосвале обслуживая с огнотисном третий участок, но сейчас его перебрисали на строительство дороги к Покровскому Яру. Он возит грязь с пристани. Я хочу поближе сойтись с ним».

Лукашин запечатлел письмо, написал адрес и положил на видное место чтобы не забыть. Выключил свет, лег накрылся одеялом.

Апрельская ночь была томна. По прежнему шумел ветер и редкие огоньки светились по поселку. Задумавшись сидел над раскрытой «Историей Бадеаса: Голицын перечитывал в постели «Мастера и Маргариту» уткнув голову в подушку, спал Колька Перевалов заложив за голову руки тоскозала с открытыми в темноту глазами. Дарья Ладигейчева перелипывала стихи на память — «Постель была растелена а ты была растеряна» — из чужого альбома в свой Ангелина.

Жизнь Кольки Перевалова

От пристани откуда Перевалов возил грязь до строящегося участка дороги верст пять надо ехать. После третьей ходки Перевалов ота новил самосвал возле столовой — перекурыть.

— Я рано есть не могу — на ходу говорил он Лукашину. — Накуришься за день утром в танешу — во рту черт знает что. Воды кружку захватеше — и в гараж. А чаем к одиннадцати начинае сосать. Вошли в столовую тихо у них в это время».

— Знай! Лапочка! — закричал о порога Перевалов девушке, стоящей на раздаче. — Три гуляша в одну тарелку! А ты умру!

Столовские засмеялись засмеяла я Колька, бросил кетку на буре — и пошел к умывальнику, зипсшему в углу за занавеской. Лукашин взял стакан смечани, два яйца чай хотел расплатиться за Кольку, но тот не позволил сам уплатить за все вместе и перенес еду к окну. Сели. Колька съел три гуляша, полтарелку хлеба выпил два стакана компота. Лукашин с улыбочкой глядел на него.

— Во мне слеза. Богу восемьдесят шесть килограмм весу — Колька ложечкой чай выебал из стакана сухощуфрукты — чем то надея поддерживая. Ну вот, теперь до вечера. Пошли, что ли? — З Казане достал «Приму» протянул Лукашину — Закурим — и на пристань. Не курюш? А я — Колька выбросил женушку спичку — ге? — пятнадцать начал. Мать по рола раза два да все одно не броил — засмеялся — Поехали! — Колька мякот вел машину раскраса зывал — Ты невесту мою не видел. Аньчх Порогу? Да

видел, белокурая такая Помнишь, мы пришли в кафе, а вы с Голыциным сидите. В тот вечер, когда Акимов драку зачал. Да я вас занекомил, кажется.

— Да — вспомнил Лукашин — Высокая, Голыцин танцевал с тобой.

— Вот вот — обрадовался Перевалов — Я то сам местный а она красноярская. После армии на стройке там работал. Познакомились. И еще на одной стройке вместе были, а уж потом — сюда. Я как узнал, что здесь такое затевают, сразу же письмо Бадаеву. Сообщите что и как. Он пишет: «Приезжай работы хватить». Я Бадаева давно помню — он с отцом моим дружили и на фронт вместе уходили. Бадаев он с Покровского Яра, а мы на Чети жили. Деревня называлась Таловка. Татины там по берегам Разбелась деревня, а до сих пор стоит в глазах. Мне Бадаев говорит: «Вот — Николай, начнем заново. Чуть осваяться на месте — выкоп Таловки новую постройку». Дай бог, думаю — Помолчал, а потом — Я за такими мужиками, как он да Голыцин, куда угодно пойду. Да я ведь про Анку начал. Она на третьем работала у Петухова в бригаде отделочников. Штукатурные работы. Малирные. Осенью решил пожениться. Я особо не спешу, но и затягивать шибко не следует. Нам мужикам легче, до тридцати лет можно ходить. А девочке как? Чуть за двадцать перевалит, она считает — пора. А мне в ноябре двадцать три сравняется. Я не обуюю ее. А зачем? Они девочки, шибко чувствительные. Насчет этого переживаю, постоянно. А ты сам-то не жонат. Валя? — повернулся он к Лукашину.

Лидо у Колюк доброе с редким бегесовой щетиной на подбородке. Нос плоский, смешной. А глаза серьезные. Глаза и заставили Лукашина ответить.

— Как тебе объяснить — сказал он — И женат и не женат. — И неожиданное для себя добавил — Ребенка жалю, а так — что ж, не хзет ну и не надо.

— Понятно — кинул Перевалов — У каждого что нибудь не ладится. Валерий Павлович — тоже вот заостусет иногда, то глазам видно. Спросишь о чем нибудь а он и не слышит вовсе. — Притомозлил машину закуривая. — Ты зовешь, какое самое сильное средство от тоски-кручины есть? Нет не водка. Работу я, когда мать умерла, места себе не находил. Отец у меня тоже шофер. Войну на полutorке прошел, вернулся здесь, года четыре работал. Ранен был, болел часто. Остался мы с матерью, а я Витка. Витка — на родной брат — приемный. Детдом тут был после войны. Мать пошла как то да и привела его. И никогда между нами различия не делала. Ну вот живем с матерью. Вроде мы в армии идти а она и оворит: «Дождись тебя Коля, а уж тогда и помру спокойно». Отслужил я честь чество, вернулся а она ложит болел Витка не писал мне, знал, что скоро буду. Месяца три еще жила была. Она, мать-то наша нарабатывает вдоволь за свою жизнь. Похоронили. А тут теки вдруг объявились у нас, а их и не знал до этого. Бархало осталось после отца с матерью. Так они налетели как воронье. Посмотрели мы с Виткой на все это, плюнули, взяли каждый себе материну фотографию. Избу сфотографировали на память — мы тогда еще на Чети жили — и в разные стороны. Витка сюда перебрался в рай он да ты видел его, навоеон, Витка Перевалов у Какуры на экскаваторе работает а я — на строинку. Я и до армии шоферил, а там на второй класс перешел. Дали машину стал работать. Работую, а мать из головы не выходит. Все вспоминаю как жили мы семейной кой. Как она о нас с Виткой заботилась, сама недоделала. Затоскую слушаю до слез. Только на работе и забывался. Машина не то чтобы старая, но и не первый год в ходу. Я ее на выходных отремонтировал и начал нормы выгонять. Надо, к приме

ру восемь рейсов за смену — а двенадцать даю. Ни помози, ни аварии. Стал на меня кое-кто коситься. Вот мол, за большими деньгами приехал, мотор! остыть не даст. А я не ради рублей, так Я, когда в машине, не отвлекаюсь, впереди дорога в кабине груз — работа. Да и рубли не мешали. Я к тому времени с Анной познакомился, дружить стали. Вечером пойти к ней, а не в чем — все на мне солдатское. Костюм надо было купить зимнюю одежду.

Мало-помалу стал я привыкать к мысли, что нет теперь у меня отца с матерью. Сам всечу хозяин. Плохо ли что хорошо — сам думай. Располагай. С Виткой мы часто переписывались, а тут и Анна стала мне уже как бы родной. Чуть что — бегу к ней. Она детдомовская, без родителей выросла. Смотрю — привыкла ко мне, и я у нее один на всем белом свете. Водкой я никогда не увлекался. Особо в компании выплещ — другое дело. Осень — зиму мы с Анной работаем а как лето наступает бедем от луск, без содержания неделю другую выпрошисы, и другие края смотреть. Три раза вместе сдзали.

В хороших местах бывали а все равно на родичу тянет. Посмотреть — ничего особого вроде. Топи да болота, как в песне поется. Комар ест. А все одно хорошо. Мы с Анной решили как отстроят Покровский Яр, буду сдавать первые дома, попросим квартиру. И осидем там, места вполне, поселок новый, вроде как и жизнь новая начнется. Многие рассказывают перебраться туда. Нам Бадаев развел поладом на Полевой, да отказлся я. Поживем пока в общежитях. Отдайте говорю, у кого ребяташи. Получим квартиру, а через год в техникум буду поступать, в автодорожный. Наш районный «енкиум» на механику чтоб Я уже давно об этом подумываю. А работу буду в колонне, пока работы для нас хватает. Я за свою жизнь всего в двух-трех организациях работал, но такого порядка, как в колонне не встречал. Началство тожовое — это главное. Отсюда и организация труда. Рабочий он всегда на начальство ориентируется. Из других хозяйств увольнялся к нам идт — примите, просятся. Конечно, и зарботорок приваскает. У нас стазин-механикагоры, которые на раскорнежке или вшапке, да хзт и на другие работают, а два раза больше чем начальники участка зарабатывают. Да и не только старики. Возьми бригаду Бражников — одна молодежь. Все после армии, после курсов. А работают как — люблю посмотреть. Дисциплина у них. Он Бражников сам на работе захлестнется, и остальные за ним. Они его, бригадира, наравне с Голыциным почитают. Молодежь каждый год поступает в колонну демобилизованные в основном. Специальности нет — пожалуй, ста иди на курсы. Курсы свои при ПМК — трактористов готовят, крановщиков, экскаваторщиков. Стипендия хорошая. Общежития. Шесть месяцев отучился — получаю машину. Главнее было бы желание жить и работать. Другого не расхачась. Есть тут у нас один, все космонавт замидует. Вот, говорит кому повезло. Слетал раз — и на всю жизнь обеспокоен. Выдал что слетал! А сам курсы трактористов одолеть не может никак.

Опять сбавил скорость закуривая. Машину по пустынной дороге Перевалов вел левой рукой, другой помогал в развороте. Но если видел встречную или подъезжали к перекрестку клел на руль и правую.

— Я так разумею, Валя, — начал он опять — Надо прежде всего знать свое место. Способности свои. Что ты сейчас можешь делать, а до чего не досок Я, к примеру, могу водить машину. Знаю ее — пока все. Так чего ж я ста-чу заиваювать кому-то. Голыцину хотя бы? Поставь меня завтра на его место и что получится — смех один. А другой гежит себе ногу за ногу и размышляет. Мне бы вот то, да мне бы вот

это а сам ни с места. В огновном в колонне рабочий люд встречаются правда иногда. Завтра кс ати заседание месткома будут разбирать кое-кого, приходи — Молчал долго думая о чем то потом спросил неожиданно — Никто тебя не обидел за это время? Нет? Есть у нас несколько таких. После отбытия Визгливые как все прилабленные за душой нет ни хрена, а пугаются. Я б таких самосвалом сшибал. Зайдет за кафе, выпьет кружку пива и начинает. А ты если чо, говори мне. Я в драки никогда не вступал, но силенка пока есть чуя. Вот! — Он сжал кулак и крутанул им. — Раз гвоздану, считай — конец. Ну ладно. Вала. Наговорил я тебе с три короба. Давай высужу а сам в контору. — Валери Павлович просил после обеда захватить за ним.

Местком. Дела семейные

Местком собрался в конце рабочего дня. В зале седьмого бесшумный председатель месткома, диспетчер Ерохин — бритоголовый, хмурый — сидел теперь уже за председательским столом в просторной комнате диспетчерской, разбирая всевозможные заявления жалоб, просьбы. Подходил народ. Кроме истцов ответчиков и прочих приглашенных, всегда, как правило, присутствовали начальники участков. Бадаев сидел; разговор обычно заигрывался и к концу заседания негоятия было — местком ли это, заседание какое производственное или очередная планерка у начальника колонны!

Местком а диспетсерский, а приглашенные все сидели в коридоре, их вызывали по очереди.

— Ну что, — поднимая от бумаж лица Ерохина — пора начинать. Все собрались? — И гостилел на Бадаева, листавшего записную книжку.

— Ты председатель, твою власть — улыбнулся тот. Рядом с Ерохиным сидела готовая вести протокол заседания, член месткома Власова, плановый хлопонец. Первым слушалось дело Самохина.

— Пригласите его — попросил Ерохин.

Федор Самохин тракторист с участка Качуры шагнул через порог, встал тут же лицом к столу, не подымая глаз с кепки в опущенных руках. С ним вошел отец его — старик, вахтер мастеровских колонны.

— О происшествии сообщит начальник участка, — объявил Ерохин, садясь.

Качура подыался. Он не любил таких заседаний, когда разговор шел о с о провинившихся рабочих, ему всегда казалось, что разберют не рабочего а его Качуру. К сейчас глаза б его ни на кого не смотрели, так ему было не по себе.

— Рассказывай, особо нечего — загудел он — В овоаг залетел вот что.

И повернувшись необычайно быстро к двери за кончал почти грозя пальцем Самохина.

— Ты мне что говорил, Федор?! Ты мне что говорил, когда я тебе заявление подписывал?! Ты клятвы давал что в рот не берешь! А теперь я коанея тут из за тебя. А теперь я тебя сычаю с трактора — вот что! Мало того — увольню тебя!

— Погоди! Погоди! — Ерохин постучал карандашом о графин. — Иван Ефимич, тебя местком просил рассказать о происшествии, а ты — увольнять. Он виноват, но вопросы увольнения ведаешь не ты. Сначала о деле.

— Он набедокурил, пусть и рассказывает — Мокрый Качура сол.

Неделю назад Федор Самохин работал на пахоте. Это было в понедельник, зарплату же давали перед выходным. Он бы слов нет, перетерпел день, про-

ветил голову, но подъехал шофер, с которым выпивали вчера привез опохмелился. Выпили Самохин не ел ничего утром его и повело. Чувства что работать пока не сможет, он поднял плуг, решив устроить трактор за овраг — был через него проезд — чтобы не видели с дороги, и поспать. То ехал взап! спяну левее, трактор и сполз в овраг, нелетел с ходу на пень, сокрушил гусеницу. Не выходя из кабины, Самохин уснул. А когда отрезвел, кинулся за помощью. Пока гусеницу ставили, пока тянули трактор двойной таягой — овраг глубокий, — время шло.

— Николанч — поднялся, глядя на Бадаева, отец провинившегося — Вы не увольняйте его, пожалуйста, меня, старика. Куда ему тогда — трое детей! Накажите как-нибудь он и сам осознал, мучается.

— У тебя самого что — язык отнялся? — спросил Федора один из членов месткома.

— Первый и последний раз, — Самохин глядел в косяк. — Перед отцом обещаю. С трактора меня сняли правильно. — Повернулся к Голицыну — Валери Павлович, возьми к себе, по две нормы буду делать.

Голицын молчал.

— Федор! — Бадаев снял очки, согнутыми пальцами потер глаза. — Сколько лет тебе, Федор?

— Тридцать, — ответил Самохин.

— Тридцать лет, — качнул головой Бадаев — Трое детей — И поднял голос до крика — Да ты бы отца постыдился! Старик пришел просить за тебя, как за малолетку! — Помолчал, сказал обидно — Как местком решит, так и будет.

— У кого какие повеления? — поднялся Ерохин.

— Оставить — раздалься голос — Вскоре бывает.

— Начет сделать за ремонт, а на трактор не пускать пока.

— В ремонтники перевести его, к Ермилову.

— Правильно! У того, небось, не выпнешь лишней раз. Воспитает.

Решили так. Черевести Федора Самохина в ремонтную бригаду сроком на месяц, а за ремонт трактора, простой его вычест из зарплат.

Самохины вышли.

В местком поступило заявление — уткнулся в бумагу Ерохин — от работницы Стукачевой в том что ее муж, слесарь Стукачев, является домой в нетрезвом состоянии, устраивает скандалы, заплет до рукоприкладства. — Сложил лист четверого — Жалобы от гражданки Стукачевой поступали и раньше.

— Да мы уже разбирали его этого Стукачева, — сказал кто-то.

— Вот вот. Чего с ним возиться — раз не понимает. В милицию передать дело.

— Сказал — в милицию. Это проще простого. Посадят, а детей что кормить станет, ты?

— А что ты предлагаешь?

— Убедить надо, вот что.

— Эээ, второй год убеждаем.

Ерохин и сам прекрасно помнил все разговоры со Стукачевой женой его. Ерохин плавил даже по праздникам самую малость, не мог спокойно видеть пьяного, а по долгу службы ему приходилось еще и разбираться в семейных дрязгах.

Позвали Стукачева.

— Вот что Стукачев, — посуровее еще больше, чем он был, сказал Ерохин — Мы тут прежде чем пригласить тебя, поговорили уже. Предупреждаем в последний раз, учитывая, что работаешь, ты хорошо. Если от семьи поступит хоть малейшая жалоба о твоём поведении сразу же передаем дело в милицию. А там с тобой шибко начитаться не станут.

Так? — спросил он присутствующих.

Те согласились кивнувши.

— А вы попробуйте пожить с этой. с моей —

то сказал маленький черноликий Стукачев — По вашему я кругом виноват

— Мы жить с нею не будем Семен, — негромко подал олоз электрик Сивин, сосед Стукачева — Ты выбирал, тобо и жить Я в соседях у тебя даэно и вся ваша семейная жизнь на моих глазах проходит В обычные дни ты мужик как мужик Как получал выпил, и откуда что берется То тебе не так другоое не этак Ты о детях подумаи

— Дети одеты-сбүты и не голодают, сам видишь
— Одеты, вижу но не об этом речь Они растут и смотрят на тебя отцо — каково им? Пусть жена а некто-то виновата, так ты себя сдерживай

Стукачев молчал
— Ты понял что тебе было сказано? — Ерохин педал заявление Стукачевой секретарю заседания
— Понял — утормо кивнул слепарь
— Иди, а мы посмортим почал ли
Записали в протокол

Следующее дело было не совсем обычным По вараха столовой Надежда Васильевна Славина почала в вытрезвитель Повариха хорошая а человек хошой ничего подобного раньше не замечалось

— Как случилось, Надежда Васильевна? — спросил недоуменно Бадаев он еще не знал об этом Если бумага попала ему то он, жалая жолдичку не дал бы ей ходу но подсыные бумаги поступили Ерохину, а тот не шадил никого Провинился — отвечай

— Как случилось — начала рассказывать Славина — А очень просто Бүфетчица наша именины со бирала пригласила всех Ну, идем мы домой Зинк Верка и я, все из одного краю Песни поем Пели правде, громко Смотрю, мужик идет впереди чуть тепленький Догонаем — мужик знакомый Я и говорю бабам давайте доведем до дому, а то упадет в канаву, час тоэдийн А тут машина эта Схватили они мужика и грузить его а я не пускаю А один из них да ты тетка сама пьяная Цоп меня, да в машину А бабы убегают, как бы их не забрали Привезли, ночуь говорят, завтра распахляться Я уж и гросила их, чтобы бумагу в контору не посылали Нет не послушали

Все засмеялись

— Ладно, Надежда Васильевна иди, да в другой раз не попадайся — разрешил своеи властью вопрос Бадаев

И в протокол не стали заносить

— Что с Юсуповым будем делать, Николай Ни коланчи? — обратился Ерохин к Бадаеву

Юсупов, спившийся вконец тракторист, несколько раз увольнялся из колонны, а уволься, проболтавший месяц (на работу его нигде не принимали) опять приходил с заявлением к Бадаеву Тот жалая хорошего специалиста, принимал Юсупова, но ничего не менялось — опять прогулы, жалобы с участием Бадаева принимал, тотому Ерохин и обратился сейчас к нему

— С Юсуповым вопрос ясен, — сказал Бадаев — Сил на него потрачено много, результатов нет Оформить документы и отправить на спелчение

— Так с пьяницами все — Ерохин улыбулся — Теперь квартирный вопрос К празднику Победы мы здаем по улице Полевой два двухквартирных дома Заявлений поступило семь, из них три на улучшение — Кто подал заявления? — спросили начальники участков

Каждый из них был заинтересован, чтобы его рабочий получил квартиру

Ерохин зачитал список фамилий

— С квартирами надо решать так, как решали всякий раз, — поднялся начальник третьего участка Петухов — Давать в первую очередь тем кто давно

работает, кто хорошо работает ну и со тав семью учитывать надо конечно

Капура и Голицын согласились с ним

— Дать на каждый участок по квартире — оторзлась от протокола Власова — одну отсающуюся — матерским

— Кто на улучшение подал? — спросил Бадаев

— Ермаовес Хафизин и Лукин — заглянул в список Ерохин

— Хафизин и Лукину дадим три терзвой возможности, а Ермаовез подождет Он у нас полгода все го, да и семья у него — вэдоме живут Вот еще что, — отгетил в записной книжке Бадаев, — завтра даь наказ звэхозу, чтобы к празднику го улице Полевой жители навели поясолок каждый взсле зо его дома Подправит палисадники деревья поса дить пока не распустились, строго настрого нака зать чтобы не выбрасывали мусор на дорогу Кто у нас в пятнадцатом доме живет? — спросил он Ерохина

— Соскин и Степанчук

— Предупредите их — если и з дальнейшем ста нут захламлять улицу, будем переводить их в старые дома а квартиры отдадим более достойным Евгению Лукин — забуду — наказал он Ерохину

Тот в свою очередь отгетил что то в блокноте
— Следующий вопрос — огласил Ерохин — рапределение автомашин Все вы знаете, что з масс месяце может быть и ко Дню Победы на район поступит несколько легковых автомашин марки «Москвич» В колонну для продажи рабочим выделено три автомашин Заявлений у меня пять кому предоставить право покупки?

— Те кто квартиры просил на автомашину не по дали? — спросил Капура

— Нет, подали другие

— Тогда это вопрос решать как и квартирный Выбрать лучших и предоставить им такую возможность Остальным — в следующий раз

Так и решили Заседание месткома подходило к концу Встал Голицын

— У меня вот такая просьба к местному да и к начальнику колонны Двое парней с моего участка женятся Оба — после армии, после курсов недово но, помочь бы им нужно

— Кто женится? — держал над книжкой руку с карандашом Бадаев

— Большаков и Егоров

— Работают как?

— Хорошо работают Бригада Бражникова

— Поможем конечно, — кивнул Бадаев — Когда свадьба?

— У Егорова на День Победы, у Большакова — в конце мая

— Наум Наумич, — обратился Бадаев к главбуху колонны, члену месткома

— Ну! — сразу взял тот недовогный тон

— Да не «ну!» — вззирялся мгновенно Бадаев зная характер своего главбуха — Что значит «ну!» Как только разговор заходит о рублях — сразу «ну куть» Женятся ребята помошь надо оказать вот что

— Мало ли что женятся — Главбух блестел очками — У нас их десятки демобилизованных, что ж, каждому помошь оказывать? А из каких фондов? хочу вас спросить? Я лично против подобного расточительства Мы купили инструменты для духового оркестра, а они лежат ржавеют не «ак ли»

— Играют уже, — вмешался Ерохин — репетируют к празднику

— Фонды найдутся — ровным уже голосом всу пил Бадаев — И помогать и покупать необходимое мы обязаны Это наши рабочие Для нас, конечно

очень важно ваше мнение по поводу средств на то, чтобы вывозить я и трофеи выполнять мои распоряжения. Будем считать, что вопрос с женихами решен. Кстати — повернулся от к Голыцыну — Большакова нужно тоскать за пополнением. Из армии он недавно с солдатами сумеет поговорить. Пусть это будет ему предсвадебным поручением. Не забудьте прислать его зовта в контору.

— Все — объявил Ерохин — заседание месткома закончено

Бригада Бражникова.
Отклонение от нормы

Ему собственно плевать было на то где сейчас Акимов Идти искать бесполезно — темь магазины закрыты. Важно чтобы Акимов завтра вышел на работу, а не прогулял. Если будет ночевать в общ.жити, утром ребята подымут его. А не вернется — верный прогул. Вот что беспокоило бригадира Бражникова.

Более всего в жизни Бражников любил Дисциплину. Дисциплина и цель — вот формула по которой он жил. Без дисциплины не достичь цели, а цель должна обязательно стоять перед человеком, иначе зачем жить? Так рассуждал Бражников Тот, кто не разделял этой теории, был неинтересен ему. Цель постоянно стояла перед ним. Одна, большая и не вполне ясная самому Бражникову светилась где то далеко-далеко. Остальные были помелочке. Например, многие ровесники с которыми он пошел в первый класс, бросили школу одни — после семи летки другие — позже чуть Бражников поставил перед собой цель закончить десять классов. И закончил. Подошло время идти в армию Бражникову очень хотелось попасть на флот. Рост у него был хороший, и просьбу его в военкомате уважили. Правда ему предлагали пойдти в училище, но это не входило в планы и он отказался. Просто пошел служить, и все. Дисциплина приказывала и четкое исполнение их — это то что нужно было Бражникову и к концу службы он стал подумывать о том, чтобы остаться на сверхсрочную. Но когда перед самой демобилизацией в их части появился представитель мехколхозы с предложением поехать на освоение помеченных земель, Бражников согласился и угрозорил еще десятирх товарищей по службе. Вместе приехали на Чумлым речку вместе закончили курсы по специальности, кто какую выбрал себе, и стали работать. Поскольку на службе Бражников был старшим по званию среди своих товарищей то и здесь он стал старшим — бригадиром. Бригада тополнялась, теперь она уже была разбита на два звена во главе звеньев стояли звеньевые — помощники Бражникова во всех его руководящих делах. Меняясь понедельно звенья рабали в различные смежные соревнования между собой а в целом бригада воле соревнования с другой бригадой участка, в которой рабалили механизаторы старшего возраста.

Над койкой Бражникова висел твердый распорядок дня начинавшийся словом «Подъем», а на одной из страниц блокнота был составлен примерный план на месяц, написать письмо отправить матери двадцать рублей прочитать книгу «Порт-Артур» подготовка к сессии, прочие дела. В прошлом году Бражников поступил в институт на отделение механизации сельского хозяйства. Почти все в бригаде занимались — кто где, а с тем, кто еще сомневался что учение — свет, бригадир постоянно проводил разъяснительную работу. Каждую неделю, вечером в общекити проходило собрание бригады где подводились итоги соревнования между звеньями и бригадами. Редактор «Боевого листка» Генка Шаповалов должен был все достижения бригады постоянно отражать в стеной печати.

Планы Бражникова на недалеком будущем были таковы: для себя — среди прочих работ — учеба в институте, для производства — вывести бригаду по трудовым показателям в число лучших и в конечном счете занять первое место среди бригад колхозы. Все было хорошо. Зимнюю сессию Бражников сдал надеясь сдать не хуже весеннюю все другие личные дела так же дагались бригаде успошно соревновалась с бригадой стариков, все было хорошо, а бригаду не пришел Акимов.

Акимов раньше рабчал со стариками, но не по ладил с ними, и Голыцын поревел его в модеж

ную хотя Коле, слава богу было около сорока. На третий же день Коля загугал и на работу не вышел. Бражников, как и полагаеся, попытается объяснить Коле что так делать нельзя, трактор простаивает день и норму выработки его, Акимова, ребята вынуждены были перераспределить между собой.

Бражников доверительно посоветовал своему новому бригадиру впредь не делать подобных глупостей, вступить на честный трудовой путь, выполнять норму, и тогда ему, Акимову, честь и хвала.

Акимов же не выслушал советов и сказал, что он на такое начальство положил Бражников, конечно обиделся хотел показать что такое удар сбоя, но передумал решив что это не метод воспитания и вынес вопрос об Акимове на общее собрание бригады. На собрании Колю коротко предупредили что если он и впредь намерен валять дурака то его просто-напросто выгонят к черовой матери — только и всего. Коля обещал исправиться. Ему вовсе не хотелось уходить из колхозны он и так довольно помыкался после освобождения. В различных конторах куда Акимов обращался по вопросу трудоустройства, с подобной справкой, какая была у него на руках принимая на работу не шибко торопились, и кто знает, может быть, Акимов в который раз уже предстал бы перед судом если бы не Голыцын.

Месяца два он рабачал наравне со всеми а сего дня собрался отъезд. После заоя пришлось Акимов в общекити и свалился. Утром ребята растопкал его дали на опомелку кружку холодной воды. Крайя я и матерья, Коля собрался и влез в автобус — посуку бригаду на участок и обратно возили на автобусе.

Бражников проследил, как Акимов завел трактор, сел и выехал на вспаханное зено поле, чтобы продисковать и забороныть его. Сам бригадир — он корчевал — рабачал за вороту в стороне.

Лукашин и Голыцын приехали на участок в одиннадцать. На полеозе возе мелкого осинника, недалеко от пробитой тракторами и машинками дороги, стоял на колесах вагончик — полевая кухня бригады. Вагончик покрашен в зеленый цвет, над крышей плескался узкий вымпел, на «орчовой стене» — прямугольник фанеры «Комплексно молодежная бригада Бражникова». Ниж — обязательства, взятые бригадой, мелом были проставлены гектары и процент выполнения. К дворям вагончика приспелено в три ступени лесенка внутри вагончик делился надвое в одной половине — кухня в другой — столовая. Две поварики готовили обед.

Кормили рабочих (в бригаде стариков был свой вагончик) два раза на день — перед рабой и в обед. Кормили под запись то есть в зарплату вы считывали стоимость обедов, кормили хорошо и обеды стоили копейки по сравнению с обедами в районной чайной Акимов, попивая вчера последнюю трешку, не страшился помереть с голоду до зарплаты.

Отоснор до доходил приглушенный перелесками шум тракторов рабачали сразу в нескольких местах — корчевали и подбирали сучки, рстакивали и дисковали раскорчеванное. Ближе других от вагончика находилось поле на котором рабачал Акимов. Загнанный трактор его стоял в конце полясы, самого Акимова не было видно. За осинником пахали на одном из тракторов рабачал звеньевой Ахметзянов Голыцын прошел туда.

Приглушив трактор чернобровый татарин Ахметзянов голый по пояс, вышел из кабинки, пошел на встречу, показывая в широкой улылке крупные зубы.

— Ахмет — спросил Голыцын, — что-то я Акимова не вижу? Трактор стоим.

— Чай пьют! — засмеялся Ахметзянов и махнул в сторону переводска.

Лукашин с удивлением рассматривал на плече тракториста наколку «Не забуду родную брату которая погибла за проклятую бабу»

— Что же ты ему не скажешь? — улыбаясь спросил Голицын (он тоже впервые видел татуировку).

— А что я скажу? — пожал плечами Ахметзянов — Взрослый человек, сам знает.

Пошли искать Акимова

За трактором — со стороны поля не видно — сидя на низком пне Коля Лысый варил чефир. Утром он помо- поварила наколку дров за что выпрыснул у них горсть чайной заварки и теперь обмотав толстой алюминиевой проволокой брошенную консервную банку Акимов держал над касторком чефир рассчитывая поправить голову. Он и не слышал, как подошел Голицын с Лукашиным.

— Скоро будет готов? — спросил Голицын за спиной Акимова.

Акимов вскопился и гостивший банку на пень — Выглядишь — кивая — на банку, попросил Голицын — сердце испортишь.

— Мое сердце, начальник давно испорчено — взял Коля тонким разговоривая в колонии с новобранцами. Он чувствовал, что не надо бы ему так начинать с Голицыным, но с утра был зол и сдержаться не смог — Мое сердце, начальник.

Носком сапога Голицын ударил банку. Та расплескав чай, кувыркнулась в траву. Акимов поблудил.

— Да я тебя заделаю как последнего фараона — сдвинуто хрипнул он, кинулся к открытой кабине и схватил ключ на сорок пята.

Лукашин нагнулся, чтобы поднять короткий обломок березового сука, и не увидев, как вскинул руку с ключом Акимов как, опережая его, вскинул руку Голицын, и вот уже разбросав руки, Акимов летит через пень к трактору, а ключ, вырвавшись из его рук, — дальше. Голицын поднял ключ, бросил в кабину и закрыл дверцу. И встал рядом.

— Крепко бьешь начальник, — вытира ладонью разбитую губу, не подымаясь сказала Акимов — Я сам часто бил но ты крепко бьешь, начальник.

Голицын шагнул сел на тень против Акимова.

— Акимов, кто уговорил Бадеева чтобы тебя взяли на работу?

— Ты, начальник, ты — Акимов сидел на траве опираясь на руки — Я тебе спасибо сказал.

— Вот что, если хоть раз услышу от Бражникова что ты сделал прогул или вот такой перекор как сегодня, — на завтра получишь расчет. Понял!

— Понял, начальник.

— Будь здоров Садись и работай.

Надев на палец проволоку с банкой, Голицын молча пошел к машине. Он уехал начальник первого участка, и не видел как, перебивая рычаги работорного трактора, плакал Акимов.

Не от обиды плакал не пролитого чефира было жаль ему а оттого, что на всем белом свете никто не понимает его, Колю Лысого, а по паспорту — Николай Михайлович Акимов, тридцати девяти лет от роду.

В сорок пятом когда мать померла, а отец еще воевал, Коля Акимов перешел жить к тете материной сестре. У тети своих трое, Коля ей был не шибко-то и нужен и говорила она его поиги в ФЗО. Коля пошел в ФЗО учиться слесарному делу. Коржики их сдержанно и как-то вечером злое дружок подговорила Колю загнать в кладовую, где хранилась фешенебельная одежда и выбросить несколько пар ботинок. Ботинки эти рассчитывали продать в «барахле», чтобы хоть раз пожить как следует. Дружки подсадили Колю — он был меньше

их ростом — в выставленное заранее окно а сами остались внизу, ожидая Колю, плутая в темноте кладовой, успев выбросить только одну пару. Дружки убежали. Будучи гозворсели и похирели они дали знать Колю что если он назовет их то ему будет худо. И Коля сказал что это быти ребята из города, которых он плохо знал. Так он очутился в колонии. Из колонии бежал и снова попался на краже теперь уже сознательной. А потом и пошла.

И воровал-то он больше по ерунде то белье стачет с веревки то сумку на базаре сорет. Коля взрослев мотался по колониям полыхсел потерял часть зубов. Ни семьи ни дома у него не было. На Колюнину вешестю женщины не обращали внимания, а может какая бы и рашлась да где ж обзаведешься женой и домом только освободился — глядь опять взяли.

Коля любил повторять что в каждом городе у него три дома: тюрьма больницы и милиция — три машины такси, «Скорая помощь» и «черный ворон». В колониях Акимов работал исправно не скандалил и, стараясь, все чаще стал задумываться о своем доме. Купить в деревне дом собаку завести а то и две, ходить с ними в лес.

Освободившись в областном городе Акимов пробыл там несколько дней — было много слобазов, а он сказал себе хватит, так и всю жизнь можно за проволокой провести. Прочитав в объявлении, что там-то и там-то требуется рабочая сила Коля поехал на Чулым-реку устраиваться. Устроиться ему не удалось, и он уже пожелал что уехал из города, когда случай столкнул его с Голицыным.

Вечером Акимов сидел в районной чайной, купив на последний рубль три кружки пива. Впереди была ночь, и Акимов обдумывал как лучше провести ее, чтобы с рассветом на попутных конюшню эту землю.

А Голицын зашел в чайную купить папирос. На оставшуюся от рубля мелочь он взял кружку пива и случайно оказался за одним столом с Акимовым. Акимов все поглядывал на него определяя каким то чутьем, что перед ним начальник, и добрый.

— Работу ищущ — глядя в сторону сказал он. И, чтобы сразу стало все понятно, добавил — Освободился недавно.

— Что умеешь делать? — спросил Голицын, разглядывая говорившего.

— Трактор знаю — ободрился Акимов, — на ледопале работал.

Голицын допил пиво, вынул ручку, блокнот, написал свою фамилию, адрес конторы протанул лис-Колю Акимову.

— Завтра в половине девятого.

Так Акимов стал трактористом. Перво участка И вот сегодня он кинулся на своего спасителя с ключом. От всего этого Акимов плакал теперь.

— Женюсь корову куплю — всхлипывая развораживал он трактор в конце полосы — Узнаете пацны Колю Лысого.

На второй день, после работы, Голицын зашел в общежитие Акимов по обыкновенно лежал, положив ноги на спинку кровати. Увидев Голицына, поднялся.

— А я к тебе Николай — гоздоровавшись, сказал Голицын и сел на продолженный стул.

Ребята, чувствуя разговор ушли.

— Знаешь что, давай хоть раз с тобой в кино сходим.

Чего о? — протанул удивленно Акимов.

Он никак не мог сообразить, что сам Голицын начальник участка который вчера так обидел его — не тем обидел, что ударил, а тем, что чефир разлил — сегодня сидит рядом и приглашает в кино.

— Смейтесь — ухмыльнулся Акимов.

— Зачем? — Голицын достал два билета — Вот, пожалуйста — на восемь тридцать «Белый клык» по Джеку Лондону

Акимов запылся. Сходить страсть как хотелось по поводу как следует но а что было И тыдился он сказать об з ом Голицын

— Ты пока переодевайся — Голицын встал — а я пройду то комнатам посмотрю, как ребята живут. Прошел за стену и отвел Бранникова на кухню. Минут через двадцать вышел переодетый Акимов. Возле кинотеатра куда они вскоре подошли, прогуливался Перевалов с Анной. Была с ними подруга Анны, Ниша

— А-а Николай! — поприветствовал Перевалова Голицын и поклонился девушкам — У вас какой сеанс? Оказалось — на восемь тридцать Голицын представил Акимов, и они стали прогуливаться все вместе. И ряд у них сошел — пять кресел возле сцены

После сеанса Голицын попрощался сразу же, а Ниша сказал серьезно

— Вы одна домой не ходите, вот Николай вас проведет

И пожав всем руки, ушел
— Ну что, понравился тебе Ниша? — спрашивал на другой день Акимов Голицын когда они, сидя подаль от других, курили в обеденный перерыв
— Козырная баба — сознался Акимов, — а кино звать опять Да шмо-ток вот нет

— Вот что — предложил Голицын — Я скажу ребятам они тебе соберут сколько нужно Но — не пить, гредупреждаю а в зарплату рассчитывайся со все ми слышишь?

— Век свободы не видать! — захлебнулся Акимов — Да что я ханыга какой!

— А он ничего — говорила наутро своей подруге Ниша — Только плохо вот что льсий Я знаешь люблю больше когда чуб золотой

— Ну, что поделаешь — развел руками слышавший это Перевалов — Не всем же с чубами, кому-то и льсому надо быть

Ниша Сазонова еще школьницей собирая с матерью малину — чаткнулась — а ветку и торанила глаз Бельма не случилось но глаз сощурился и видела ни Ниша плохо Школу она после семи классов оставила позже закончила курсы штурманов-маларов и переезжала со стройки на стройку живая в общежитиях Последнее время привязалась она к Анне и зная что та скоро выйдет за Перевалова ревновала ее Шел Нише тридцатый год и была она по пословице и не девка и не баба, и не мужняя жена А фигурой была видная характером добрая, только вот глаз Приставали к ней ребята всегда но всерьез никто не принимал

Ниша стала расспрашивать Перевалова об Акимове, от расхвалил тракториста — и не льст сч и спец-алист первый на участке в общем советозел продолжал знакомство А сам, возвращаясь однажды с участка посадил Акимова в машину и всю дорогу втолковывал ему

— Ниша спрашивала о тебе, понравился ли ей, оказывается

— Да ну! — не верил Акимов Он уже и не представлял что может понравиться какой-то женщине

— Да а понравился — продолжал Перевалов — Еще спрашивала она а почему ты сдвин до сих пор Может, семью бросил? Я сказал что все в порядке Что была у тебя невеста в свое время, да вышла замуж за другого а ты никак не можешь забыть ее, по-ому и одинок

Акимов только головой крутил

— И что к нам ты по оргнабору приехал. Запомни, по ор набору Понятно!

— Ну понял

— Вот тебе и «ну» — посурился вдруг Перевалов — Ты хочешь понимать какая тебе баба топала? Налететь намнешь с нею — лучше на мои глаза не попадайся Все Приехали

И самосвал притормозил перед общежитием

Третий участок

По дороге на Покровский Яр возле Тегульдотского сворота Бадаев велел остановить машину Вылезли все Шафер пошел вокруг машины, ударяя в скаты ног Бадаев с Лукашиным вышли на дорогу

— Валя обратите внимание — указал Бадаев в сторону Чулым-реки — Видите курган там, где падает Кия? Левоа чуть перелезла?

— Прекрасно вижу — сказал Лукашин

— Курган этот — могила оятского князя — Бадаев прислонился к дереву, освобождая от тяжести тела болящую ногу

По преданию, этому кургану сотни лет Когда-то в этих местах в средней части Чулым-реки, по Кии, Чети, Мачеги жило многочисленное племя оястов, занимавшихся охотой и рыбной ловлей. Так они жили долгое время, но потом оястов стали теснить хакасы пришедшие с далекой реки Чунуй И вот здесь, где Кия впадает в Чулым-реку, произошло сражение между племенами В этом бою полпредводитель оятского войска князь Чулым, оястки были разбиты и изгнаны со своих земель Но хакасам не понравились эти места захватив добычу, они вернулись не Чуну Узнав о том, что хакасы ушли к месту сражения вернулись оястки, чтобы похоронить своего венецальника — оло которого они вынесли с поля боя Над его могилой оястки насыпали холм Землю для холма приносили со всех владений, некогда принадлежавших кизю Похоронив князя оястки не остались жить на своих местах, они ушли вниз по Чульм-реке, а потом дальше на север Нескольким семей осталось еще по Чети и в верховьях Мачеги Существует много всяких легенд об этом кургане я рассказал вам одну из них Кстати, мы стоим у начала возви дороги идущей от поворота прямо на Покровский Яр Как только закончится строительство моста, расстояние до поселка сократится подвоз рабочих и строительных материалов пойдет через новую мост Нам бы эту дорогу в прошлом году протянуть да все руки не доходили Сели в машину и поехали к поселку кружым дальним путем

З двадцати километров от районного села взор по течению Чулым реки — а берегу на месте быт-исей деревни Покровский Яр строился новый поселок Строительство вел третий участок Сборные двухквартирные дома решено было строить тремя порядками так, как когда-то стояли деревянные избы Первый порядок — на берегу Чулым-реки, огородами к воде — второй — через улицу огородами к старому дорожке, третий — за ним Скотные дворы, гаражи мастерские и другие хозяйственные постройки выносились за черту поселка за — третий порядок, к перелезку За перелезком з им на юг начинался поля — старые поля деревни Покровский Яр и новые подготовленные колонной Они обходили слева Большое Болото и терялись среди березовых соп и зарослей тальника в средней части Кии На север за Чулым-рекой впедемужу с болотами синел до самого горизонта островерхий еловый лес,

на запад от поселка, через Кию, к районному селу уходила новая насыпная дорога

По ней, оставив Лукашина в поселке уехал Бадаев посмотреть, как идет строительство моста

В поселке заняты были рабочие различных специальностей, строилось сразу несколько объектов, руководил строительством на начальном третьего участка Арсентий Лукич Петухов

Арсентий Лукич возрастом старик уже Ростом невысокий, сутулый, скор на ногу Все стремится куда-то показать объяснить Лицо в недельной щетине в морщинах-складках, и на лице этом ничем не примечательным удивленные глаза Бадаева вывели однажды Петухова на свет божий раскрыл он глаза ахнул от озадачи да так и сохранил по сей день это выражение

Лукашин в поселке второй раз Когда они приезжали сюда впервые с Бадаевым пробыли недолго, и Лукашин не устал ли рассматривать старика как следует, ни поговорить с ним Тогда Петухова в конторе участка не оказалось, и они пошли мимо домов, спрашивая встречных

— Лукич! — отвечали им — А он только что был Помогает где-нибудь

— Вот я! — дошло из одного дома, и в оконный проем вылез Петухов Никогдашняя совсем шапочка съехала на сторону, ватник и штаны на коленях были в рассторо — Петухов показывал девчонкам-штукатуркам как правильно класть на стену первый слой раствора

Он вытер руки о полы ватника поздоровался Говорил и все усмехался беглой усмешкой открывала желтые, плотно слитые зубы Повел показывать, что сделано

— Лукич ты начальник участка или кто? — спросил на ходу Бадаев.

— Знамо начальник — осторожно ответил Петухов Он не то чтобы побывался Бадаева, не знал, к чему клонит тот

— А раз начальник — продолжал Бадаев — то должен руководить сидя на месте А то приедешь — тебя нет То ты печником показываешь, как печку класть то возле плотников У тебя на это прораб есть, мастера, бригадиры, наконец

— Э-э, Николайч — отмакнулся старик — сидя каждый руководить сможет Это просто А показывать да научить некому Смолоду я не распоряжался не приказывал а уж теперь и совсем ни к чему это А я подойду к тому же псичику спросу как бы между прочим, чтобы не обидеть человека, что у него не ладится да с ним же и начну работу А уж дальше он и сам поймет

Собачь Лукашин один ходил по поселку Не Петухова искал, просто так ходил смотрел Часто лежали кучи наваленного кирпича, песка и гравия возле штабеля досок заведена пила-циркулярка, резко пах ло опилками прогортой щелей, отовсюду доходил стук топора

Петухов встретился в конце первого порядка, узнал поздравился первым подавая руку Начиная обещенный перерыв, рабочие, оставив дело направлялись в столовую а Лукашин с Петуховым отошли к берегу, к лежащим брусам, сели лицом к воде

Теплый стоял день Петухов снял шапку положил рядом Над седой коротковолосой головой его чуть заметный подымался парок Расстегнул ватник Закурил

— Дом! все брусчатые? — спросил Лукашин, подгибав шершавую боковину бруса

— Все, как один, — кивнул старик — Мы, видишь, Валя, как решили! — из кирпича толчок фундамент даем, ну и яму подпола им же выкладываем. А сам

дом весь брусчатосборный А школу вот, магазин контору — целиком из кирпича Ну и хозяйственные постройки Оно можно б, конечно, и дома кирпичные, да завод у нас маленький не успевают поставять всем Сейчас ведь в любом хозяйстве по району скотные дворы — сплошь кирпич! Лес много до роже стал У нас тут теперь строевого леса нет давно вывели

— Хорошее дело затеяли, а, Лукич? — кивнул на порядок домов Лукашин.

— Чего ты? — повернулся Петухов Задумчив он был, зевнув в отставленной руке папиросу смотрел на текущую воду Чужим эски

— О поселке я говорю Строить начали, хорошо это

— Это не просто хорошо это распрекрасное дело милый мой Жизнь заново начнется Сколько семей сюда переедет новоселье пойдут, радости свадьбы дети рождаются станут А то, мысленно ли дело — земля бросать? Была деревня — и нет ее Как это так? Это ж чужезачное событие — человек не захотел жить на родной земле А почему? Что тебе не достает для жизни? Нет никого не интересуется Уехал, ну и эвжай А сколько труда в эту землю вложено, сколько сил, жизни людских

Помолил, прикуривая Повернулся вполборота к домам, Лукашин сидел лицом к нему

— В третий раз приходится строить мне на этом месте Теперь уж, видно и в последний — Усмехнулся — На фундаментах ставим а очи долго стоят Да и не думал я что доживу до таких дней, чтобы заново все начинать

— Как это? — не понял Лукашин

— А тут, видишь раньше деревня стояла Покровский Яр Слыхал, конечно Деревня настоящая то есть избы рубленые дворы А еще раньше в тридцатом, когда мы переехали сюда, — ровное место Стали мы земляники рыть земляную деревню построили, значит А во он там — Петухов повел рукой назад вверх по течению — возле яра самого стояла изба заеролова Покровского Оттого и деревня стала так называться Мы тогда ходили к нему ска барсучье покурить от простуды

Петухов вдруг вскинул и мелко, стариковской рысью побежал к только что подыхавшему самосвалу крича на ходу

— Ты куда заехал?! Куда заехал тебя спрашиваю?! Разве здесь кирпич нужен! Разворачайся!

Молодой сонного вида парень уже подымал кузов самосвала, чтобы свалить привезенный кирпич

— Оббедежь вокруг дома, во-о-т туда, — указал Петухов, — там и свалишь

— Откуда я знаю, — гундел недовольно парень — У вас ту- не поймешь где что

— Видишь, как, — запыхавшись, веснулся старик — Ему лишь бы свалить — в столовую —оропится А его потом кирпич таскай за пятьдесят метров вручную

Он отдаленся, надел шапку Ветер ткнул с реки Так без шапки и бежал

— О чем я тебе говорил? — спросил, улыбаясь удивленным лицом своим

— Арсентий Лукич, а как же вы сюда попали, не понял я?

— А очень посто — переселились Переселенцы мы Один приехал посмотреть, за ним остальные перетянулись В степи до того жили Суть там, место голое из деревьев, ни кочки. Зимой как задувет Топились кизяком бубильем, соломой Это сколько ж соломы надо на зиму? А главное — вода солонья Да и ту, пока достанешь — не ред ей Колодцы до десяти саженой рыли А здесь лес кругом, река Стали мы охотой промышлять рыбу ловить Коляры, правда, доносили, морозы круче здесь Зато метелей меньше, да и тише они лес — не разгу-

плелся. Через год другой ко всему привыкли. Приехали мы в конце лета, стали земляники копать. Зиму в землянках, а весной посуху, лес стали валить, избы рубить. Я смотрю, как сейчас корчуют, и вспоминаю, как мы корчевали, земли под посевы готовили. Бабы с лопатами да топорами корни рубят, а мы терехлестом веревку через вершину и тянем, а потом волоком в сторону. Почти все земли, что сейчас брошенные лежат вокруг Покровского Яра — наша работа. Все мы, Петуховы, портняжеского рода. Деды-прадеды всю жизнь свою портняжили, и отец мой тоже. И меня он лет с десяти стал приучать к своему делу. Это там, на старом месте. А здесь другим ремеслам пришлось обучаться. Для меня, отца, брата младшего, первый отошел от портняжества. В тагу его потянуло, к воде. Он и уговорил отца — поведем да поведем. Переведем? — Так с той поры и прожили здесь? — спросил Лукашин.

— Так и прожили. Я когда с войны пришел, на тяжелую работу не мог был. Жизнь все-таки трепанула меня, как ни хорохорился. Да и война оплыла — считай, пять лет в пекоте, на ногах. Плотночил все годы. Когда деревня разжигалась, стага, перебрались и мы в район. На стройку пошел. Какурда Иван Ефимич уже работал так. А когда Бадаев называли начальником колонии, он же и взял меня к себе. Бадаев, он с Покровского. Вызывает как-то ну Лукин, решено строить новый поселок на месте нашей деревни. Начинать. Обрядовался я. Стали бригады дополнительные создавать, планировать, рассчитывать материалы, нужные забрасывать. И пошло с того дня.

— А портняжить не пришлось, Арсентий Лукин? — Нет, не пришлось. Первое время шил кое-что для себя, а потом мне передал. Ей это сподручней. А сам плотничать начал. Столярным делом занялся. Тут рядом несколько старых деревень было, корчевались так, я у мужиков плотничному делу учился. В степи лесу нет, ремесло это не в ходу, а тут толор из рук не выпускаешь. Почти научился класть пилы, катать. Сейчас вон прокомбинант в районе отдал шерсть, через месяц-другой пилы готовы. Да и в магазинах продают. А тогда — все сами. Так же и сапоги. Сапоги я долгое время шил, а теперь какой-то инструмент лежит без надобности. Всему помаленьку научился. Часто вырубали ремесла, коть и на войну возьми.

— Скоро, видно, на пенсию вам? — Лукашин глядел на белую голову старика.

— А совсем скоро, мнимо. Господний год работаю. Вот поселок построим, получим со старую квартиру да и передем. Я уж и дом себе присмотрел на том самом месте, где земляника моя была. Хочу умереть здесь. Кладбище наше во-он там, в березняке. Учаток сам кому помоложу, а сам побывать буду хозряству, пока руки толпор держат.

Помолчал, думая о чем-то. Лицо серьезным было. Сказал для себя больше. Лукашину непонятное. Говорил, будто сам в себя смотрел. Давнес, индо, высказывал.

— С руками оно проще, сынок. Руки слушаются, помнят ремесло. С душой тяжело. Душа она как вода. Не возмешь ее, не гоймашешь. Я вот всю жизнь заставлял себя прощать других. А не — не выходит. Получается протка воли своей идешь, против сердцаешься своей душой, значит видно так и надо. Добро добром, обиды обидой. Это я к тому, что не всегда мы падали тут, между собой. Всякое бывало. Иных и людьми назвать нельзя. Вот уж умирать стану, переломлю себя, всех добром томяну. Жизнь, Валя, совсем малая, миг один и в то же время ох, как длинна. Иногда такая усталость спадет

на душу, будто три жизни прожил. И согнет тебя не раз и скрутит всего, а потом — ничего, выправит. А бывает и спомнит. Только в том-то и сила, твоя человеечь, если не уронишь ты себя в такие минуты, не дал кому либы гострадать из-за слабости своей душевой. А уж как не сдержал себя, стал лукавить, то ко дню твоему последнему ниче го человеческого не останется в тебе. Гилья одно. Только и спасенье в том, что через одно-два поколения забудется все, травой зарастет. Будто ничего и не было.

Долго молчали. Лукашин слушавший внимательно, не законченный с кем-то спор старика, спросил о детях.

— Есть и дети, а как же. Дочка и два парня. Тут же, по району живут. Учителятуют. Сюда собираются переехать в одной школе работать, чтоб А ты, когь людьми интересувался, сходи на хутор. Мой тебе совет. Вот как пойдешь от поселка по дороге к новому мосту по левую сторону от посёлка, верстах в двух хутор стоит. Сходи хуторок поспотришь. Старик там хорошие живут. Еще живет там лесник Тимофей Еггашин. Я к нему давно приглаждаюсь. У нас тут как только надувала поселок, строить, пожар случился. Звезди часть кирпичи, пиломатериалы, а на вторую ночь три машины досок сгорело. Что да кто? А откуда узнаешь, кто Бадаеву неприятность. Мы тогда собрались молжду собой — прораб, мастера — да и выплатили стоимсть досок. Хорошо, что три машины всего было. Как стану вспоминать это, так Еггашин на ум приходит. Он всю жизнь свою недоделов. Всем недоделов. Ни войны, ни других обидлишений не видел он никогда. Откуда это недоделовство возникло, вот что я хотел бы знать. Поиди познакомься. Да не задирай его, поначалу, слушай больше. А то он мужик горячий, отшатнот еще. Тут, когда колхозы ставли, организовывал, потеснили кое-кого. Некоторые предавали такое, заранее уезжали, поделаше на север. С ними и стирп Покровский. Олаться ему, собо нечего было. Жил тромыслом, лес и река — все доходы. От других тем только отличался — годчиняться никому не мог. Власть над собой не терпел. Тимоха весь в него. Когда слух прошел, что дело к колхозам идет, Покровский собрал всех своих, ушел плиз по Оби и осел на одном из глухих приточков. Далеко от наших мест. А усадьба ин сгорела, а вторую же ноче Говорили, что старик вернулся тайком, да сам и поджег. Но точно нито не знал. Только они парнишкой уеззли отсюда, а вонулся он уже взрослым. Где и как они там жили, никогда никому он не рассказывал. Обмолвился только раз, что похоронил своих в верховьях Хети, а сам приехал сюда, где родился. Потнуло. С тех пор и живет. Тобс-то не знаем, а я как погляжу на Тимку, так доса. Саву вспоминаю. Вот был ухарь! Какой там колхоз ему только ватагу по лесу водить. Вольный был человек. Хорошо, что догадался сам уехать, а то все одно уеззели бы. Ох, кажись. Николаин приехал. Заговорились мы с то-бой, Валентин. Пондем, а то искать занчит.

Бадаев стоял возле самосвала, слушал ругань прораба Шофера, что привозил кирпич, на этот раз привез растово и не узнал ни у кого сваяли возле дома, который уже оштукатурили. Прораб налетел на него, а он стоял возле машины и сонно глядел перед собой, будто и не касалось его.

— Черт знает, что за человек! — не стеснялся прораб. — А в армии служил? Ему свиной пасти а не на машине Говорили вам, не берите кого не следует!

— Говорили, помню, — согласился Бадаев. — А не

ты ли в прошлый раз просил не планерке — бери кто подвернется. Машины простаивают. Вот и под-вернулся Воспитать. Всперь по ходу дела.

— Воспитатель их в ребра мат!

— Слушай, перень — подзвал Бадаев шофера — ты или работай как следует, или — «Покосился на Лукашина» — выгнись к чертовой матери.

Почти в контуре разговаривая по пути о делах Лукашин шел сбоку.

— Штукатурка сухая поступила на пристань, — говорил Бадаев Петухову — Машины надо посылать. Завтра с утра, чтоб за день вывезти.

— Пошлем — кивнул Петухов — Только где ее использовать станем? На кирпичных постройках?

— На кирпичных конечно но не сразу. Пусть задания осадку дадут а то к коробом пойдет штукатурка.

— Шабашники опять приехали — сообщил Петухов — просят.

— Мы ведь до оворились — шабашников не тринимать. Своими силами обоедемся.

— Не обоедемся в чем и дело. Не укладываемся в срок. А их — бригаде целая. Тятнадцать человек. Петро кладку могут вести, остальные — плотники. Петухов можно на школу поставить а остальных — на дома. На сборку заборов омереди.

— Ладно заключай договор. Только так — никаких лишних рублей. Что заработал, то и получи. Во времени их не ограничивай.

Пришли з контуре стели разбирать рассматривать деловые бумаги по строительству сваять, высчитывать. Долго сидели. Закончили. Капачок.

Вышли на воздух. Стоя воздух. Машины, Бадаев долго смотрел на готовые дома, школу, над которой ставили стропила. Кивнул Петухову.

— А ведь строится Покровский Яр. Лукин! Когда первый порядок сдавать станем?

— Ну когда — подумал тот — К концу лета и сдادم. Тогда с огородами люди управятся и — в новые дома. А поднимем так может чуток и раньше. Все одно на Октябрьские новоселье справим.

— Ну что ж будем ждать осени — Бадаев открыл деорду и осторожно поднял ногу с протезом, сел рядом с шофером.

Лукашин поместился сзади.

На хуторе

Верхних в двух от нового моста вверх по Кие на месте бывшей деревни маленький в пять дворов хуторок. Несколько дней Лукашин прожил здесь. Чтобы не было распросто откуда да зачем он сказал что грехил из районного села порываича на Кис. А его никто и не расспрашивал.

Вечера стояли теплые. Лукашин уходил в Покровский Яр в поселке два временных общежития для строителей — мужское и женское. После смены что хотел — уезжали в село. Но многие оставались чтобы утром отдохнуть лишней час.

Хорошо было сидеть с ребятами плотниками на новом из свежестроенных досок крыльце собранного дном дома курить разговаривая о чемнибудь незначительном и в то же время очень важном в такие зыбкие сумеречные минуты. Дышать похолодавшими с чудесным густым запахом щепы, молодой травы и слушать как полог девушки уходит за лесом к югу.

— Бежит река в тумано тает, — поют девушки.

А ребята сидят тихо сс орожно держа папирасы г. нутренних топоричами рукам разглядывают.

Обменяются фразами. Помогают. Кому-то из них идти осенью в армию, другим отслужил уже, ча-думал жениться. Надется получить в поселке квартиру и теперь, исподволь, трисматривает дом. А вот это о что откинуса стилин к стене пока служил, бросила жена. От позора оч приехал сюда опять стал парнем. Сидит думает повернув голову в сторону куда ушли девушки. О каждого свезе.

Уходил Лукашин к кургану подымался на заросший мягкой травой верхе о селится и подолгу сидит слушая вечернюю тишину, глядя на чужий реку на далеко темнеющие леса. Сидел до темноты пока из оврагов и ложбин не выползали сызими волнами туман не закрывал протгую за день землю. Чаще всего проводил вечера на куроре, прислушиваясь трисматриваясь к жителям его.

Самый старый житель тут — Пелагея Семеновна или баба Палага как называют ее на хуторе. У нее Лукашин квартировал.

Бабе Палаге скозо восемьдесят она невысока ростом, высохла сгорблена слегка. Ходит в темном глак кофта, юбка. Но лицо не испорчено старостью, лицо восково чистоты и в глазах разум сохранявшего память человека. Все ее хозяйство коза, шесть с петухом кур. Кошка. За двором обнесенный сухим плетнем огород. Сотки четыре.

Все избы хутора на берегу огородами к воде, под окнами затравенная дорса дальше бурьян следы бывших построек.

— Пристала я жить. Валенька — в первый же вечер пожаловались баба Палага когда они пили чай — все жаду смерти. Все жаду а она никак не идет.

Сидит возле окна, смотрит руки с набухшими венами на коленях. Раньше окно выходило на улицу — играли на ней бегали ездили — жизнь текла. Теперь все заглушил бурьян. Раньше она была молодая здоровая растила детей любила мужа и работала, работала.

— О-о как работали, — вспоминает баба Палага — хоть на поле, хоть в лесу. Бывало наизмем бревна из реки вытаскивать, а мне все комель попадад.

Но ушли и не вернулись с войны сынозья, умер покаленным на лесоповале муж и сколько лет уже живет она одна, сама не зная зачем.

Весной-летом хоть забота какая-то на дворе выйдет, двигается. А зимой.

Летом баба Палага ходит каждый вечер к соседям посидеть. А соседи у нее старики. Волковы. Хозяин там — дед Андрей, ему семьдесят пять лет. Он высок, сузос, много курит и кашляет в желтые вислые усы. Все го хозяйство делает сам. «но» для коровы сено готозит дрова в березнике обрабатывает огород. Старуха моложе его, но слабее телом. Дед Андрей жалобет ее и все заботы берет на себя.

По вечерам управяет по двору, дед Андрей садится на бревна возле плетня закуривает который раз на день кашляет гупко.

Бабе Палаге некуда деваться — одна, а дед Андрей мог бы перебраться к сыну в район. Но не хочт стеснять его. Изба у сына как и все избы в дзе комнать. Самых четверо — чуда.

Приходит сосед Волковых — Аркаша тридцатилетний мужик работающий на строительстве моста. Он желтоватос круглолиц, нрава веселого одевает всех кокардовыми орехами. Старухам сытчет по горстке хсть у них и зубот нет. Аркаше скучно на хуторе и он ждет не дожидается, когда начнут сдавать в поселке дома.

За ним, перетат гаясь по-утиному подсьдет ба

ременная жена осторожно сядет на бревно положит на расставленные колени живот Все знают друг друга давно, говорить особо не о чем и разговор главным образом идет вокруг строящегося поселка Иногда приходит лесник Тимофей Егращин, сорокалетний мужик злой и горячий.

— Побрехаешь собратись! — говорит он, не здороваясь и сидит на самом верх бревен.

Его не любят на хуторе он знает об этом и всячески показывает свое пренебрежение к землякам Он зол на все вокруг больше всего Егращина раздражает строящийся поселок И жену свою он раздражал такой же горячностью и злобой

— Змея, — говорит о ней старуха Волкова и плюется — Тыфу, прости меня господи, грешную

— Настил гоним! — сплевывая ореховую шелуху сообщает Аркаша Ему куда рассказать, как они строа мост — Завтра перила подыдем, и — готов Езжай в обе стороны — хоть на восток хоть на запад

— Х хе! — резко выдыхает сверху Егращин — Схватились! Руководители, маша вату Довели до того, что район разбежался а теперь — мосты поселки

— Зря ты их огулом! — заступается Аркаша — И не все они такие, как ты о них думаешь Земля начали осваивать! Начали Что еще! И поселок тот же Не нам ведь с тобой это в голову пришло

— Умных не встречал! — тербявая ногами Тимофей на заднем сиденье по бремена, чтобы сесте оядом с Аркашей — Не встречал, говорю Вспомни сколько председателей было в нашей деле — А последний Еремкин! На каждой неделе по собрание то совещание Сидит за стол, и одно и то же! Порегать! Повысить! Укрепить! Укрепить! — пять даяров осталось И самого куда-то черти замесил, не слышишь

— В Антоновке говорят заместителем — вспо минает Аркаша

— Еремкин какой хозяй! — кашляет поправляет картуз дед Андрей — Ему зоч, свиньям пойло разнести и то расплескает Огять же не на одном Еремине свет держится

— Вы же его сами выбрали! — напружинившись всерьез вытязгивает из-за Аркашиного плеча шею Егращин — Могли бы и получше сыска

— Правление выбирало — поясняет глуховатым голосом дед Андрей — а в правлении никогда не состоял Правление да и сверху рекомендация — И, подумав закончил — Оно видишь, со стороны всегда хорошо наблюдать а возьмись сам — не лучше и выйдет Не всякий бык в производителе юж — И повернулся к Егращину — Тебя бы, Тимоха во главе района поставишь глядишь — и манна с неба посыпалась бы

Аркаша смеется откинувшись не то-мужичь и располневшим телом

— Дуэаки! — коротко и твердо гозорит Егращин, вставая — Можно думать что манна та сыпалась над вами все время Вся жизнь свою и тянули, как быки

— Надо мной, к примеру она не сыпалась — серьезно сказал дед Андрей — Это ты верно заметил Только и ненавидишь такой ко всему как у тебя нету Ты что плохо живешь? Кто ты такой? Лесник все-го-на-се — А живешь — дай бог любому так И всегда недоволен Чем ты недоволен? Порядками что вокруг нас? Так очя порядки — можно сказать это живишь твоа

Но смог, чувствовал дед Андрей тсклом объяснить леснику, о чем думал, о чем сказать хотел

— Мне жизнь природа дала дед — зло усмехнулся Тимофей — Она и отнимет Я человек, была бы хватка и ум, я везде проживу

— Правильно, природе — кивнул дед Андрей, — и мне природа дала И всем Я когда родился порядков этих и в гомине не было Однако поразмыслил, когда вырос, что к чему и в двенадцатом не к Колчаку ушел а в партизаны против него И в эту войну хлебнул как следует Однако обид не держу в мыслях Жизнь, она не из одних праздников составлена Всему основа — работа, на ней все держится Конечно каждому охота большая получить прожиты, только ведь и не от одних нас это зависит Это мы, старики А взять тебя — лишений ты не видел, чтоб жаловаться, не ущемляли тебя ни в чем, не обижали как случалось некоторых И все тебе плохо А что бы ты хотел для души своей — никто не знает Душа — она ненасытна порой дай одно другого захочется

— Ничего ты, дед, не понял как я погляжу, — встал севши было Егращин — В восемь ты родился а в восемь умрешь Чтоб этой жизни, которую ты здесь прожил да радоваться тогда и на белый свет незачем появляться

Сказал и ушел покачивая плечами Высокий, руки в карманах

Дед Андрей не обиделся на хуторянина своего он только посмотрел ему в спину да покивал молча головой

Он свое отжил — дед Андрей Отговорил отволявался Плохо ли хорошо — жизнь прошла Не теперь судить раньше надо было А раньше думал еще успею всяко пожить жизнь она во-он какая А она — совсем ничего А все же таки семья есть пропал! Многие видел, многие перенес в себе Если б еще стоюк прожить на свете, можно б себя и по-другому поставить А теперь одно — уноси с собой все как было

А темню же Электричества на хуторе нет — отключили их от линии Уходит дед Андрей в избу Расхаживать и остальные И только лесник сидит еще у себя в огаде Один

Впервые Лукашин увидел лесника на третий день, как поселился на хуторе Под вечер возвращался домой — ходил смотреть мост Уже был у избы бабки Палаги когда его окликнул мужик, выходящий из-под берега лошадь Поил видно

— Пстой! — окликнул мужик Подосел, неспокойно улыбаясь, цепко поймал руку Лукашина, тряхнул — Давай тознакомимся Тимофей Егращин, лесник

Лукашин назвал себя

— Так это ты рыбачить приехал? — спросил лесник улыбаясь все а сам глядел куда-то мимо странными глазами своими

«Воровские глаза» — подумал вдруг Лукашин

— А чем рыбачить думаешь, удочкой?

— Удочкой, — кивнул Лукашин

— Конечно чем же тебе еще? — согласился лесник — Тогда а место покажу на Кии, окуч там по ложот Заходи вечером поговорим

Светло еще было Лукашин пошел к леснику

У Егращина крестовый под шифером недавно срубленный дом Когда деревня стала разезжаться, он только обзаводился зому и начал строить нас удивление всем У него новой марки мотоцикл с коляской фабричная с мотором подка, служебный конь Двенадцатого калибра деустановка на стене, а кладовке малопушка в районной сберкассе порядочные деньги на книжке, да мпо ли чего нет у него Тимофея Егращина, хозяйственного мужика

Дымчатый висюпучий пес, увидев Лукашина прыгнул с лаем рванул цепь и вскинувшись на задних лапах, затряпел помидурочно, роняя слюну

— Беркут! — закричал из снаой хозяйн, ашел, укротил цепь, пропуская гостя

Лукашин прошел в дом. Сюду было чисто, и по убранству комнат дом походил скорее на квартиру, чем на одну-две комнаты районного интеллигента, чем на жилье лесника с заброшенными хуторами.

«Рыбачики» малые еще, — удивился Лукашин — Поздно пожелались выданю».

Хозяйка, тугоногая рязовская молодка, молча собралась на стол и ушла. Егорашин пригласил гостя. Кроме водки на столе стояла икра крупнопорезанная, источающая жиром свежечелюстная рыба. — Муксун, — объяснил хозяин, — порода осетровых.

Еще вареная рыба, окуну — его узнал Лукашин. Свежая выпотрошенная стерлядь лежала на отдельной тарелке.

— Чувью стерлядь любисты? — спросил хозяин и не дожидаясь ответа, стал резать. Порезал, прислил перцем присыпал слегка, пододвинул Лукашину. — Пробуй, чувъ назывистыся.

Налил водку.

— За знакомство или как? — Чокнулся, выпил, прямо руками взял кусок стерляди, ткнул в соль ткнул в перец и стал жевать, хрустя.

Лукашин тоже выпил, надо было закусить, но сукровица, выступившая на срезе стерляди, отталкивала его, он взял маленький кусочек и, стараясь не думать, что рыба сырая, прожевал наскоро и проглотил.

— Ну как? — кивнул хозяин. — На реке живем, да чтоб без рыбы. Вы там в городах хек покупаете, а его мой кобель жрать не станет. Я без свежей стерляди за сто не сакусь. Ты не таись — Он пригладнулся к Лукашину, касаясь его коленями. — Какой ты рыбак? Я спрашивал у мужиков. А можешь ты, к примеру, написать как простому человеку природой пользоваться не дають? Реки мазутот загадили, рыба дохнет, а поставь сети, рыбадождь вот он — нельзя. Кругом кричат все наше, народное, народ — хозяин. А поставь сети на эту же стерлядь — нельзя. Государственное понал? Тогда зачем душу мне травить, что я хозяин? Я народ. Если хозяин — бери, пользуйся — так я понимаю. Сможешь или сбощишь?

— О загрязнении можно написать, — сказал Лукашин. — Да и пишут об этом достаточно. А рыбадождь, что ж это их работа. Тут я.

— Значит, сбощишь, — Егорашин выпил, мгновенно встал, растегнул рубашку, чистое лицо его с небольшими черными усами подергивалось. Улыбнулся неспокойной своей улыбкой. А глядел не прямо в сторону — Значит, нельзя мне, хозяину земли свои, и рыбы половить?

Егорашин давно уже никого не приглашал к себе, давно ни с кем не заводил разговоров, все вокруг было чужие не понимавшие его, а этот приезжий человек и пугал и притягивал его. Хотелось — за столько-то лет — хоть раз высказать все, что наболело и он подумал позвал Лукашина к себе.

Лукашин молчал. Неудобно было объяснять взрослому человеку то что давно известно каждому. Он уж и не рад был, что пришел.

— Нельзя — кивал хозяин. — А разгизить воду мож но, ты на Оби был? И я был. Опустить руку за борт, вынешь — нефть на ней. Химия. Ну сколько я сетями поймю? Да я ведь молодца не беру, крупную только. А там — вся подаль задыхается. И ни с кого спросу нет. А почему? Потому что и рыба государственная и заводы государственные. Пусть лучше подохнут от нечистот, но сети ставить не мож и. И вся передохнет — крику не будет. Нет.

Лукашин чувствовал как дрожат колени хозяина. Он и не знал, что отвечать.

Лесник выпил опять. Он не пьянел, вздрагивал только заметно — мерз будто.

— Рыбнадождь! — вскокивал он. — Это мышъ возле хлеба. Они сети мою сколько раз забирали, с рыбой вместе. Сети порвут кошками а рыбу куда? Себе, конечно. Ты слышаг что вчера дед Андрей говорил? Порядки защищал. Да он света белого не видел в колхозе работая. А гослушасты его — пропалагандист. Мои деда-прареды были вольные рыбаки-охотники. И я так хочу. Я только раз на земле живу, а меня, как пса на цепи держат. Тут раньше свои бодные земли были, по берегам охотники жили. Рыбаки. Села торговые на Чулым-реке стояли. А го том понаехали, понагизали деревень. Теперь все поселок начали.

— Да ты что, Тимофей? — изумился Лукашин. — Что «ты говоришь»? Ты что против строительства поселков? Это же радость для людей — земли заново обживаются.

И замечтил, как обмяк хозяин. потянулся было к бутылке — отдернул руку. Сказал тише уже, ослепшим голосом.

— Почему — против? Пусть строят — мне что. Я к тому говорю — людей сдерживать надо было мите ресом, не давая разбазариться, теперь бы и стройки ни к чему. Ну ладно. Давей выпьем, да пояду по хозяйству.

Допили. Егорашин разговоров больше не затевал, молча жевал стерлядь, думал, глядя в сторону.

Прожовая гостя, попросил: — Ты заходи, не стесняйся. Завтра места покажу. А узывать станешь рыбы дам. стерляди, муксуна. — Помолчал, не отпуская руки Лукашину. — Мы тут поговорили с тобой ты, это, не шибко на стороне. Знаешь, люди разные бывают. Хотя — дело твоё.

И протянул еще раз руку гостю, усмехаясь жуговатой своей улыбкой.

Тимофей Егорашин по матерински Линки вел свою родословную от тех старожиллов Покровских, чей дом стоял когда-то на берегу Чулым-роки возле Яра. С двенадцати лет он бил влет птицу похалом старшим ставить сети и у ночных костров по берегам слушал рассказы бородастого дсда Саввы как жили здесь раньше рыбаки-охотники, какая рыба заходила с Оби, сколько было в тайге зверя и птицы. Повзрослев, Тимофей уже не представлял себе жизни без оулья и лодки и стал подкидывать такую службу, чтобы не расставаться с лесом.

И пошел в лесничество.

Всю жизнь свою он удивлялся тому, как это можно сидеть день-денской в конторе за столом — лежать под трактором, омонтировать его или пехать в пыли, грохоте, мазуте.

А он в лесу, он на воде. Тихо — чисто кругом. У него безотказное ружье и верный пс, у него о сильный подочный мотор, у него конь. Когда стала разбазариваться деревня, он только обрадовался и начал рубить избу. Теперь он оставался один. Это было то, что нужно. Правда, рыбы и дичи второе уменьшилось у каждого ружье сети, моторная лодка — но жить еще можно было. Только б — вот кого тогда ненавидел Егорашин — не загрязняли воду. На большом участке Чулым-реки, между двух сел, он знал где нужно поставить сети, фидили самолы. В доме у него всегда был запас вяленой, копченой, свежей рыбы, да не речного косякового караса, а осетровой породы. В лесу он вел учет куроплачым тетеревиам, глухарчиным выводам, отстреливая чаще всего самцов — не давая исчезнуть гтицам, но и не позволяя шибко расплодиться. Так продолжалось несколько лет. Он уже привык к своей жизни и рассчитывал до старости прожить так. Когда вдруг прошол слух, что рядом будут строить но-

вы поселок а потом обживать Кию и Четь Он дого не верил этому, пока однажды из лесу не увидел как по старому дорожке идут к Яру первые машины со строительными. Он тут же представил себе как выстроят поселок еще один, не будет тогда тишины и спокойствия на речках, и ему, Тимофею Егряшину, нечего тут станет делать. Осталось для него ходить сам по своим. Надо было что-то делать решать. Помешать как-то им. Завтра будет поздно, завтра придут новые машины, люди.

Вечером Егряшин сел в лодку на веслах отплыл по Кие чуть не до старого моста не вылезая из подки, протер несколько раз бензином подошвы сапог и взял канистру кружным путем прошел к Яру. Никого не было на поросшем бурьяном берегу.

Кирпичи лежали, да белели в темноте сложенные в штабеля доски. Он сел грязно в бурьян чтобы уползти в кусты. Всю ночь стал набирать на руку, как поленья кирпичи носить и сбрасывать в Чулым-реку. Но кирпичей было много и он понял бессмысленность работы. Подошел тогда к доскам открыл канистру, плеснул в ладони, еще раз смочил подошвы. Остальное выплеснул на доски подождал, схватил канистру, пригнулся побежал к березняку. И долго петлял по болоту, пока вышел к лодке.

Было много разговоров о случившемся, приезжал милиционер с собакой ничего, никого не нашел, точно было одно: доски кто-то поджигать намеренно. Стоимость возмещения, поставили сторожа, и поселок начал строиться.

Егряшин затеялся Обдумывая свое положение он уже не решался на подобные выходы. Чувствуя что кроме беды ему это ничего не даст. На Чулым-реку не выезжал собрав все сети рыбачил в устье. Чуть Решил будь что будет Решил пока оставаться на своем месте а когда совсем тесно станет здесь, подняться вверх по Мачеге в более глухие места.

Легенды и реальность

Впервые Лукашин увидел ее в кафе. Была суббота теплым сухим вечером после бани. Голицын пригласил его поужинать — по вечерам в кафе к пиву подавали орешки сосиски с тушеной капустой.

Застекленная веранда пристроенная к глухой стене районной чайной зимой служила складом для продуктов в пустой тары с наступлением же тепла превращалась в кафе «Ромашка». Застекленная сторона выходила на Чулым-реку с шести до одиннадцати здесь можно было сидеть, разговаривая, глядя на воду, на редкие рисовые катера с огоньками на мачтах. В углу стояла радиолка, и официантка сплела из пластинок меняя их, а иногда это делал и кто-нибудь из танцующих. Разрешалось курить.

Лукашин с Голицыным сидели за угловым столиком. Прихлебывая пиво. Шел девятый час входили парами и одиночками, пришел Перевалов с невестой. Голицын встал из-за накрытого и пошел танцевать с Анной — она хорошо танцевала.

Перевалов принес два стула к их столику и заказав еще пива. Пиво было холодное горьковатое. Чуть Лукашин отпилал редкими глотками, согрелся, смотрел на танцующих.

«Ромашка» спрятались, поникли лютики, — крутилась пластинка.

Лукашин смотрел на танцующих Перевалов разговаривал с шоферами за соседним столиком. Потом сидели четвером, касаясь локтями — было

уже тесно — пили пиво и Голицын все приставал к Анне, спрашивая на каком пальце она станет носить обручальное кольцо.

Когда женщина появилась в кафе, Лукашин не заметил. Мелодия закончилась все пошло к столикам и в просветах между парами он увидел как стоит она возле входа, руки за спиной прислонилась к столу и резко дышит — бежала что ли. Она была в брюках, как и многие женщины, пришедшие сюда, в тонком светлом свитере блестящие черные волосы ее, разделенные пробором, спускались по щекам плоского лица почти до пояса.

Она стояла одиноко и независимо. Время от времени раздувая ноздри движением «олы» отбрасывая волосы и когда узкоглазое лицо ее отклонялось назад казалась, что в минуту эти из напряженного горла вот-вот послышится клекот.

— Кто это? — спросил Лукашин и парника-шофер набравшись трикутот сказал — Дарья Ладья-гей-ева из нормировочного два раза замужем была.

Снова начали танцевать, а когда разошлись, женщины уже не было. Лукашин заговорил с Голицыным и совсем забыл о ней.

Живя на хуторе Лукашин ушел как-то к кургану обходя вокруг походил возле него и стоял в задумчивости спиной к Кич. Вдруг слышит гортанный оклик.

— Э-э-эй! что потерял здесь!

Лукашин обернулся — у берега дощатая лодка, а на ней та самая женщина стоит, опираясь на весло. В лодке ружье две крикующих утки.

— А я тебя знаю — сказала женщина выпрыгнула из лодки и потянула ее на траву — Ты с Голицыным всегда ходишь правда?

— И я тебя знаю — сказал доходя к лодке Лукашин — Ты богиня охоты Диана, но сейчас отстрел водоплавающих птиц охотничья.

— Это селезня, — махнула рукой женщина, — их можно А матерей-уток я не трогаю. Была она в высоких, самодельной заботы сапогах, узких стиранных брюках альпийской курточке. А волосы так и свисали по щекам.

Лукашин взял ружье. Это была старая, хорошо сохранившаяся двустволка двадцать четвертого калибра. Таких тогерь и не выпускали.

— Это отцово ружье — сказала женщина — Мой отец был великим охотником. Уходя на охоту, отец всегда брал трубку. — Женщина вынула из кармана куртки древнюю, обгоревшую по краям трубку. — И она приносила ему удачу. Это очень старая трубка. Ее сделала из корня березы прабабка моего отца. Она была медведя в верховьях Мачеге, дождалась ста лет и умирая завешала эту трубку моему отцу, зная, что он будет великим охотником. Я всегда беру эту трубку на охоту.

— Ты умеешь стрелять? — спросил взволнованный встречей Лукашин. — Сейчас женщины редко берут ружье. Разве только на севере, где живут больше частью охотой.

— Я была влет самую быструю утку чирка. Женщины отбросила как тогда, волосы за плечи. Подкинь что-нибудь и увидишь как стреляю.

Лукашин вынул носовой платок, сорвал травы скрутил жгутом, завязав в платок и отошел шагов на двадцать.

Дальше! — приказала женщина глядя через плечо. Она стояла спиной к Лукашину опустив ружье стволами вниз.

Лукашин отошел еще пятнадцать шагов и крикнув «Кидано!» — подбросил, на сколько смог, завязанную траву.

Женщина резко обернулась и, когда узелок, взле

тес перед падением, на мгновение остановился в воздухе, выстрелила Узел дробью отбросило в сторону

— Правый ствол — сказала женщина, опуская ружье — Из левого отец бил только пулей. Хочешь выстрелить?

— Нет, — отказался Лукашин. Он любил охоту и, живя в деревне у стариков, постоянно держал ружье. Но сейчас стрелять ему не хотелось.

Женщина отнесла ружье в лодку, вернулась, села к подножию кургана лицом к Кию. Ушкоглазое лицо ее было спокойно без прошлой надменности.

— Садись — пригласила она, — ты часто бываешь здесь?

— Часто — сознался Лукашин. Он почти каждый вечер приходил с хутора.

— Я, когда плыву по реке, всегда смотрю на курган и вспоминаю сказ, который давнo услышала от бабушки. Хочешь я расскажу тебе его?

— Хочу — согласился Лукашин, расстелил тиджак и лег, положив голову на руки.

Женщина начала размеренно покачиваясь в такт словам. Лукашин закрыл глаза и перенесся на несколько веков назад. Послышались гортанные выкрики и частые поспевы стрел. Ветер уносил за Чулым-реку шум битвы.

— Это курган — размеренно начала женщина, и звуки печально зазвонили в горле ее — память о несчастной любви девушки Кию к воину Чулымю. Этому кургану сотни лет — так гласит древняя легенда. Когда хакасы, пришедшие с далекой Чуны, стали теснить остяков, бедный воин Чулым собрал войско и дал хаксам бой у слияния этих рек. Но остяки проиграли сражение. Они умели охотиться и ловить рыбу но не умели воевать. В этом бою был убит бесстрашный воин Чулым. Узнав об этом, Кию долго горевала. Она не захотела уходить со своим племенем. Придя на могилу любимого, она ударила себя в грудь с о кинжалом и умерла. Племя похоронило Кию рядом с Чулымом, а над их могилами насыпали холм. Реки эти называли именами погибших. Так они и бегут вместе — Кию и Чулым. Э-э-эй! — воскликнула женщина, глядя на часы — Пора домой, мама станет беспокоиться.

— Твоя мама тоже охотница? — спросил Лукашин, провожая ее к лодке.

— Нет. Моя мама русская — ответила женщина, оттолкнулась влосом.

Лукашин тихо шел берегом, срывая цветы и бросая в лодку.

— Моя мама старая уже. Она любит выращивать в огороде ягоды и всегда боится, когда я ухожу с ружьем в тайгу. Приходи завтра к кургану. Вечером я знаю — ты сейчас живешь на хуторе. Это близко. Сета и, сильно огребаясь слева, выгнала лодку на середину реки.

И Лукашин стал каждый вечер приходить к кургану.

«Это странная женщина. Дарья Ладыгейчева, — записывал он в свой дневник. — Ей двадцать семь лет, мать у нее русский отец — остяк. Конечно же, больше она взяла у отца. Она закончила техникум и работает в конторе колонии в отделе нормирования. Но я ее совсем не представляю за конторским столом. Да и, притаясь к ней, разу не видел. Все свободное время она с ружьем на лодке. Знает повадки птиц и зверей, названия растений по берегам рек. Мы уплывали с ней по Чети почти до самого верховья».

— Вот на этом месте я родилась — печально сказала она, когда мы подплыли к берегу и вышли на поляну.

Она попросила меня уй-и в лес, сказав, что захот

побить одна. Я отошел за деревья и следил издали, как села она на траву лицом к солнцу, ноги подвечнуты под себя, руки сложены на груди, волосы распущены. Она сидела так несколько минут, шлепая губами. Лицо ее было серьезное, и походила она в это время на маленького восточного божка, каким его изображают статуэтки. Потом оклинула меня, и мы стали собирать цветы, но печаль ее не проходила, пока не отплыли мы далеко от тогяны. Мне очень хотелось узнать, что делала она, сидя на поляне, но Дарья созналась сама, что помолвилась старому остякому богу за весь их древний род и за отца. Желал ему там хорошей охоты.

Дарья рассказывала еще, что жили они на Чети долго. Она училась в школе-интернате, потом поступила в техникум, на каникулы приезжала домой, и тогда отец учил ее разговаривать с деревьями и травами, понимать зверей и птиц. Учил на богу строго, из ружья, пережидая в тайге гургу и многому другому, чтобы она передавала все это своему сыну. Потому что она, Дарья, продолжательница великого рода Ладыгейча, охотника, от которого пошел их род. Когда умер отец, Дарья насильно похоронила его на Чети — на месте их последнего жилья, но похоронили отца на кладбище районного села, чтобы мать могла навещать могилу.

Дарья дважды была замужем и оба раза неудачно. Вчераша она созналась, что замуж больше не выйдет, но хочет стать матерью, родить сына. Обязательство сына и передать ему все чему учил ее отец. А если у нее так и не будет сына и она умрет, тогда закончится весь их род. А этого никак нельзя допустить. Она познакомилась мне в своем желании — чтобы я был отцом ее ребенка. Я был сконфужен и смущен одновременно. Я сказал, что если она, Дарья, действительно родит ребенка, то я буду отцом двух детей от разных матерей, в это и без того усложнил мою жизнь. Видимо, выглядел я совсем глупо и жалко со своими рассуждениями, потому что она грустно рассмеялась, попросила забыть обо всем сказанном, что просто пошутила. Мы лежали в тот вечер на кургане, смотрели в небо, и Дарья рассказывала о своих мужьях.

— Он приехал в район после учебы и стал работать в нашей конторе, в плановом отделе. А жил через улицу в доме напротив. Он был высокий, тонкий и носил очки. Утром когда я выходила из дома, он уже дожидаясь меня и, кланяясь через дорогу, говорил всегда «Здравствуйте Дарья Ивановна». На работу мы шли вместе и возвращались вместе. Так мы и ходили до тех пор, пока конторы и на улице не начались разговоры, что мы скоро поженемся. Но я не хотела выходить за него. Я хотела, чтобы отцом моего сына был большой и сильный человек. Но мать настояла. Она сказала, что лучшего мужа мне не найти — смиренный и образованный. Мне не хотелось обижать мать, и мы поженились. Мы прожили два года, а мне казалось, что это тянется в юность. Он был тихим человеком. Всегда во всем соглашался со мной. По выходным дням, когда я уходила в лес, он садился листать конторские книги и бряжал на счетах, потому что ему мало было надежды. Иногда к нему приходил служивец такой же как и он, тогда они вместе брякали на счетах, повторяя «Дебет кредит», — и глаза их светились радостью. Один раз я уговорила его пойти со мной, но он так боязливо ступил в лодку, а когда лодка чуть качнулась, уронил в воду очки. Он расстроился, и мне пришлось доставать их. Мы вернулись домой, и тогда я сказала «Мини ты хороший человек, но жить я с тобой не буду». Он ушел в тот же день, а вскоре уехал совсем. Год я прожила одна и это

было еще хуже, потому что я была уже женщиной. За мной стал ухаживать шофер нашей автобазы Он был большой и сильный, как мне хотелось но он оказался алым и лживым человеком Он часто приходил пьяным подрабатывая после смены, хотя в этом не было нужды А потом он стал изменять мне Я все это терпела стыдась перед матерью и страшась людских разговоров Я только сказала ему «Чего тебе не хватает? У меня красивые ноги и грудь я сильная я могу рожать каждый год, пока молодая» Один раз он стал куражиться, и ему захотелось ударить меня О-ого! Я сорвала со стены ружье Он знал как я стреляю Я могла разнести ему череп не целясь Он испугался и выскочил на улицу Я в бросила на снег все что он принес с собой До темноты выброшенное лежало на снегу — ему было стыдно переносить от меня вещи днем, на глазах у людей Вечером пришли его родственники и забрали все А ты, Валя не смейся, — в конце сказала она мне — Хорюши а не смейся Женщина сама идет к тебе Это очень редко когда женщина сама — Засмеялась и сбегала с кургана

Плач о погибших березах

— Я плачу о березах — Голицын откинулся к стене и притушил ресницами разбавленную хмелью синюю слезу

В кафе было жарко, накурено Беспорядочно танцевали Перезвалов танцевал с Анной Сегодня здесь играл оркестр районного Дома культуры

— Я плачу о березах — Голицын потянулся и налил полстакана портвейна — в кафе подавали только портвейн — А ты завтра уезжайшь Прощай, Валя.

— Я напишу тебе — улыбнулся Лукашин и потянулся к руке Голицына

— Прощай, Валя, — сказала вчера женщина возле кургана

— Я напишу тебе — Лукашин целовал ее руки Луна стояла над курганом и на желтой дорожке, брошенной через Кно, покачивалась подка и белое лицо ее казалось еще белее

— Письма долго идут, — засмеялась женщина и положила ему голову на грудь.

— Ромашки-и спрятались, — шептала в микрофон девичья — Поникли лю-ти-ки

Это был гимн кафе Кафе называлось «Ромашка» — Я плачу о березах, — сказал Голицын и налил себе портвейна

Перезвалов танцевал с невестой Лукашин пододвинул свой стул и обнял Голицына за плечи В кафе стоял шум и песня была слышна Вера Голицын получила от сестры письмо Елена писала, что Рашевская развелась с мужем, вернулась в город и спрашивала о нем

Сегодня Голицын поссорился с Бадаевым Завтра уезжал Лукашин Они не то чтобы поссорились с начальником Просто Голицын говорил с необычайной для него резкостью, и из разговора следовало, будто бы в том, что они делают сейчас, есть вина Бадаева Бадаев глядя в землю, молча выслушал и, сказав коротко «Продолжайте работу», — пошел к машине

Голицын всел и пошел танцевать с Анной Перезвалов смотрел на них, улыбаясь

Анна помакала им рукой

— Который час? — спросил Лукашин по-ладывая на дверь

— Чего ты? — удивился Перезвалов — Девяти еще нет

— Уже поздно, Дарья — сказал Лукашин, обнял женщину, и они пошли к лодке

— Куда ты? — спросил он когда Дарья развинула лодку вверх по течению

— Молчи! — шепотом приказала женщина, сильно огребая веслом Глаза ее странно светились Лукашин молчал

Музыка умолкла, и Голицын подвел даму к столу Глаза Анны смеялись

— Замучили они меня — сказала она Лукашину, обмахиваясь рукой — Хорошо, что вы не танцуете, а то бы втроем меня до стола не допустили Князя, выведем освежиться, а?

— Когда школьником, тотом студентом мне приходилось выезжать за город, — говорил Голицын, — я радовался каждой травинке, каждой зеленой веточке А теперь я своей властью могу вырывать и сбрасывать в овраги сотни берез. Но власти моей не хватает, чтобы приостановить это Такая береза росла много-много лет, а корчеватель за какие-то минуты выворачивал ее из земли и сбрасывал в овраг

— А куда их, — заметил представитель института «Гипродроз», сворачивая схему Института работников которого вели здесь изыскания и готовили всю документацию по освоению торфяных земель — И хорошо, что овраги На дрова березы не годятся: сушаваты, делать в конце полос завазы — а там же вперед линия работы Остаются одно — зарваги

— Якобы бы сюда, — сказал резко Голицын — Они бы эти сушки веточки в нейлон превратили А нам и на дрова не годятся Сотни гектаров одних только берез Богаты слишком

— Продолжайте работать, — сказал молчаливый все время Бадаев и пошел к машине В машине он продолжал мысленно разговаривать с Голицыным Ему самому было жалко берез но и земля была нужна И о том, что будут вести раскорчевку он и знал заранее, не зная только — в каких местах До того, как все началось, здесь работали изыскатели-проектировщики, были произведены необходимые съемки, составлены схемы, карты другая нужная документация Все это давно прошло определенным с'у лени, было подписано, утверждено повторилось неоднократно в документах на различных собраниях и совещаниях, были спущены деньги, машина работа и Бадаев не в силах изменить что-либо Он понимал что, раскорчевывая сотни гектаров которые постепенно перерастают в тысячи они в какой-то мере нарушают природный режим думал о поколении, которым придется жить не где либо, а вот на этих местах И кто знает не придется ли им на место нынешних корчевков заново высаживать до ревя Он, Бадаев, сейчас мог только отдать распоряжение, чтобы всюду возле домов колонны высаживали кусты

Зная это, глядя, как сбрасывают в овраг березы, Голицын сказал

— Столетье корни рвем а прутьи высаживаем Ну хорошо, коль скоро есть такая необходимость вести раскорчевку — пусть Но деревья-то можно где-либо использовать?

Бадаев думал об этом Те березы что помолоче и поровнее, рабочие колонны и жиг-го! ближайших деревьев пилили на дрова Но эти старые сушавые березы на дрова не годились Из них и топориче нельзя было сделать И тогда Голицын сказал о

нейлоне, о безалаберности бесхозяйственности и многом другом Гогольчанин неприлично зло и Бадеев видел что он расстроен Конечно, существовала химия, и что то полезное можно было бы все-таки сделать из этих берез, то которые давчо сбросишь в овраг и тех котятые будут сброшены Но когда Бадеев представил себе договоры с различными организациями, погрузку транспортников выгрузку и все остальное, что с этим будет связано он только вздохнул и махнул рукой

— Сидите здесь в дыму,— сказала Анна, скрываясь с Лукашиным— А на улице что делается Теплень луна, светло— хоть иголки собирать Правда Коля?

— Полнолуние— Перевалов расставлял стаканы— Свет луны во все концы,— сказал он и рассмеялся Читать стихи Николай научился у Голицына— За вето отъезд, Валя— Он поднял стакан— Чтоб не забывал нас

— Давайте— Лукашин чокнулся со всеми и поглядывал в окно

Луна показалась, и Лукашин узнал место Дарья прыгнула из лодки и пошла по траве нагибаясь, срывая цветы Тепло было, и видно, потому так пахли травы Лукашин сидел в лодке «Оттолкнуться, уплыть»,— подумал он

— Валя!— дошло до него Желтица стояла среди поляны, но голос ее был едва слышим— Иди-и!— Нет— сказал Лукашин— Нет!— И пошел туда, путаясь в траве слабющими ногами «Зачем, ведь мне скоро уезжать»,— неясно подумал он .

— Я тоже скоро уеду,— продолжал Голицын— Начало здесь положено я сделал все что требовалось от меня, может, даже чутьчуть больше Я хочу взять многодневный отпуск без содержания Много свободных дней Чтобы посидеть с товарищами в кафе «Валдай» на Калининском, послушать их, попить сухого вина Я хочу на вечера поэзии Вышел сборник Вознесенского, а я так и не видел его А потом уговорить се уехать в Карелию Ты не был в Карелии Вал? Там чудесно Если я не могу поехать в Памплону, чтобы посмотреть бои быков я поеду в Карелию А ты не лукавь и не сюсюкай Помнишь «И горько жагуюсь и горько слезы лью, но строк печальных не смываю »

— Посмотри, какая я красивая— Дарья скинула на траву платье— Ты никогда не видел таких красивых женщин

Она повернулась к Лукашину, оббрасывая за спину волосы Лунный свет струился вокруг ее ног— Все женщины рода Ладыегича были красивыми— Дарья говорила явственным шепотом— Но я краше их Я последняя женщина рода

Она встала на колени, потом опустилась на траву— Иди-и,— потянула она руки— На этом месте я родилась На этом месте я хочу зачать сына— Боже мой, что это с луной сегодня!— Лукашин задыхался от запаха трав И тоже встал на колени

Голицын встал и покачнулся Лукашин вывел его на воздух Было удивительно светло и тихо— Иди,— сказал Голицын— Дай мне побыть одному

Он прислонился к стене, откинул голову и стал

глубоко дышать Лукашин вернулся к столу Перевалов с Анной сидели рядом, глядя друг на друга

— Давайте выпьем— Лукашин разлил портвейн— Как ваша подруга Ниюша?— спросил он Анну

— О о!— засмеялась Анна— Они теперь ходят каждый вечер в кино, а вчера Коля подарит ей «Тройной одолжон»

Оркестр оляз заиграг пары вставали, с шумом отодвигая стулья С-ановилось тесно Перевалов вышел к Голицыну «Боже мой, как долго тянется вечер»— подумал Лукашин оглядываясь Ему показалось, что возле дверей кто-то стоит прислонясь к косяку Посмотрел еще раз— незнакомая девушка

— Дарья не придет— сказала Анна— Она просила передать тебе это,— вынула из сумки и подарила скрученную в узком хвосте из потертой оленьей шкуры старую трубку— Она сказала, что трубка принесет тебе много удач в жизни

Вошел Голицын, он был бледен.

— Идемте,— поднялась Лукашин, опуская трубку в карман— Поздно уже Пошли, проталкиваясь между танцующими Стали прощаться

Лукашин обнял Голицына Анну, еще раз Голицына С Переваловым простился коротко, тот обещал заехать утром, чтобы до работы отвезти Лукашина к железнодорожной станции С Бадеевым Лукашин простился днем, общаясь прехват в сентябре

В сентябре на Чулым-реке желтели, опадали леса

Колоной по прежнему руководил Бадеев В одну из трудных ночей он составил завещание, в котором просил в случае его смерти библиотеке передать новому поселку избу и утварь— сестре а с ним положить портрет Петра

Работали все три участка На третьем сдали первый порядок домов Перевалов с Анной получили квартиру и в ноябре у них началась свадьба

И еще одна свадьба должна была состояться по осени Голицын получил письмо а через несколько дней приехала и сама Рахвеевская Голицын подал на расчет и вскоре они уехали

Дарья заметно изменилась притихла, по вечерам она часто приходила к кургану сидела у годножки, глядя, как по Кии плывут листья

Один раз она плавала в лодке по Чети Вечерами, укладываясь в постель, старалась лечь поудобнее И торол тем как уснуть, подолгу прислушивалась к чему-то внутри себя

А Лукашин жил в городе От жены ничего не было, и он ей не писал посылал лишь деньги С началом дождя он сел за работу, иногда ему работалось хорошо иной раз целыми днями он не мог ничего делать В предчувствии тоски Лукашин стал вспоминать женщин, которым нравилось когда-то и которые хотели быть с ним Но все они давно уже стали матерями, и писать им было бесполезно Оставалась еще Татьяна Сергеевна, с которой он дружил все годы учебы и которая жила теперь где-то на берегах Каспия Он написал ей, и она ответила

Она писала, что все хорошо, она здорова, рада была получить от него весть, доега ее идут— она поступила заочно в театральные, а в ноябре собирается замуж за журналиста

И з зиму Лукашин остался один

Осень 1973 г.

1 Там же

Борис Слущкий

«В борьбе за это...»

Весело надо делать
грустное дело
свое.
Под музыку надо делать
свое печальное дело
Ведь с музыкою — житуха.
Без музыки — не жите
Без музыки — нету хода,
а с музыкой — нету предела.

Какой капельмейстер усатым
когда ее сочинил!
Во время которой осады
перо он свое очинил
и вывел на нотной бумаге
великие закорючки!
А в них — атаки и флаги,
и проволок-колючки!

Ее со слуха учили
чапаевские трубачи,
и не было палаты
и не было лазарета,
где ветеран новобранцу
не говорил. «Молчи!
Мне кажется, заиграли,—
слушай,— «В борьбе за это...»

Определение лирики

Лирика — отсебятина.
Хочется основательно
все рассказать о себе
и о своей судьбе

Лирика — окошечко
так шумна и пестра
Кроме того, она лестница
в душу твою со двора.

Лирика — суматоха
Лирика — дребедень
Кроме того она вдоха
воздуха

верная тень!

С берега до берега
ночью пробег по мостам!
Лирика
эмпирика
учит общим местам.

Учит к словам забытым
вдруг проявлять интерес
Лирика вся — за бытом,
словно за горюдом — лес

Вдруг раскрываются дуги
из теплоты в ледянь
Лирика вся, не верю,
что не чета молодым.

Огонь в воде

Огонь всегда хорош Даже слабый
Вода — лишь тогда, когда много ее
Но вот океан со всей своей славою
ревет про свое житье-бытье
Какие метафоры у океана!
Он — словно Шекспир!
Он — потачки словам не дает
Но вдруг замолкает до самого окосма,
тихонько поет
И в эту огрошную,
эту бескрайнюю воду
роняют огни и порты и заводы,
прожекторы пограничников,
маяки
и попросту светляки.
А малый огонь,
отразившись в немалой воде,
вступает в нее а потом утопает
и место свое навсегда уступает
нетонувшей и негасимой
звезде

Отказ

Тяжелее нет бременя,
чем перо голубиное
Голубь требует времени
так же, как все любимое
Он делиться с женой
или с кинтой не пробует.
Кроме жизни одной,
ничего не потребует
И пока он медлительно
пролетает,
как
то ни удивительно,
жизнь пролетает
Из семч голубятников
в нашем дворе
двое бросили,
пятiero практиковали
Каждый день поднимались они
на заре,
и огромные голуби им ворковали
В те широты не залетали орлы
Самолеты тогда еще были малы,
и слабее голубя
не было в небе
В этом счастье, как в проруби,
выхода нету
Нету спасу от радости,
вам говорю!
Украдешь благодаря сизарю,
и обманешь,
и дружбу нарушишь,
но зато встанешь рано
увидишь зарю
и в нее голубятно обр/ишь.

Изю всей коммунальнейшей нашей квартиры в голубятники я не пошел
 Не хватало лихости и азарта.
 Хватало ума
 Может быть за меня жизнь решала сама
 Голубиные стаи меня обстали,
 проходили они надо мной стороной,
 и любовь к голубям, до малейшей детали наблюдаемая мной, отринута мной.
 Первый в жизни соблазн
 Первый в жизни отказ
 Голубиная власть
 Голубиная казнь
 О, рассветная, о молодая оступая!
 Голуби, улетающие навсегда, пролетающие неизвестно откуда неизвестно куда.
 О, сознание, что безвозвратна беда.
 Никогда. Никогда.
 Никогда. Никогда
 В жизни я их подманивать больше не буду!
 Остальное все было легко и нехудо.

И ванихи

Как только стали пенсию давать откуда-то взялась в России старость.
 А я-то думал, больше не осталось
 Осталось
 В полусумраке кровать
 двуспальная
 По полувековой привычке
 спит всегда старуха справа
 А слева спал по мужескому праву
 ее Иван, покуда был живой
 Был мор на всех Иванов на Руси,
 что с девяносто шестого
 были года,
 и сколько там у бога ни проси,
 не выпросила своему Ивану льготу.
 Был мор на год шестой,
 на год седьмой,
 на год восьмой был мор,
 на год девятый.
 Да, тридцать возрастов вонне проклятой
 понадобились
 Лично ей самой.
 С календарей обдергивая дни,
 дивясь, куда их годы запропала,
 старухи ждуть-пождут и спят одни,
 как молодыми вдовушками спали.

Выгон

Травы — запахи земли,
 в листьях воплощенные и корни
 К ним, по случаю весны, пошли

вдумчиво принимавшие кони
 Распахнули ноздри, как ворота
 Чуют что-то
 Понимают что-то.
 С темною конскою душой
 темная душа земля*
 разговор ведет большой,
 но о чем — не знаю

С маху в дождь

Разгорается, расцветает дождь,
 пламенеет, благоухает ливень
 Нет, его в подъезде не переждешь
 в настроении желчном и несправедливом.
 Ливень-проливень будет лить-проливать
 до утра
 и завтра и послезавтра
 Очень долго солнышку не бывать —
 набирайтесь же куражу и азарта
 и газетой, свежей газетой закрыв
 голову и подвернув штанины,
 маху прыгайте
 в дождевой обрыв
 и в лихие, счастливые
 ливня стремнины
 Дождь ведь — самая важная,
 самая влажная
 форма жизни
 и лучшая из новостей.
 А промокнете до костей — неважно!
 Вы успеете высохнуть до костей.

Неоконченные споры

Жил я не в глухую пору,
 Проходил не стороной.
 Неоконченные споры
 Не оканчиваются со мной
 Шли на протяжении суток
 С шутками или без шутки,
 С воздеванием к небу рук,
 С истинной, пришедшей вдруг.
 Долго или же недолго
 век мой, прав или неправ
 дребезг зеркала, осколок
 вечности, отразил стремглав
 Скоро мне или не скоро
 в мир отправиться иной —
 неоконченные споры
 не оканчиваются со мной
 Начаты они задолго,
 за столетия до меня,
 и продлятся очень долго,
 много лет после меня
 Не как повод,
 не как довод
 Тихой нотой в общий хор
 в дующийся извечно спор
 я введу свой малый опыт
 В океанские просторы
 каплею вольюсь одной
 Неоконченные споры
 Не оканчиваются со мной.

Дина
РУБИНА

ЭТОТ ЧУДНОЙ АЛТУХОВ

РАССКАЗ

Рисунки О. БОГНА

Когда-нибудь я обязательно опишу его Раскрыто толстую тетрадь в клетку чуть чуть отступило от края и подумано, с чего бы начать Да, когда-нибудь я обязательно опишу его И, безусловно, начну с глаз

«Глаза у него были — напишу я, — как у выжившего из ума фанатика» И это будет началом его портрета А потом мне не доест писать, я отвернусь к окну, за которым будет надлежащее время года — зима или осень, а еще лучше лето — и вспомню наш последний разговор (хотя разговором его назвать нельзя да мы, пожалуй и вообще никогда не беседовали с ним, как нормальные люди)

Это была пустая аудитория та самая с пианино у окна Я сидела и переписывала вопросы к семинару И вот тут заглянул мой обожаемый Алтухов

Он был ужасный урод самый настоящий обязательный урод Глаза у него были настолько широко поставлены что находились ближе к вискам чем к переносице И казалось, природа предусматривала наличие третьего циклопического глаза но готово была его ввинтить, и место теперь пустовало Глаза были круглые, черные, как у встревоженного цыпленка Ходил он ссутулившись, не спеша и слегка враскачку, отчего создавалось впечатление, что этому неприкаянному человеку абсолютно нечего делать и некуда деть себя

— Здравствуй, Диночка! — сказал он и вошел — Как дела? Давно мы с тобой не говорили

— Да? А разве мы когда-нибудь вообще о чем-нибудь говорили? — спокойно спросила я

— Слушай слушай, я расскажу сейчас что-то интересное — Он сел за пианино

Я подошла и стала рядом А он сидел, повернув голову к окну и, легко аккомпанируя себе короткими аккордами, напевал какую-то песенку Долго насвистывал

— Ну? — наконец спросила я — Внемлю Ты, кажется, собирался что-то поведать мне

— А? Чего? — рассеянно спросил он, перестав играть и недоуменно смотря на меня

Я молча улыбаюсь

— А, ну да! Вот, послушай песенку — И он опять засвистел, отвернувшись к окну, думая о чем-то своем

Я обошла пианино и заглянула в глаза уроду Алтухову И этот миг напомнил сумасшедшего фанатика который день и ночь стонал «Погибла идея! Погибло дело!»

— Вот так тебя доконали твои дела — сказала я Он кивнул продолжая подбирать какие-то гармонии Он всегда кивал когда не слушал Я думаю, это для того, чтобы ему не мешали думать.

Он был талантливый и смешной Ча мой взгляд — редкое и милое сочетание Я не могу сказать определенно, в чем выражался его талант Он был очень музыкантом, он был, как говорится среди музыкантов, «слушачом» Но не это главное Он принадлежал к той породе людей которые способны мгновенно воплощать в слова и жесты все удачно и прекрасное, что мелькает в их воображении, воплощать метко и образно не тратя времени на режиссуру У него го лучше всего все так легко и свободно словно он долго репетировал Алтухов изумительно владел своим голосом интонациями своего голоса, мышцами своего лица и мог моментально воспроизвести любой увиденный где-то жест или движение любой услышанный разговор Он изображал так что мы все обалдевали Он чертовски захватывающе рассказывал

всякие небылицы из своей жизни. И мы верили. И мы хохотали. И глядели на него восторженными, влюбленными глазами.

И вдруг он уходил. Он поднимал воротник своего синего плаща, брал под мышку футляр со скрипкой и уходил по узенькому тротуару прочь от консерватории, не появляясь в ней неделями.

О существовании Юрки я узнала в тот день, когда у нас пропала лекция по «Анализу музыкальных форм». Бог знает, из-за чего пропала — то ли преподаватель заболел, то ли очередное мероприятие на кафедре проводилось — мы толком и не узнали. Алтухов как-то сразу заморочил мне голову и мы о нечем делать пошли мотаться по магазинам.

Это было очень увлекательное путешествие. «Пойдем знакомиться с манекенами!» — сказал Алтухов. — Заведем себе парочку друзей. Они прелесть, эти манекены: знаешь? Вежливые, милые, без претензий на духовное богатство». Я засмеялась.

В витрине магазина музыкальных инструментов стояла девушка-манекен со скрипкой. Шейка скрипки покоилась на ее раскрытой гипсовой ладошке, а удивленно-приветливые гипсовые глаза созерцали пульт, на котором стоял перевернутый вверх ногами «Самоучитель игры на баяне». Манекен не был приспособлен для демонстрации музыкального инструмента и был похож на девушку, играющую в «стоп-замри!». Правая рука с нечеловечески длинными пальцами указывала на левую, а девушка как бы предлагала нам взглянуть и подвигаться что это за штуковину! встали ей между шеей и кистью левой руки.

— Слушай, слушай! — вдруг воскликнул Алтухов и остановился. — Как мне грустно от этой девушки! Почему? Наверное, потому, что мы с ней похожи. А знаешь, чья? — Он засмеялся. — Там что одинаково разбираетесь в скрипичном репертуаре! — сказала я.

— Тем, что она успела сделать в жизни примерно столько же, сколько и я — не обращая внимания на мой выпад, серьезно сказал он. — А ведь она существует гораздо меньше! — И задумался. Пожевался от ветра и пряча подбородок в ворсистый коричневатый шарф.

Мы обошли еще несколько магазинов, и вот тут я заметила, что его тянет в отдел игрушек. А меня туда почему-то не тянуло. Я с трудом затежала его в отдел верхней одежды и заставляла держать вешалки пока примеряла всякие пальто. Рядом со мной какая-то маленькая толстая женщина крутилась возле зеркала, пытаясь увидеть в нем свою спину. И вот, хлястик на спине. Ее светлые волосы были связаны желтой резинкой на затылке в пучок, а зубы почему-то росли здорово вперед. Очень вперёд. Признаться я еще в жизни своей не видала женщину с такими короткими толстыми ногами и чтобы зубы у нее настолько росли вперед, что казались самым важным органом осознания.

Я аккуратно повесила пальто на вешалку, которую Алтухов держал, как робот, беспомощно оглядываясь в толпе женщин и тихо сказала:

— Алтухович! знаешь, если бы у меня была такая вечность, я бы уже не покупала себе пальто. Я бы уже ничего не покупала.

— Эй, холодно зимой, понимаешь? — отвился он.

— Но если ты когда-нибудь заметишь, что у меня стали такие ноги, убей меня пожалуйста.

— Отстань! — сказал он и вско-нормально побилиз в отдел игрушек. Я бы могла споспеть для кого это он старается. Может быть, для писманныка или какого-

нибудь соседа. Но мы с ним вообще никогда не разговаривали нормально. Поэтому я только кивнула в сторону пестрых коньков-каталок и сказала:

— Может быть лошадуку кугиш?

— Да ну — отозвался он рассеянно, оглядывая прилавок. — У Юрки и без этого столько лошадей, что он вполне может сколотить конарию.

На полпути к троллейбусной остановке мы нашли на асфальте живую тепленькую лотучую мышь. Алтухов держал ее на ладони, приподнимая то одно, перепончатое крылышко, то другое и что то долго объяснял мне, — наверное, объяснял, как можно готать при помощи таких штук. А я все время смотрела на него и думала, что если бы старик Алтухов закрыл минуть на пять один глаз, а другой оставил открытым, то он бы стал похож на слепого рапсода со звездой во лбу. То есть о-а сначала вроде бы сияла во лбу, а потом скатилась на висок под бровь.

Мы решили положить мышь в водосточную трубу. Наверное, ей там будет уютнее, ведь надо полагать, у летучих мышей несколько иные взгляды на уют, чем у нас. Впрочем, постом на остановке, Алтухов вспомнил о ней и сказал: «Зря мы ее в трубу положили, там темно. Она еще подумает, что ночь наступила, вылезет и расстроится». Он провел ладонью по лицу сверху вниз, как актер неведущая маску расстроенной летучей мыши, и я засмеялась, потому что вместо великого комика и трагика Алтухова, а меня круглыми испуганными глазами смотрела расстроенная летучая мышь. Так мы ничего Юрке в тот день и не выбрали.

А самого Юрку я увидела на ноябрьской демонстрации. Нам было велено собраться ровно в восемь возле консерватории, а я почему-то явилась на полчаса раньше, стояла и злилась на себя. И тут подошел Алтухов и за руку держит мальчишку, который явился от времени от редостного ожидания очень высоко подпрыгивает.

— Это Динка, — сказал ему про меня Алтухов. — Вы дети, постойте, а я на минутку в киоск. Эз сигаретам!

— Хорошо твоему Алтухову! — сказала я мальчишку. — Он думает, если ему целых двадцать семь лет и он где только по свету не мотался, так уж всех людей можно детскими обзывать.

— А оркестр будет? — радостно спросил парнишка и подпрыгнул. Здорово высоко он прыгал. И выговаривал буквы «р». А я очень уязвимо детей, которые потекли шаблоном выговаривают буквы «р».

— Ну, это зависит от того, как тебя зовут? — отползла я.

— Юр-р-р-ка! — заржал он. Он безумно хотел, чтобы заиграл наш зарпанин в студонческий оркестро. Наверное, Алтухов обещал.

— Будет, будет. Сейчас выйдут наши лебхи и начнут дуть в свои трубы. Рожки у них станут красивыми, а дудеть они будут страшно фальшиво, так что даже ты услышишь. Но тебе, я понимаю, все равно.

У меня создавалось впечатление, что пыжики в высоту были главным занятием в его жизни. Он сосредоточивался, вытягивал руки, то швам и подпрыгивал вверх со статиком.

— Ты опять? — грозно крикнул Алтухов. В зубах у него торчала сигарета и глаза были круглые и веселые. — Я предупреждал тебя, ты ударишься головой о звезды и тогда я ни за что не стечу!

— Где же звезды? — тихо и испуганно спросил Юрка, пожимая ладошкой затылок.

— Ну, тогда собьешься с ног. Ди-ку-панистну. А ей

как летчику без ног — куда на педали то как нажимать?

— Она на велике ездит? На гониме?

— На ле авом — ответил этот великий воспитатель Алтухов — На левом с отвистыми ушами

Он взглянул на меня своими дурными круглыми глазами. На этот раз взгляд был насмешливым и ласковым. И это было особенно оскорбительно. Почему что я знала это его дар — сказать что-нибудь насмешно образно и метко чтобы слушатель сразу увидел сказанное в действии. И я знала что сейчас в действительности я представляюсь Орке верхом на смехном леговом велосипеде с отвистыми ушами. Уж не знаю, какими он казался Юрке этот велосипед, но лично мне он представлялся довольно ясно.

— Слуши, слышишь что! — разозлившись и от растерянности не зная, что ему ответить, выпалила я — Вынь, наконец, свои руки из карманов плеча! Это неприлично!

— А вздор — не вынимая рук из карманов лениво ответил он — Предрасудок с тех времен, когда какой-нибудь кобей носил в кармане плеча островерхие оружие. Тогда было просто страшно если навстречу шел человек засунув руки в карманы.

Оказывается, у чих сегодня была разработана целая программа действий. После демонстрации — просмотр какого-то нового цветного художественного, потом — катание на самой большой карусели в мире той, что в парке культуры и отдыха (сколько помню себя карусель запускал один и тот же пьяный дядька понятия не имеющий о времени в результате чего одна группа детей каталась полчаса, другая — десять минут) и в заключение, как мощный скворец «богатырской» симфонии — сто граммов крем-брюле в кафе «Снежинка»! (Не замечали что во всех городах имеются кафе именно с таким названием?)

— Если вы не пригласите меня с собой — пригрозил я — вы будете иметь дикий скандал!

И они испугались. И погнали меня с собой.

Мы сидели под красным пластиковым тентом и копались ложечками в тонкокожих розетках. Солнечные лучи проникая сквозь тент поливали нас Юркиной и алтуховской физиономиями агрым пламенем.

— А ведь ты сегодня еще ничего не наврал — замечила я — Нука давай начинай, рассказывать!

— А что? Как я толчул этим летом рассказывать? Только держитесь покрепче за ложки а то упадете со стульев. Этим летом я отдыхал в — и замолчал. Как будто задумался. Это он всегда нам так нервы трепал.

Я подождала не много и «терпеливо» спросила

— Так де ты отдыхал этим летом, старей чей?

— В герах — сказал он и посмотрел на нас своими круглыми черными глазами расставленными настолько широко что они были похожи на два удаленных друг от друга маяка в штормующем море. Понимаете, доти — тихим и красивым голосом сказал он — представляете, де и с чег — и бепые березы!

Это в гозах то бепые березы! А впрочем не берусь утверждать обратное. Он так красиво рассказывает — верно он так красиво показывает, этот врут Алтухов!

— Река там — чокнутая. В ней не то что купаться — умыться было невозможно. Того и гляди накрошишься а голову оторвет течением и понесет, как божье яблоко — только глазами вращай. Ну и играти как-то мн с ребятами а берегу в волсебол. И вдруг мяч ветром несло на воду. Я чокнулся чтобы руки достать опустился — шерах! — в воду.

Он замолчал. Но живой же он был, этот Алтухов, сидел же сейчас рядом с нами!

— Метра два по ичорции чичего не понимая, тгыл за мячом а потом так скрутило завертело что не до мяча стало. Меня на камни несет я за них цепляюсь а они скользкие холодные, острые, только руки все поранил. Тут меня опять подняло, вынырнул и ослеп — солнце вверх — жеплое охристо падает на голову, как кутак «Не! — думаю — сволочи! — думаю — Ах ты сволочи!» Не помню что дальше. Кажется шырынуло меня на камни у берега я метовой хваткой за что то вцелгиса выполза. Выполз — труп. Упал в какие-то кусты и сижу, как кусок студня. Силу и все. Подбегает ребята, говорят «А здорово ты за этим мячом плыл, мы по берегу бежали сплотили поймает или не поймает? Ну, на кон тебе это мяч сделся?» А я сидел, в колючках обхватив голову позорнымими окровавленными руками плакал и смеялся.

Я смотрел на Юрку. Он спокойно слушал он совсем не волновался за Алтухова он, наверное, думал, что с его Алтуховым никогда ничего не случится.

На следующий день Алтухов явился в консерваторию позже обычного. Он был в очень линялой зеленой рубашке.

— Я же постирал так тщательно, ласково — объяснил он — А она вязла и слиняла. Вот дура, а? — и смеется.

Я отозвала его в сторону.

— Признайся злостный алиментщик Алтухов, это твой ребенок? — оозно спросила я.

— Это де мис ребенок, — ответил он — Но это — мой сын. Я пенатно объясню!

— Ну, конечно! — сказала я — Ты украл его когда кхвачал с пушкискими дыганями. Разве не так? «Цыганы шумно — слепой по Бессарабии конуют» Или Юрка — сын несчастной ладшей женщины которую ты наставил на путь истинный а потом великодушно взял в жень с ребенком?

— Не дай бог на ней жениться! — вдруг серьезно и как-то боозливо сказал он — Это — ужасная женщина а что касается Юрки ты почти права я собирался его отнять и воспитывать. А ты — клотик — Он легко гроевл указательным пальцем по моему носу, от пореносицы до кончика — Она когда то была моей любовницей ясно!

— Алтухов я магневка первокурсия — сказала я — Любовница — это чегоната «ло»

— Добро — коротко ответил он и забрал у меня конспект по истории.

Забрал конспект и грогнал на ядолово Чет и мнз его. Сначала я его выглядывала в окно на узенький тротуар — не ползает ли его синий плащ но он не появлялся. А мне ужасно был нужен конспект по истории! Впрочем что поать! Какому студенту нужен конспект в середине семестра.

Я узнала в джакете его адрес — Алтухова снимал комнату в старом городе — и после занятия поехала к нему.

В этот день был сумасшедший скачущий дождь. Он посылал по тоу-уарам, сбегал у обочин в кофейные реки и мчался дальше барабана хулаками по листьям деревьев.

Я стояла на остановке автобуса и наблюдала за хромой пегой собачонкой которая обнюхивала мокрые скамейки и запискила перед прохожими особенно посед какой-то молодящийся старухой с цветным зонтиком. Старуха время от времени отгиивала собачонку левой ногой в черном резиновом сапоге и с собачонкой от «олчков лились готски воды.

— Кто не любит собак, тот не достоин звания человека! — сказала я старухе — Так говорил Сент-Экзюпери.

Сент-Экзюпери этого не говорил. Это сказала я. Но моего авторитета для нее было явно недостаточно.

но. Поэтому я метнула в старуху своей цитатой и привоздила ее именем Сент-Экзюпери. А я не знаю, может быть, Сент-Экзюпери и сказал что-нибудь такое... Ну почему одна и та же мысль не могла прийти в голову мне и писателю Сент-Экзюпери!

Потом я купила в магазине бублик и минут десять гонялась за этой собачкой, пытаясь накормить ее. А она не брала. Она смотрела на меня тоскливыми рыжими глазами и, наверное, думала: «Слушай, ну отстань! Слушай, ну чего ты прицепилась?»

Алтуховскую калитку я долго не могла найти, потом меня звели в какой-то тупик и показали длинный одноэтажный дом. В нем жило много семей, и Алтухов снимал условную комнату.

Он увидел меня и испугался.

— О, господи! — сказал он. — У тебя крылья промокли!

Он снял с меня плащ и повесил его на вешалку в общем коридоре. Давно я таких вешалок не видала — черные оленьи рога, похожие на худые двапа-

лые руки калеки. Они тянулись со стены вперед, будто просили подаяние...

— Умер Лёня Вайнер, — просто сказал Алтухов.

— Лёня Вайнер? — растерянно переспросила я.

— Да, от менингита... Глупо, что умер Лёня Вайнер...

Я молчала и боялась спросить его, кто такой Лёня Вайнер. Наверное, это был кто-то из его старых друзей. Он думал, этот дурацкий Алтухов, что все люди должны знать и понимать друг друга и очень горевать, когда с кем-то из них случается беда... Если бы я подошла к Алтухову и сказала, что какому-нибудь Пете Сидорову позарез нужен синий алтуховский плащ, то он, я думаю, даже не спросил бы, кто такой Петя Сидоров и на черта ему делся личный плащ Алтухова. Он бы просто спросил: «На каком транспорте к нему добираться?»

На старом алтуховском диване спал Юрка. Его большая голова на подушке была, как золотистый стриженный шар, а одна тонкая рука лежала поверх одеяла.

— А тут еще Юрка, деввол, простудился...— шепотом сказал Алтухов.— Температура три дня держалась, а сегодня вот упала... Разбудить его? А то узнает, что ты приходишь, и будет обижаться. Знаешь, как часто он тебя вспоминает!

— Ты думаешь, я на полминуты зашла!— сказала я.— Я сто лет здесь сидеть буду, он еще успеет проснуться.

Я подошла к столу и придвинула к себе листок, записанный нелепым алтуховским почерком.

«Вот так да!— подумала я.— Вот так новости!» Он пробовал сочинять акростих на мое имя. И так странно было смотреть на эти буквы, написанные его рукой и складывающиеся в удивительно знакомое звукосочетание, которым называлась на этом свете я:

Д — давай подумаем, нужна ли нам зима?

И — и снег на крышах мертво-холодный,

Н — ненужный в отношениях туман...

Строчка на букву А не получалась.

— А — Алтух, поэт ты никакуда не годный! — подытожила я.

— Ну, и не вмешается в ритм.

Мы сидели с ним на одном стуле, потому что больше сидеть было не на чем.

Сидели, опираясь друг о друга спинами, и шепотом разговаривали. То есть мы не разговаривали, а перешивались. Я его ругала, а он молчал или говорил в ответ какую-нибудь глупость. Вот не мог он мне как-то достойно дать отпор! Всем бог, а мне — нет, и это удивляло.

Я вспоминаю, как однажды все мы сидели в тридцать шестой аудитории и Саша Белоконов, взгромоздившись на стол, рассказывал про свои знакомства с известными людьми. Как он с кем-то из них рубал в ресторане яичницу. Нам всем было противно и жалко его... И вот тогда уставший Алтухов, нетерпеливо протирая носовым платком струны на своей скрипке, сказал ему вдруг негромко и ласково:

— Эх, Белоконов...— как будто с сожалением сказал он.— Ну, какой же ты Бело-Конь? Ты просто серая лошадка.

И мы все вокруг застонали от восторга и от обожания. А Алтухов бросил протирать струны, положил скрипку в футляр и вышел из аудитории. Он всегда умел уходить так, что всем хотелось вскочить и побежать за ним следом, вернуть его. А это, я считаю, дар божий — уметь уйти так вовремя, чтобы всем захотелось тебя вернуть.

Мы сидели спиной друг к другу, я чувствовала его горячее плечо и думала, что вот он, Алтухов, старый и одинокий человек. Ему уже двадцать семь лет, а, кроме Юрки, у него в этом городе ну никогошеньки.

— Когда я ушел из института живописи...— начал он шепотом.

— Ты, должно быть, врешь, Алтухов,— перебила я,— наверное, тебя оттуда просто выгнали за то, что ты не умеешь рисовать.

— Рисовать?— переспросил он и улыбнулся.— Я был на скульптурном отделении... Ну, впрочем, да, и рисовать... Там есть такой предмет. Один из основных...— Он замолчал.

— Ты хотел что-то рассказать...

— А? Да нет, я просто вспомнил... Нам в институте позировала одна пожилая женщина. По профессии она была учительницей биологии. Спистой позировала... Спина у нее была худая, и под левой лопаткой какой-то шрам... Жаловалась, что живет в коммунальной квартире, что соседи пьяницы и скандалисты, и она мечтает подработать и сделать в своей комнате толстые стены. Поэтому и позирует. «Вот так я докатилась до вашего института...» — говорит. Чудак, почти все они считали позирование чем-то за-

зорным... Нервная, издерганная женщина... Чуть что — А город менять не хочет. «Как выйду на Неву...» — говорит и опять в слезы... Единственная мечта в жизни — подработать и сделать толстые стены. В этом что-то есть, а?

— Ничего в этом нет,— решительно сказала я.— Больная, нервная женщина, вот и все.

Я знала, что он учился в институте живописи и скульптуры, но не видела ни одной его скульптуры, ни проволочного каркаса, ни засохшего куска глины, ни одного карандашного наброска... Как будто он ничто смел все, что связывало его с институтом. Однажды он рассказывал мне о своем товарище, вообще-то хорошем скульпторе, который покончил жизнь самоубийством, оставив коротенькую записку: «Не обнаружил в себе гениальности». Записку лежала на снимке со скульптуры Родена «Амур и Психея».

В том, что эта дурацкая история была сочинена от начала до конца, я не сомневалась. Но вероятно и то, что Алтухов вложил в нее долю своего отношения к этой проблеме.

Я смотрела на спящего Юрку, на ребенка, которого страстно любил Алтухов, и мне хотелось сделать им обоим не просто что-то хорошее, а непременно что-то такое важное и громадное, от чего бы жизнь их сразу изменилась. Я просто ощущала такую жгучую потребность. Чтобы к ним не нужно было ехать полтора часа на старых, замусоренных автобусах, которые сохранялись только в старом городе, чтобы не надо было искать по тупикам их калитку, и чтобы в коридоре не висели эти страшные вопрошающие рога, и вообще чтобы Юрка не спал больше на старом алтуховском диване...

Я слушала, как Алтухов продолжал шепотом рассказывать что-то, и мне показалось, шепот его — нечто осязаемое, нечто мягкое и теплое, как живой воробей.

— Алтухов! — опять перебила я его, и он покорно замолчал. — Алтухов, я так люблю твои бредни, что когда ты говоришь, мне хочется поцеловать звук твоего голоса... Что бы это значило?

Он поправил спавший с ноги шлепанец и сказал: — Это значит, что ты проголодалась. Я сварил суп из курицы с двумя шейками. То есть у моей была одна, и еще одну подарила соседка Нина Дмитриевна, потому что ее девчонка шейку не любит. Сейчас я согрею...

Пока он возился на кухне, Юрка проснулся и сел на диване, по-турецки скрестив ноги. Юрка палил на меня сонные глаза и никак не мог поверить, что я пришла.

— Как ты вырос, Юрка! — сказала я. — Ты как-то подлиненел.

— Я скоро стану совсем большим! — похвастался он. — Таким большим, как Алтухов. Даже еще больше. Я скоро буду ходить руками по потолку, а ногами по полу... А еще я вчера набил себе синяк. Вот... Он показал локоть. — Сначала он был красный, теперь синяк. Потом будет зеленяк, а потом — желтяк.

— Это ужасно, когда человек сам себе что-нибудь набивает! — согласилась я. — Однажды я сама себе наступила на ногу и страшно злилась, потому что некому было сказать: «Хамка вы!»

— А еще... а еще... — Он повертел кончиком головы, придумывая или вспоминая, какую бы еще новостю мне выложить. — А еще, я теперь у Алтухова живу, видишь? — радостно сообщил он. — И буду долго жить, если мамч не спохватится.

— Ладно, молчи! — быстро перебила я. — Еще не хватало, чтобы он тут выболтал мне алтуховскую тайну!

— Почему? — простодушно удивился Юрка. — Она не услышит, не бойся, она далеко! У меня мама — артистка. Только ее никогда на сцене не видно, потому что, как раз когда она выходит, много всяких людей вместе с ней танцуют или говорят. Алтухов сказал — это называется «массовка»... А правда, слово «массовка» похоже на слово «винтовка»? Я так думаю, что мама и не спохватится. Она ведь и так за бывала в садик за мной заходить. Алтухов говорит — очень ей нужен!

— Юрка! — закричала я, чтобы он, наконец, перестал рассказывать. — Если бы ты знал, Юрка, кого я сегодня на улице видел! Зеленого! С ушами и хвостом!

— Крокодила! — озабоченно крикнул он. — Но у него нет ушей!

— Чего вы разорались? — спросил Алтухов, заноса кастрюлю с супом. — Как голодные птенцы.

— Вот... — Он разливал суп по тарелкам. — Юрке шейку... и тебе шейку!

— Это суп из Змей-Горыныча? — спросил Юрка.

— Из царского друллага ора, — сказал Алтухов.

Потом он отозвал меня домой. Мы ехали в такси по ночному городу и смотрели на спящие троллейбусы, носами уткнувшиеся друг в друга. Они были похожи на причесанных людей. Это из-за опущенных дуг. А кстати, почему — дуг, когда это вроде бы прямые палки? У меня с детства слово «дуга» ассоциируется с широкой трехцветной радугой... Какие-то ползузатые стишки из детской книжки: «Ах, ты, радуга-дуга!»

— Если бы ты знала, какая морковная луна всплывает над Ленинградом после белых ночей! — сказал мне Алтухов.

Он постоянно тосковал по Ленинграду, и иногда это чувствовалось так ясно, что мне становилось невыносимо жаль его.

— Знаешь, как скрипят входные двери в институте живописи, — говорил он, — когда сторож закрывает их на ночь?..

— Почему ты уехал оттуда? — как-то спросила я, глядя в его круглые печальные глаза.

— Видишь ли, весной там не хватает витаминов, — ответил он и улыбнулся. — А я не могу без них.

И я его не стала больше спрашивать об этом; с ним невозможно было разговаривать: все не как у людей.

Даже последний наш разговор не получился человеческим. Потому что мы с самого начала, с того момента, когда он заглянул в аудиторию, не поняли друг друга. Я не поняла, что он пришел прощаться, а он не понял, что я решила наконец влюбиться в него, урода... Поэтому, когда я обошла пианино, заглянула ему в глаза и сказала, что здорово его доканали его дела, он кивнул, отвернулся к окну и вдруг сказал:

— Мы с Юркой уезжаем... Аудитория была пустая и гуляла.

— Ты сегодня плохо побири левую сторону шеи, — сказала я. — Поэтому по тебе можно узнавать, где север и где юг.

— Мы уезжаем завтра, знаешь...

— У тебя бритва плохая. Или ты невнимательно брился, — сказала я. И заплакала. Беззвучно заплакала, чтобы он не слышал. А он и так не слышал, он сидел, отвернувшись к окну.

— Значит, план такой: я меняю Юрке фамилию, чтобы эта мадам не сумела найти его, отвожу парня к моей тете в Пермь, а сам еду в институт живописи. Я не могу без Питера.

Я проглотила застрявшие в горле соленые всхлипы и сказала ровным голосом:

— Это жестоко — отнимать у женщины ребенка.

— Замолчи! — закричал он. — Что ты понимаешь, клоп! Господи, ну что ты понимаешь в жизни! Что ты знаешь об этой женщине? Это истеричное, дрянное, мелочное существо! Это опустившийся человек, у которого чувство материнства сведено к нулю. Юрка издерган, ему пять лет, а он уже знает, что такое мама в подпитии! Да что там! — Он замолчал.

— А ты в институт? — спросила я. — Опять в институт? Но ведь тебе уже двадцать семь, магистр, уже почти тридцать! Ты всю жизнь собираешься провести замечательным Никем? Талантливым, обаятельным Никем?

— Ты знаешь... — сказал он. — Когда-то я наткнулся на одну старинную гравюру — «Похороны Александра Македона». И никогда не забуду: воины, понури головы, несут тело, и с носилок свесился его мертвая рука. Рука — пустая... Владел половиной мира, а туда с собой ничего не взял. Сколько буду жить, буду помнить: пустая беззастыдная ладонь великого человека. Жест нищего, просящего подаяние...

Он медленно играл одним указательным пальцем драматическую гамму от ноты си бемолю вниз. И я отчетливо представила себе длинное черное шествие с телом Александра Македонского и увидела, что у воина, несущего факел перед носилками, было лицо Алтухова. А факел освещал безжизненную руку, свисавшую с носилок, и тяжелые круглые глаза воина, спрятавшие в себя скорбь...

И я подумала, что, наверное, за то мы и любили Алтухова, что он рисовал себе захватывающие, чарующие картины, а потом дарил их нам, наконец, выбрасывал, как выбрасывает большой волшебник всякие мелкие чудеса на потеху обыкновенным людям.

Забавляя нас — и сам забавлялся этим от скуки.

Потом покидал нас и мучился, что не делает ничего значительного, и шлся по городам, и объявлялся снова, сумасшедший, непонятный Алтухов...

А может быть, он тем и отличался от нас, что не обнаружив в себе гениальности, он был потрясен до глубины души, это стало несчастьем всей его жизни. А мы как-то не замечали, не хотели замечать своей обыкновенности, своей будничности... Проще говоря, мы здраво смотрели на эти вещи, как и должно смотреть на них взрослым людям.

— ...Ты мне напишешь хотя бы, проклятый Алтухов?

— Не плачь, — сказал он. — Ты плачешь, как пьяный Сашка Белонож. А я не люблю его...

— А кто ты любишь?! — заорала я.

— Тебя, — просто ответил он.

Потом неловко залез в рукава своего плаща, взял скрипку под мышку и вышел.

Я стояла у окна, смотрела, как по узенькому тротуару прочь от консерватории удаляется сутуловатая фигура в синем плаще с поднятым воротником, и представляла, как через неделю какой-нибудь Сашка Белоножка сбежит в деканат, а потом, вернувшись, объявит: «Собраться, Алтухов пропал!»

— Не пропал, а исчез... — машинально поправлю я его и подумаю: как это мы тогда не поняли друг друга! Я не поняла, что он пришел прощаться, а он не понял, что я наконец-то решила влюбиться в него, урода...

г. Ташкент.

Наби Хазри

Родной язык

Ты зазвучал — лишь я открыл глаза,—
Как музыка и как заря безбрежный...
В тебе и боль вместились и гроза,
В тебе любви бездонной голоса —
Над колыбелью зазвучал ты, нежный,
Когда впервые я открыл глаза.

Вошел ты в сердце с лаской глаз и рук,
Ты с материнским молоком впитался,
И для меня навек твой каждый звук,
Ее улыбкой озарен, остался.

...Вот соловей ликует вдалеке,
Река смолкает, замирает поле,
И кажется, до радости и боли,
Что на родном поет он языке!

Зов

Мигают вышки на море вразброд...
Душа твоя
Хазара! внемлет звукам...
На берегу опять весна цветет,
А по весне невагоны разлука.

Но удержать тебя я не могу
На тихом, на цветущем берегу.

Чуть слышен волн далекий разговор,
И дремлет сад в безмолвном цветущем,
Но чуется сердце — скоро грянет шторм,
И гребни волн
Хазар подымет к тучам.

Но удержать тебя я не могу
На тихом, безопасном берегу.

Бесстрашным людям, море, поклонись!
С тобой, с тобой мое уходит сердце!
Я знаю, бурю любишь ты, как жизнь,
И жизнь без бури
Равносильна смерти.

И удержать тебя я не могу
На тихом и надежном берегу.

Тишина ночи

Ночь...
Вся земля
Погружена в безмолвье,
Безмолвствует
Синие небес.
И ты стоишь
Неспынно в изголовье,
И тихий сон
Мне снится о тебе.

Течет река

Течет река
Долинами родными,
Рожденная могучей высотой...
Течет,
Сливаясь с реками другими,
В тоске
По беспредельности морской.
Течет река...
Я выхожу из дому,
Я берега Хазара обхожу...
Река стремится к морю голубому,
А я к тебе
Всю жизнь свою спешу.

После туристической поездки

Одесский порт. Одесский порт...
Близки мы к берегу родному...
Иначе волны бьют о борт,
Запели волны по-другому!

Как братьев, обняли друзей.
Родная песня зазвучала.
Тоска на дно чужих морей,
Как тяжкий камень с плеч, упала.

Не удержать порыв души —
Она крылатая, похоже.
Как люди в мире хороши,
Как хочется обнять прохожих.

Как это дерево цветет!
Какое свежести дыханье!
Иначе, кажется, поет
Зеленый тополь на кургане.

Запомню этот миг навек,
Как я сбежал единым духом
На пирс, где каждый человек
Казался мне ближайшим другом...

На свете много красоты,
Ты видел мир в цветах и запахах.
Но всею душой вдыхаешь ты
Единственный
Отчизны запах!

¹ Хазар — Каспий (азерб.).

Игорь Шкляревский

Школа

То ли облако, то ли души оболочка
над Могилевом висит.
Он учился в той школе,
где Миша Молочко¹
Не забыт, не забыт, не забыт...
Он учился в той школе,
где кафель старинный,
и в раскрытые окна входила река,
и об Игоре Слово,
и сырость,
и воздух былинный
пробирали насквозь
на последних рядах дурака!
Он учился, когда над разрушенными
домами
в синеве хлобыстал ярко-красный плакат:
«Востановим наш город своими руками!»
Как дышалось весной! Он тогда уже был
виноват:
он стыдился дышать —
изводила учителя астма.
С кислородной подушкой подросток
в аптеку бежал.
Шла навстречу она...
Так лицо ее было прекрасно,
что с отчаянья он, а быть может, от счастья
дрожал.
Весь в рванине,
с подушкой за пазухой,
нежно трясясь,
словно шла по мосту деревянному рота,
он шагал ей навстречу с влюбленным
лицом идиота,
и на яблоне голый скворцы распевали,
светясь!
Он родился в учительской строгой семье.
Никогда о себе он не слышал:
«Красивый, талантливый, умный...»
Заходила в поселок весной вода,
Плыли в школу на лодках.
Шептали: «Беда,
если лось на обрыве напьется чугунный».
Половодья боялись! Какие счастливые
годы!
Шел с работы отец,
и охватывал радостный страх.
Никого не боюсь!
Видно, время настало для оды,
в честь суровой свободы
и нежности в строгих глазах.

¹ Геройски погиб.

И первая теплынь каникул школьных
приснилась мне...

И полные воды
на дне оврага желтые следы,
и грустный запах листьев прошлых годов...
Чем так встревожен я во цвете лет!
В лицо дохнула сумрачная блага,
и допетел

из глубины оврага
привет печальный тех, кого уж нет.

Земные взоры Пушкина и Блока
устремлены с надеждой в небеса.
А Лермонтова черные глаза
с небес на землю смотрят одиноко.

Воспоминание о болотах

С болот тянуло сладковатой гарью.
В поселок шли затопленной тропой.
Дышали резкой сыростью и ранью.
Вдруг утопала кочка под ногой.

Земля хватала ногу! И держала.
И чавкал торф, пуская пузыри.
Все было зыбко в отблесках зари.
Тоскливо цапля мокрая кричала...

Туманы детства! Топи, комары —
исчезло все. Но с давней той поры
любовь и глина, дружба и гранит —
все зыблется, колеблется, дрожит...

Есть в отдаленной области небес,
как в зеркале, всегда зеленый лес
и заводи незамутненных рек,
давно расстался с ними человек!..

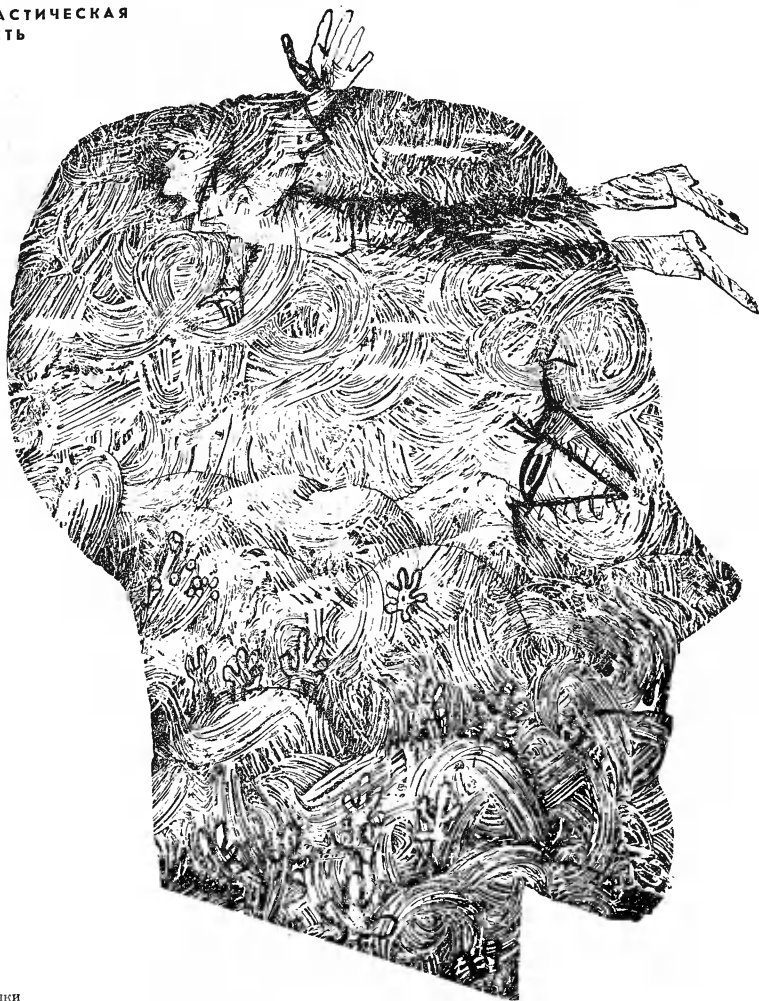
Есть в отдаленной области небес
спасительные,
как роса в пустыне,
мгновенья лучшее
тех, кто давно исчез,
и тех, кто честно здравствует поньше.

В той области небес блестят твои глаза!
Там помысли друзей, как в золотом архиве,
несбыточно живут!
И на осенней иве
двух-трех учителей трепещут голоса.

В той области небес нет ангелов у входа,
но человек ту да
всей жизнью не кождет.
Там только сироты сорок второго года,
там вечерами хор детдомовцев поет...

БЫСТРЫЕ

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

Рисунки
Г. КАЛИНОВСКОГО.

СНЫ

ЗИНОВИЙ
ЮРЬЕВ

Глава I

Я открыл глаза и посмотрел на окно. Темно. Наверное, еще совсем рано. Я скосил глаза на будильник, но стрелки неясно расплывались по циферблату. Бог с ним, все равно еще не вставать. И здесь я почувствовал спросонья какую-то странность. То, что я проснулся в своей квартире рядом со своей женой, было более чем естественно. Но тем не менее странность была. Нечто явно неуместное в маленькой комнатке, из которой еще не вытекла ночная теплая тьма.

Несколько секунд эта странность барахталась в моем просыпающемся мозгу, затем окрепла и, осознанная, превратилась в какое-то удивительное состояние духа.

Я изумился. Никаких особых причин для такого радостного настроения, да еще часов в пять утра, у меня не было. Не было поводов для огорчений, это верно, но разве отсутствие поводов для огорчений — это повод для радости? Когда двадцатипятилетний учитель английского языка просыпается в своей кровати и прислушивается к ровному дыханию жены — этого, согласитесь, для неожиданной радости все-таки маловато.

Ничего особенного в этом не было. Можно было, правда, испытать чувство сладостного предвкушения: еще рано, часа два сна впереди. Ты здоров, тыфу, чтоб не сглазить! Жена тоже. Все в порядке, жизнь идет. Когда-то, совсем маленьким, я испытывал полную беспричинную радость, радость ребенка, прыгающего на солнечном лугу. Но острая, неожиданная, непонятная радость взрослого человека в пять утра... Может быть, что-нибудь в школе? Нет, в школе тоже ничего сверхъестественного не произошло.

И вдруг я понял. Радость исходила от сна. И сновидение всплыло на поверхность моей памяти. Четкое и ясное. Окрашенное в янтарные тона. Цвет, которым вспыхивает ствол сосны, когда перед закатом в него вдруг неожиданно ударяет из-за сизой тучи луч солнца.

Янтарный сон. Поразительно четкий, объемный. Чувство полета. Но дух не захватывает. Спокойный полет. И перед глазами возникает янтарный пейзаж. Чередование гор, скорее холмов. Гладких, округлых, спокойных. Долины с трещинками. То ли дороги, то ли реки.

Нырок вниз. Такой же бесшумный и стремитель-

ный, как полет. Цвет становится ярче. Янтарь наполняется пронзительной охрой...

— Ты что ворочаешься? — хриплым со сна голосом пробормотала Галя. — Не спишь?

— Не сплю, — сказал я и почувствовал к Гале благодарность за то, что она проснулась и что ей сейчас можно будет рассказать про удивительный сон.

— Не заболел?

— Нет, Люш, не беспокойся. Я здоров. Просто мне приснился такой сон... Я замолчал, подыскивая слова, чтобы передать ей яркость сновидения.

В глубине моего сознания слова были такими же праздничными, как сам сон, но — удивительное дело — когда я попытался рассказать, слова потеряли нарядный блеск, стали скучными и серыми, как собранные на пляже и высохшие по дороге домой разноцветные камешки, как рассвет за окном.

— Ты понимаешь, прежде всего цвет... Необыкновенный цвет, — начал было я, но услышал ровное Галино дыхание. Слишком ровное.

Она спала, поспавшая. Я собрался было обидеться, но так и не собрался, потому что сновидение снова разворачивалось огромной янтарной панорамой. Сон и не сон. Картина была четкой, ясной, полной деталей. Ощущение не сна, а просмотра цветных слайдов, которые плавно проходят перед тобой.

Ну хорошо, такой яркий сон, подумал я, встрепетавшись, но откуда эта детская радость? Может быть, сон вовсе ни при чем? При чем, ответил я себе убежденно. Каким-то странным образом ночной полет над янтарной планетой явно давал мне чувство острой, неожиданной радости.

Это чувство сохранялось у меня целый день, окрасивая все вокруг в праздничные, яркие цвета.

— Что ты улыбаешься? — спросила Галя, когда я делал зарядку. — Что смешного?

Я положил гантели на пол, выпрямился и посмотрел на Галино лицо с плотно сжатыми губами. По утрам она всегда сурова. Вообще она милая женщина, и я никоим образом не жалую, что женился на ней. Но откуда у нее эта неприступность по утрам, эта холодность? А может быть, просто она просыпается раньше своих эмоций? Руки и ноги двигаются, стелют кровати, делают упражнения по системе йогас, открывают кран душа, ставят на плиту чайник, а эмоции спят, тихо, сладко спят.

Что ж, вполне убедительная теория, потому что часа через два, если мы не расстанемся, уходя на работу, Галя начинает нежнеть на глазах. Черты лица

смягчаются, слова перестают носить чисто информационный характер. И я из Юрия и Юры превращаюсь в Юрчу, Юрчонка и прочее.

— Что смешного? — снова спросила Галя тоном служащего испанской инквизиции.

— Не знаю, — сказал я. — Может быть, я улыбаюсь потому, что видел какой-то необыкновенный сон... Понимаешь...

Жена крайне неодобрительно посмотрела на меня. — Яичнику будешь? — спросила она неприязненно и не ожидая ответа, пошла на кухню.

«Господи, — подумал я, — если мы разведемся когда-нибудь, это будет, наверное, именно из-за того, что по утрам она не умеет улыбаться, а я в это время, наоборот, особенно любвеобилен».

«Ну, хорошо, Юрий Михайлович, — скажет судья и выкатывает, посмотрит на меня из-под очков в тонкой металлической оправе, — а какова все-таки причина, по которой вы хотите развестись с супругой? Разрушить молодую семью...» «Понимаете, товарищ судья, — скажу я, волнуясь и нервно подергивая пальцы до хруста в суставах, — все дело в том, что моя жена никогда не улыбается по утрам». Не-молодой судья с усталыми, умытыми глазами вздохнет глубоко, печально и понимающе скажет: «Да... Это тяжелый случай... А вы пробовали рассмешить ее?» «Еще бы, товарищ судья, я буквально засыпал ее анекдотами, гримасничал, паясничал...»

«И что же?» «Все бессмысленно, товарищ судья. По утрам она не улыбается». «Да, боюсь, что юстиция в данном случае бессильна, — скажет судья и смахнет украдкой скупую судейскую слезу.

По дороге в школу я встретил Вечного Встречного. Так я окрестил про себя средних лет человека, с которым всегда встречаюсь по утрам около аптеки. Плюс — минус двадцать шагов. Я работаю в школе уже три года и три года встречаю около аптеки Вечного Встречного. За все эти три года он изрядно пополнил, и портфель его соответственно стал вдвое толще. Полнота Вечного Встречного была приятной, солидной, лицо выражало почти полное удовлетворение жизнью. По-видимому, он успешно продвигался по службе, хотя до персональной машины еще не добился. И хорошо, думал я эгоистически, потому что мне было бы немножко грустно расстаться с ним. День, начатый без него, потерял бы свою законченность.

Как-то я не видел его недели две подряд и все гадал, проходя мимо аптеки, получил ли он повышение или заболел. А потом, увидев издали знакомую фигуру со знакомым портфелем, обрадовался так, словно он был моим ближайшим другом. Но не поздоровался. По какому-то тайному соглашению мы не только не здоровались, но даже не кивали друг другу. Два атома в городской толпе, орбиты которых пересекаются у аптеки в восемь восемнадцать, максимум восемь девятнадцать утра.

Сегодня я поздоровался с Вечным Встречным. Я, конечно, не назвал его так. Просто, когда мы сошлись у аптеки, у средней витрины, в которой стояли запечатанные и выцветшие коробки с лекарственными травами, я улыбнулся и сказал:

— Доброе утро, я думаю, нам пора уже начать здороваться.

Боже, какую реакцию вызвали мои слова! Вечный Встречный вздрогнул, остановился, распылся в широкой улыбке, причем даже его очки, казалось, распылись вместе с лицом, и сказал неожиданно высоким голосом:

— Здравствуйте, мой дорогой, и спасибо вам!

— За что же? — удивился я.

— Три года я думаю над тем, как поздороваться

с вами, а вы это сделали так легко и просто! Благодарю вас, вы сняли у меня груз с плеч!

— Пожалуйста, пожалуйста, если нужно еще какой-нибудь груз... — улыбнулся я, чувствуя себя сильным, добрым и мудрым.

Мы пожали друг другу руки и разошлись.

В учительской я вошел в восемь двадцать пять — на минуту позже, чем обычно. Минута ушла на беседу с Вечным Встречным. Прекрасно проведенная минута. Минута, которую не жалко потерять.

Я достал сигарету и закурил. Ближайшие три минуты я обычно неторопливо курил, думая о том, что надо, черт возьми, собрать волю в кулак и бросить наконец курить. От этих мыслей первая утренняя сигарета приобретала особый сладостный вкус гревовости.

Но сегодня я не думал о силе воли. Воображение мое все еще занимал ночной сон, бесшумный и стремительный полет над лютарными горами; каждую из них я видел перед собой так отчетливо, словно всю сознательную жизнь парил над ними.

Я понимал, что настоящность, с которой мой мозг все время возвращался к сновидению, была нелепой, может быть, даже маниакальной, но ничего поделать с собой не мог. И не хотел. Подобно тому, как сновидение дало мне почему-то радость, так и воспоминание о нем было приятно. Я отдавал себе отчет в необычности этого, но она не пугала меня. В ней не было ничего болезненного. Просто была некая веселая странность, окрасившая будни в яркие и неожиданные праздничные тона. Словно стены учительской вдруг оказались бы не скучного коричневого цвета, а какого-нибудь лилового с золотом. Или тайший наш математик Семен Александрович явился бы не в своем вечном сером костюмчике, а в золотом камзоле, ботфортах и при шлге.

Мне снова остро захотелось рассказать кому-нибудь о сне, и я обвел глазами учительскую. Математик Семен Александрович сидел в кресле, полукрыв глаза, и держал на коленях журнал с аккуратной тлшкой в правом верхнем углу. Восьмой «Б». Вид у математика при этом был такой напряженно-мученический, как будто он был ранним христианином и через несколько минут его должны были бросить в яму со львами. Впрочем, в некотором отношении восьмой «Б» хуже ямы со львами. Львы свирепы, но не болтливы, чего нельзя сказать о восьмом «Б».

Подойти к нему и сказать: «Семен Александрович, а я сон видел интересный...»

Я усмехнулся. Естественнее было бы, например, закукарекать, взмахнуть руками и взлететь на шкаф, на котором стоит споманный тлбос с геологическими напластованиями пыли.

Химик Мария Николаевна переписывала что-то из журнала в крохотную записную книжечку. Сама она была столь велика, а книжечка такая крохотная, что, казалось, ей не удержать такую малость в руках. Вся школа знала, что Мария Николаевна ровным счетом ничего не помнит и поэтому все записывает в многочисленные записные книжечки. Отметки учеников и дни рождения учителей, профсоюзные долги и расписание уроков — все было в ее книжечках. Система, разработанная ею, должно быть, отличалась большой эффективностью, потому что на самом деле она никогда ничего не забывала. А может быть, она все отлично помнила и жаловалась на память из кокетства.

А что — взять да рассказать ей о сне? Интересно, запишет она сон в маленькую записную книжечку? Или вместо этого напомнит о задолженности по профсоюзам?

Зазвенел звонок, и я отправился в седьмой «А».

Нельзя сказать, чтобы ребята меня слишком боялись, но дисциплина на уроках у меня вполне пристойная. Я обвел глазами класс. Удивительно, прошло уже несколько часов со времени моего сновидения, а мир по-прежнему был освещен теплым янтарным светом и казался поэтому веселее, приятнее и трогательнее, чем обычно. Вон, например, Слава Жестков. Комбинация солистости и брезгливости на его лице всегда казалась мне удивительно противной. Но сегодня и его лицо выглядело почти приятным. А Алла Владимировна становится прямо красивой, как я мог раньше этого не замечать... Что она умица — это я знал всегда. Светлая головка. Но как же она похорошела с прошлого года! Высокая, тоненькая, глазки в пол-лица, берегитесь, мальчики! На мгновение мне стало грустно, как бывает всегда, когда я вижу красивых девушек, за которыми никогда не буду ухаживать, которым никогда не скажу «Я люблю тебя», на которых никогда не женюсь. Нет, нет, я не иступленный ловец. Просто когда-то, еще совсем мальчишкой, я прочел в одном рассказе Чехова про грусть, которая охватывает при виде красоты. Я вообще люблю Чехова. А это замечание поразило меня такой правдивостью, тонкостью, что я запомнил его навсегда.

Я попросил класс раскрыть тетради с домашними упражнениями и быстро прошел по рядам. Артикли, артикли — поймут они когда-нибудь разницу между определенным и неопределенным артиклем? С тем, что Слава Жестков свершит, по-видимому, свой жизненный путь, так и не вникая в тонкости употребления английских артиклей, я готов был, скрепя сердце, примириться. Но Алла Владимировна...

— Милые дети, — сказал я по-английски со скоростью засыпающей улитки, и ребята заулыбались. (Куда охотнее моей жены, отметил я.) — Милые дети! Представьте себе, что вы единственные очевидцы автомобильной аварии. Машина-нарушитель скрылась. Суровый лондонский бобби достает книжечку (как у Марии Николаевны, хотел добавить я, но удержался), — и просит вас на более или менее чистом английском языке рассказать об удравшей машине. Начнем наше описание. Ну скажем, что машина была серого цвета. Только обратите внимание на артикли! Евграфов, please!¹

— It was a gray car?, — выпалил круглолицый и краснотелый мальш, обладавший огромным даром внушения. Не было случая, чтобы он не убедил меня, что не подготовился по уважительной причине.

— Отлично, — сказал я. — Машин серого цвета, как вы догадываетесь, в Лондоне много, и определение «серый» еще не дает нам права употребить определенный артикл. Ну-с, что еще можно сказать о нарушителе лондонского уличного движения?

Нет, что бы ни говорили циники, подумал я, а в преподавательской работе есть свои радости. Одна из них — частокло взметнувшихся рук.

— Мисс Котикова, please.

Аня Котикова необычайно спокойна, выдержанна и недоступна мирской суете. Она поднялась медленно и торжественно, подумала и сказала:

— It was a little gray car².

— Прекрасно, — сказал я. — Как видите, оба определения — и то, что машина была серой, и то, что она маленькая, — еще не гарантируют ее уникальности, неповторимости. А как, по-вашему, может быть у машины такое определение, которое сразу выделит ее из класса всех похожих машин и даст нам право, соответственно, употребить определенный артикл?

— Номер, — сказал басом Сергей Антошин, пробуdivшись на мгновение от латаргического сна, в котором пребывавал с первого класса.

— Браво, — сказал я, — прошу тебе за остроту ума и то, что ты не поднял руку и ответил по-русски. Может быть, кто-нибудь знает, как будет по-английски номер, номер машины?

«Ну, Алла Владимировна, — подумал я, — окажись на высоте. Сегодня все должно быть необычно». И Алла Владимировна подняла руку.

— Licence plate.

«Спасибо, Алла», — растроганно подумал я.

На перемене я все-таки подошел к преподавательнице химии.

— Мария Николаевна, я хотел...

— Что, Юрочка? — спросила Мария Николаевна, извлекая из кармана одну из записных книжечек.

— Я видел сон, — сказал я, — представляю себе...

— Да, Юрочка. Но вы знаете, у вас не уплачены профзапсы за два последних месяца.

— Да, — виновато понурил голову я, — и это меня страшно угнетает.

— Но в чем же дело? — закричала Мария Николаевна. — Заплатите. Сейчас я достану ведомость.

— Э, Мария Николаевна, если бы все было так просто...

— Но в чем же дело? У вас, вероятно, нет денег?

— Вероятно? Не вероятно, а безусловно! — протонала я, и Мария Николаевна с улыбкой погрозила мне пальцем.

Это становилось навязчивой идеей. Неужели же я не найду человека, которому мог бы рассказать о необычном сне? А может, и незачем рассказывать? Бегаёт взрослый, солидный человек по городу и пристает ко всем со своим сном. Ну, сон, ну, янтарная планета. И слава богу. Двадцатый век на исходе. Раньше снились выпавшие зубы, черные собаки и деньги, теперь сны становятся космическими. Ничего странного.

Но снова и снова я вспоминал ни с чем не сравнимое чувство бесшумного полета над янтарной панорамой, округлые, плавные холмы, долины с трещинками не то ручьев или рек, не то догор.

Ну, да бог с ней, с планетой, вздохнул я и взял журнал восьмого «Б». С круглой кляксой в правом верхнем углу.

Глава 2

Следующая ночь снова вернула меня к янтарной планете. Но на этот раз полет был совсем другим. Вернее, вначале он в точности повторял то же бесшумное скольжение над оранжевыми, янтарными и охристыми просторами, но потом что-то произошло.

Я долго думал наутро, как объяснить это словами. Я впервые в жизни понял, как, должно быть, нелегко писательский хлеб, если нужно изо дня в день судорожно и мучительно копаться в горах слов, выбирая то единственное, которое точно и без зазоров ляжет рядом с другими. Нет, это я говорю неверно. Гора слов — это штамп. Как только нужно выразить словами нечто более или менее необычное, слов катастрофически не хватает. И я боюсь, я не смогу даже приблизительно описать свои ощущения. Но тем не менее попробую.

Итак, я снова бесшумно парил над янтарными плавными холмами. Мне было хорошо, покойно и приятно видеть эти холмы. Их нетерпливое чередование, сама их форма сливались в некую молча-

¹ Please — пожалуйста (англ.).

² It was a gray car — это была серая машина (англ.).

³ It was a little gray car — это была маленькая серая машина (англ.).

ливую гармонию, которая отчетливо звучала в моем мозгу.

Внезапный взрыв. Ночь, освещенная миллионными прожекторами. Миллион объективов, сразу наведенных на фокус, миллион телевизоров, сразу настроенных на резкость поворотом одной ручки.

Голова моя огромна, как храм. Я всеселен. Я знаю все. Мелодия янтарных холмов усложнилась тысячекратно, и она принесла мне знание. Я знаю, что меня зовут У. Я знаю, что принадлежу к жителям Янтарной планеты, что я одновременно отдельный индивидуум У и в то же время часть другого организма. В моем мозгу звучат мои мысли и мысли других. Я могу сосредоточиться на своих мыслях, и тогда я начинаю ощущать себя У или могу раствориться, превратившись в часть огромного существа, которое состоит из моих братьев.

Переключаться вовсе не трудно. Если ты решаешь какую-то конкретную задачу, ты обретаешь свою индивидуальность. Как, например, сейчас. А отдельное существо по имени У. Я прекращаю полет. Это очень просто. Я не держу ни за какие рычаги, не нажимаю педали, не давящую кнопку. Я хочу опуститься. И я опускаюсь. Я плавно скатываюсь вниз с невидимой горки. Янтарная панорама стремительно увеличивается, заполняя собой горизонт, приближается. И вот я уже на твердой земле.

Я не могу объяснить вам, как я летаю над поющими янтарными холмами. Я знаю только, что не было никаких летательных аппаратов. Ничего не кружилось, не жужжало, не пульсировало. Было бесшумное, свободное скольжение по невидимым горкам, наклонны которых я изменял по своему желанию.

А потом У лежал на теплой янтарной скале и смотрел в желтоватое небо, в котором быстро скользили странные легкие облака, похожие на длинные стрелы. Он был полон поющей радости, и он не был теперь только У. Он был частью, клеточкой другого, большего существа, и его мысли и чувства были мыслями и чувствами этого большего существа, которое и было народом Янтарной планеты.

Быть может, этот сон покажется вам нелепым, тягостным, непонятым. Может быть, вам свойственно рациональное мышление и всякий флер мистики раздражает вас. Может быть. Но я, проснувшись, испытал то же радостное, светлое ощущение, ту же бодрость, прилив сил. Предвкушение. Канун праздника в детстве, когда твердо знаешь, что впереди радость, мальчишеское ожидание чего-то очень хорошего.

В конце концов почему я должен был беспокоиться, если мне снился многосерийный научно-фантастический сон? Чем, спрашивается, он хуже любого другого сна? Определенно даже лучше, потому что приносит мне приятные ощущения и, кроме того, интересен.

Как, например, может быть, что У — и отдельное существо и вместе с тем часть другого существа? И как они все-таки скользят в небе?

Я улыбнулся сам себе. Что значит родиться во второй половине двадцатого века! Я вижу сказочные сны и думаю о том, как и почему происходят чудеса. Почему летает Конек-горбунчик? Какая у него подъемная сила? Как стабилизируется полет коврасомолета? Каково сопротивление на разрыв скатерти-самобранки? Или разрыв-травы?

Я вздохнул. Три часа дня. Надо расстаться с У и поговорить с матерью Сергея Антошина. Может быть, это не так интересно, но, увы, нужно.

Она опоздала ровно на двадцать минут. Наверное, сонливости у них чисто семейная черта. Как, впрочем, и редкое умение всегда чувствовать себя правыми. Она решительно бросила на стол сумку.

— Что будем делать с Сергеем? — строго спросила она меня, садясь без приглашения и закуривая.

— Не знаю, — честно признался я.

— Вы классный руководитель, — веско сказала товарищ Антошина, — вы должны знать.

Сейчас добавит: «Вам за это деньги платят», — подумал я. И я, покраснев, буду лепетать, что платят, увы, не так уж много.

Мне стало стыдно. Должен знать — и не знаю.

— Понимаете, Сергей — парень толковый, — сказал я. — Несмотря на отвратительную успеваемость, или, скажем так, несмотря на прекрасную неуспеваемость, все преподаватели считают его не лишенным способностей.

— Не вижу здесь ничего смешного.

— Я тоже. Я просто хотел подчеркнуть, что неуспеваемость у вашего сына какая-то нарочитая, что ли. Даже абсолютно ничего не делая дома, и то можно было бы учиться лучше, чем он. Мне иногда кажется, что он изо всех сил старается не вылезать из двоек.

Мать Антошина начала медленно багроветь на моих глазах. Резким, решительным движением она расправила с окурком, раздавила его в пепельнице, и посмотрела на меня.

— Вы хотите сказать...

Я молча смотрел на нее. Я не знал, что я хочу сказать.

— Вы хотите сказать, что мой сын специально учится плохо?

— Не знаю, специально ли, но порой, повторяю, у меня такое впечатление... Какие у вас отношения?

— Отношения? — Антошина посмотрела на меня с неодобрительным недоумением. Какие, мол, еще могут быть отношения у матери с сыном? — Отношения у нас в семье нормальные.

— Вы наказываете Сергея?

— Отец, бывает, поучит. И я тоже. — В голосе матери Сергея звучала такая свирепая вера в свою правоту, что я начал понимать Сергея.

— Можете ли вы обещать мне одну вещь? — спросил я.

— Какую? — Антошина подозрительно посмотрела на меня.

— Не наказывайте вашего сына. Понимаете, он в таком возрасте, когда...

— А что же, Юрий Михайлович, — она произнесла мое имя и отчество с таким сарказмом, что я готов был устыдиться его, — что прикажете нам делать? По головке его гладить? Отец работает, я тоже, а он...

— Нет, я вас вовсе не прошу гладить Сергея по головке, как вы говорите. Просто... не бейте его.

— А мы его не бьем. С чего вы взяли?

— Вы же только что сказали, что отец, бывает, поучит. И вы тоже. Чем же вы его учите?

Антошина пожала плечами. Экие глупые учителя пошли, таких вещей не понимаем!

— Ну, стукнет раз-другой для остротки, а вы — бить...

— Ладно, не будем с вами спорить о терминах. Я вас прошу: не бейте, не ругайте его, забудьте хотя бы на месяц о своих воспитательных обязанностях. Договорились?

— Гм... Посмотрим, Юрий Михайлович, — обижено сказала Антошина, — вы, конечно, педагог...

— А сейчас, когда выйдете, попросите зайти Сергея.

— ...Сергей, — сказал я Антошину, когда он вошел в учительскую, — ты можешь чуточку меньше стараться?

Сонливость исчезла на мгновение с лица Сергея. Он внимательно посмотрел на меня.

— Да, Сережа, я совершенно не шучу. Я пришел к выводу, что ты чересчур стараешься, а перенапряжение в твоём возрасте опасно. Молодой, растущий организм и так далее.

Я чувствовал себя Песталоцци и Ушинским одновременно. Мерзкое самодовольство охватывало меня. Этак можно вдруг начать относиться к самому себе с величайшим почтением.

— Что-то я не пойму вас, Юрий Михайлович,— пробормотал Антошин. В его мире ирония была явно вещью непривычной и вызвала в нём неясное беспокойство, как капкан на тропе у зверька.

— Я только что уверял твою матушку, мой юный друг, что ты стараешься изо всех сил...— Сергей впрямительно-недоумённо посмотрел на меня.— Стараешься учиться плохо. Я договорился с ней, что месяц они тебя не будут трогать.— Лицо Сергея густо покраснело, и я опустил взгляд на журнал, чтобы не смущать Сергея.— А ты этот месяц постарайся никому ничего не доказывать. Прощу тебя как о личном одолжении. И никому ни слова. Идет?

— Идет,— без особого убеждения в голосе сказал Антошин. Если бы кто-нибудь мог сосчитать сколько раз он давал обещания!— Можно мне идти? — Конечно... Я хотел спросить у тебя одну вещь... Сергей настороженно посмотрел на меня.

— Допустим, обычный человек вдруг начинает видеть необычные сны...

— Как это — необычные?
— Ну, необыкновенные сны...
— Так ведь все сны необычные. На то они и сны,— рассудительно и убедительно сказал Сергей.
— Я понимаю. Но я говорю о совсем необычных снах.

— В чем необычных?
— По содержанию. Какие-то космические сны. Чужая планета и так далее.

— Ну и что?
— Понимаешь, сны так похожи на реальность...
— Простите, Юрий Михайлович, какая же реальность, если вы говорите — чужая планета?
— Да, конечно, ты прав. Дело не в этом. Просто сны очень яркие, логичные по-своему и как бы серийные. Один сн переходит в другой...

— А это у кого так? Я что-то такой фантастики не помню...

— Я тоже. Сугубо между нами, Сергей, это происходит со мной.

— Честно, Юрий Михайлович? Или это вы ко мне такой педагогический прием применяете?

— Ах ты, негодник,— рассмеялся я.— Прием... Что я тебе, бросок через бедро прожово? Или двойной захват? Даю слово, что не воспитываю и вообще не знаю, зачем тебе это рассказываю, поскольку сам подыраю свой педагогический авторитет.

Сергей тонко улыбнулся. Что он хотел сказать? Что никакого авторитета у меня нет и поддирать, стало быть, нечего? Или наоборот? Что авторитет мой столь гранитен, что даже мысль о его подрыве смешотворна? Хотелось бы думать, что этот вариант ближе к истине. Мы поговорили с Сергеем еще минут пять и расстались более или менее довольные друг другом. По поводу снов мы решили, что они основаны на впечатлениях, полученных от чтения научной фантастики, и что следует подождать следующих серий, если, конечно, они будут.

Вечером мы собирались с Галей в гости.

— Надень замшевую куртку,— сказала она.

— Пожалуйста.

Гая внимательно посмотрела на меня, подумала и спросила:

— Как ты себя чувствуешь? Ты здоров?

— Вполне. А что, почему ты спрашиваешь?

— Обычно когда я прошу тебя надеть эту куртку, ты находишь сто причин, чтобы отказаться. А сегодня сразу согласился. Это странно. Вообще-то послушный муж — это, наверное, здорово, но ты уж оставайся таким, каким был, а то я начинаю нервничать и пугаться...

— Но куртку-то надеть?

— Надень.

— И коричневый галстук в клеточку?

Жена подошла ко мне сзади, положила руки мне на плечи и потерлась щекой о спину.

— Я боюсь, когда ты становишься вдруг таким послушным,— вздохнула она.

— Ладно, не буду тебя огорчать. Куртку не надеваю, галстук в клеточку не надеваю. Ботфорты и кожаный колет.— Я посмотрел на часы. Уже без четверти восемь.— Пюш, мы, как обычно, опаздываем. Пока доедем, буду уже полдествовать.

— Не ворчи. Человек в ботфортах и колете не должен ворчать. Мушкетеры не ворчали.

— А ты откуда знаешь? — подозрительно спросил я.— Ты с ними встречаешься?

Гая потупила глаза.

— Я не хотела тебе говорить...

— Д'Артаньян? — застонал я.

— Атос,— прошептала Гая, но тут же не выдержала и прыснула.

Я присоединился к ней.

— Так ворчу я или не ворчу? — спросил я.

— Увы...

— Но я же надев куртку, которую терпеть не могу. Священная жертва, принесенная на алтарь семейного счастья. Пошли, пошли, а то надо еще такси найти.

— Какое такси? — грозно спросила Гая.— Разве мы не поедим на машине?

— Люшенька,— жалобно сказал я,— мне надоело напивать себе в гостях пузырьковую водку. Люди пьют горячительные напитки, начинают говорить громко и красиво, а я сижу с боржомом в рюмке и стараюсь смеяться громче всех над шутками, которые могут рассмешить только выпившего.

— Я поведу машину обратно,— сказала твердо Гая.— В отличие от некоторых я не страдаю от отсутствия алкоголя. Зато, выйдя на улицу, мы не будем браться с поднятой рукой к каждой проезжающей машине. Мы спокойно сойдем сядем, в свой верный, старый «Москвич», заведем верный, старый двигатель...

— И введем в старый, добрый столб.

— Ты всегда старался развигивать во мне комплекс автомобильной неполноценности. Но все. Хватит! Я встаю против автодомостроя. Отныне ты будешь просить ключ у меня. Твоя школа в двух остановках, а я езжу в институт с двумя пересадками.

— Браво, мадам! — вскричал я.— В гневе вы прекрасны. Я только боюсь, что мне придется искать себе другую жену. У вас есть какие-нибудь рекомендации на этот счет?

— Почему? — нахмурилась Гая.

Как истинная женщина, она не любит, когда я даже в шутку говорю о разводе.

— Потому что ты и автомобиль противопоказаны друг другу.

— Глупости! Вон Ира, она такая тухля, и то прекрасно научилась ездить.— Что я, хуже ее?

— О нет! — закричал я.— Нет, нет и нет! Нисколько не хуже. У тебя даже уши красивее. Разница только в том, что Ира умеет водить машину, а Гая

тебе выдавали права, работники ГАИ отворачивались и краснели от стыда.

— Хорошо,— ледяным тоном сказала Галя,— посмотри у кого красивее уши и кто в конце концов будет краснеть от стыда.

Поехали мы, разумеется, на машине. Когда «Москвич» протестно кашлял и чихал, не желая заводить, я вспомнил о полете над янтарными холмами. Что делать, разные уровни техники.

Галя злорадно спросила, не подтолкнуть ли ей машину, и я вздохнул. Мне так хотелось напомнить ей тот день, когда она, сияя, показала мне новенькие права.

— Пошли, я продемонстрирую тебе, как я езжу,— снисходительно сказала она, и мы спустились во двор.

Она действительно лихо сделала круг, снова въехала во двор, аккуратно поддурила к нашей обычной стойке против стены и нажала вместо тормоза на педаль газа.

Три дня после этого я искал новую фару и выправлял крыло, а Галя готовила на обед изысканные блюда и называла меня «милый».

Мы, конечно, опоздали. И, конечно, никто не хотел и слушать, что я за рулем и что сейчас проходит очередной месячник безопасности движения и инспектора, словно коршуны, бросаются на выпивших несчастных водителей.

Мне это, как я уже сказал, не впервые, и я ловко подменил большую рымку с водкой такой же рымкой с минеральной водой. К счастью, рымки были темно-синие и пузырьки были незаметны.

Было шумно, накурено и, наверное, весело, потому что все громко смеялись и я смеялся вместе со всеми, а может быть, даже громче всех. Над чем я смеялся — не знаю, потому что снова вспоминал У, ни с чем не сравнимое чувство растворения, когда он смотрел в желтое небо, на длинные, похожие на стрелы облака и в его сознании с легким шуршанием прибора роились мысли его братьев. Он был ими, а они были им. И сознание его было огромным и гудким, словно величественный храм, наполненный легким шуршанием прибора. И храм этот не был холоден и пустынен. Он был полон теплой радостью, похожей на ту, что я испытывал, просыпаясь два утра подряд. Только во стократ сильнее и острее. И я, вспоминая мироощущение У, снова испытал легкий укол светлой грусти.

— Юрка, старик, ты чего за-думался? — наклонился ко мне хозяин дома, мой старинный друг Вася Жигалин. Человек он обстоятельный, целеустремленный, волевой, поэтому если уж решил выпить, то делал это со свойственной ему энергией.

— Господь с тобой, Вася! Разве я могу думать? Это вы, журналисты, должны думать.

— Э-э, не-ет,— погрозил мне пальцем Вася,— ты, старик, меня не проведешь. По глазам вижу, что задумался. Ты когда задумываешься — у тебя глаза пустеют.— Он поцеловал меня в ухо громко и сочно. Не обижайся, старик. Ты же знаешь, я тебя люблю, потому что ты блаженный. Понял? Блаженный.

— В каком же смысле?

— А в таком. Ты учитель и нисколько от этого не страдаешь. Не грызет тебя, черт побери, червь тщеславия. А? Грызет или не грызет? Только как на духу! Понял? Друг я тебе или не друг? Раскрой душу другу и закрой ее за ним. Понял?

— Понял, Вася.

— Ну, вот и прекрасно. Давай, старичок, выпьем за крошечки и тихих.

— А может, Вася, хватит тебе, а? Вон Валька на нас аспидом смотрит. Тебе ничего, побьет тебя и все,

а мне каково? Ты-то привычный, тебя Валька все время бьет...

Вася посмотрел на меня с пьяной сосредоточенностью и вдруг вскрикнул:

— Бьет, Юрочка, не то слово. Истязает. Мучает. Все думаю, что она меня ло-бит...— Вася замолчал, закрыл глаза, но, отдохнув, продолжал: — А она меня те-те... ро-рризирует. Понял? Садистка. Савонарола. Выпьем за мою Савонаро-лочку...

— Вася, может, правда, хватит?

Неожиданно Вася совсем осмысленно подмигнул мне:

— Я же на семь девятих валяю дурака. Хочешь, по половичку пройду?

— У тебя полович нет.

— Табличку умножения продекламирую?

— Ты ее и трезвый нетвердо знаешь. У тебя же по арифметике выше тройки сроду отметки не было.

Вася вдруг рассмеялся и совсем трезвым голосом сказал:

— Ты думаешь, я не видел, что ты минеральную воду вместо водки пил?

— Неужели видел? Ах, какой ужас! Как же я снова посмотрю в твои пьяные глаза?

— Перестань издеваться над близким другом, не развивай в себе жестокость. Лучше будь блаженным, понял? Тебе юродивость идет. К лицу она тебе. Понял?

— Так точно, господин вахмистр! — выкрикнул я, забыв на мгновение, что я разоблачен.

— А это уже нехорошо,— вдруг вскрикнул Вася.— Быть трезвым и поитваться пьяным — это аморально, безнравственно и вообще дурно. Делай, как я. Я пьян немножко, а притворяюсь трезвым. Это по-мужски. Но ты ведь, собака, так мне и не сказал, о чем думаешь. Ты вот и сейчас со мной разговариваешь, а сам где-то витаешь...

Слегка выпив, Вася всегда становится необычайно проницателем. Попал он в точку и на этот раз. Как раз в этот момент я пытался воспроизвести мелодию, которую создавали на Янтарной планете плавающие, округлые холмы, когда У пролетал над ними. Нет, мелодия была слишком сложна, чтобы я мог ее вспомнить. Я помнил лишь ощущение бесконечной гармонии, мудрой и успокаивающей, вечной и прекрасной.

Как я мог рассказать кому-нибудь об этом? Где найти слова, которые хоть отчасти могли бы передать то, что ими передать невозможно? И вместе с тем Янтарная планета переполняла меня. Я был словно накачан этими двумя совпадениями, и они так и реались из меня.

— Вася,— сказал я,— ты можешь хоть минутку помолчать?

— А для чего? Раз я болтаю — значит, существую. Это еще древние говорили.

— Честно.

— Честно, могу. Слушаю тебя. Но будь краток, ибо сказано: краткость — сестра таланта.

Как, как пробить мне эти защитные поля, которые окружают людей? Они все словно в колючках и шлемах. Они неуязвимы. До них невозможно добраться. Как до начальника ЖЭКа. Как рассказать начальнику ЖЭКа о Янтарной планете?

Конечно, конечно, в сотый раз говорил я себе, взрослый, культурный человек в конце двадцатого века не должен приставать к близким с рассказами о снах. Кого интересуют сны учителя английского языка Юрия Михайловича Чернова? И что за самонадеянность думать, что они кого-то вообще могут заинтересовать?

Умом, повторю, я все это понимал, но яркость, красота и необычность снов делали их в моем представлении сокровищами, которые просто грех было бы закурывать в моей черепной коробке. Разные есть люди. Одни могут смотреть футбол или хоккей в одиночку, другие — нет. Я отношусь к числу последних. Когда предстоит интересный матч, я иду к Васе, к Илье, к кому-нибудь из знакомых, лишь бы можно было радоваться или огорчаться вместе с кем-то. «У тебя психология дикаря», — подшучивала Галя, — ты не дорос до телевизионной эры». Сама она обожает спортивные передачи и любит смотреть их в одиночку.

Я поглядывал на своего друга.

— Вася, если я буду смешон, скажи мне об этом.

— Старик, ты никогда не был смешон, ибо ты никогда не тщишься выскочить из собственной шкуры, чем мно-о-гие страдают. Ты не представляешь, сколько шкур от этого лопается. Ну, давай, Юрэн, выкладывай. Мои уши в твоём распоряжении.

— Ты только не смейся.

— Да ты, что, стихи, что ли, свои первые читать будешь? Чего ты стесняешься?

— Вася, мне снятся странные сны. Вот уже две ночи подряд мне снится какая-то планета, которую я называю Янтарной...

— Прости, старик... Валь, — крикнул он своей жене, — Юрэн тут все ноет, что выпить нечего, принеси, дитя, заветную бутылочку из холодильника.

— Да вы что, сдурили, алкаши? — спросила басом Валя. — Перед вами почти полная бутылка.

— Гм, а Юрэн утверждает, что это минеральная вода. Так ты думаешь, он ошибается? Поди к нам, дитя, поцелуй своего папочку.

Валентина сантиметром на пять выше Васи и килограммов на десять тяжелее. От одного ее взгляда мужчины цепенеют, а шоферы такси становятся вежливыми.

— Прости, старик, ты мне что-то начал про янтар рассказывать. Янтаре... Окаменевшие слезы деревьев. Какова пошлость? А? Верно здорово?

Кончился тем, что я все-таки сдался и выпил рюмку. За руль сел я, но взял с Гали клятву, что если нас оставят, мы быстро поменяемся местами и права предьявит она. Никто нас в два часа ночи не остановил, и мы благополучно добрались домой.

Глава 3

Я продолжал жить в двух мирах. Днем я ходил на работу, встречал у аптеки Вечного Встречного (теперь мы здоровались, как самые близкие друзья), вызывал к доске, ставил отметки, разговаривал с Галей. Одним словом, был Юрием Михайловичем Черновым, учителем английского языка.

По ночам я оказывался на Янтарной планете. Всякий новый сон что-то добавлял к предыдущим.

С каждым прошедшим днем я все более привыкал к нелепой на первый взгляд мысли, что Янтарная планета вовсе не порождение моих ночных фантазий. Она жила своей жизнью, и я медленно, шаг за шагом знакомился с народом У, таким странным и не похожим на нас. Не понимая, недоумевая, но веря, но знакомясь.

Нет, нет, не думайте, что я полностью утратил самоконтроль и превратился в своеобразного наркомана, для которого единственная реальность — мир его фантазмов. Я полностью осознавал все.

Единственное, повторю, с чем я никак не мог согласиться, — это то, что мои сны были просто снами. Не могло этого быть. Ни с какой точки зрения. Сны не могут тянуться один за другим в строгой последовательности. Они не могут стыковаться один с другим столь строго. Они не могут быть так логичны, пусть фантастико-логичны, но логичны. Мой спящий мозг не мог воссоздавать ночь за ночью картины жизни неведомой планеты. Я понимал, что другим это утверждение могло показаться далеко не бесспорным, но я-то знал. Я знал, я чувствовал, я был уверен, что мои путешествия на Янтарную планету не просто сны. Если бы мы парили вместе со мной над поющими холмами или я мог бы по-настоящему рассказать вам о полете, вы бы поняли меня.

Но что тогда? Тогда оставалось два варианта. Или я сошел с ума, и все, что мне кажется, — плод моей больной психики. Или... Даже сейчас, спустя много времени после всего, что случилось, я поражаюсь, как я нашел в себе интеллектуальное мужество прийти к еще одной возможности. Поверьте, я не хвастаюсь. Всю свою сознательную жизнь я относился к себе достаточно скептически. Я никогда не был особенно умен, храбр, предприимчив. И знал это. Я легко смирялся с тем, что посылала мне судьба. И когда Галя упрекала меня в том, что я не борюсь, я вынужден был со вздохом соглашаться с ней. Я действительно не борец.

Казалось бы, легче всего мне было решить, что Янтарная планета — своего рода заболевание. Для более или менее рационально мыслящего ума такой вариант представлялся бы наиболее правдоподобным. Но я был уверен в другом: я был уверен, что каким-то образом принимаю информацию, посылаемую У и его народом.

Представим себе, рассуждал я, стараясь оставаться спокойным, что какой-нибудь владелец телевизора где-нибудь, скажем, под Курском, вдруг видит на экране своего «Рубина» или «Темпа» передачу из Рима. Или из Хельсинки. А перевода почему-то нет. Он к соседям.

— Марь Иванна, что-то вчера вечером футбол передавали из Рима, а перевода не было. И не поймешь, кто играл.

— Да ты что, — говорит соседка, — какой футбол? Какой Рим? Восемнадцатая серия была этого, ну как его? Ну, сам знаешь... И «Артлото». Ты что же, меня разыгрываешь?

— Да нет... — тянет он. — Нет...

Больше никто передачи из Рима не видел.

Что же должен подумать владелец злосчастного «Рубина»? Или что он рехнулся или что в результате каких-то неясных ему обстоятельств его приемник вдруг начал принимать передачи Римского телевидения. Тем более что редко, очень редко, но подобные случаи наблюдались.

Со мной дело обстояло приблизительно так же. С той только разницей, что Янтарная планета не Рим, голова моя не «Рубин», и ничего похожего, насколько мне известно, никогда ни с кем не случалось.

Вечером я решил поговорить с Галей. На этот раз она слушала меня, не перебивая. Когда я кончил, она обняла меня и потерлась носом о мою щеку.

— Ты конюх, — сказала она, — но все равно я тебя люблю.

Обычно, когда Галя обнимает меня, я чувствую себя большим двадцатипятилетним котенком, которому хочется мурлыкать и прогибаться под прикосновением ласковой и знакомой руки. Но сегодня я был настроен, как зверь. Неволею я присматривался, стараясь понять, что она думает на самом деле.

Поздозрительность — самовозбуждающееся состояние. Стоит сделать первый шаг в этом направлении, как второй окажется легче. Мне уже казалось, что Галин нос холоден и фальшив, что голос ее неискренен, что она разговаривает со мной, как с больным.

— Все будет хорошо, — сказала Галя, — тебе нужно просто отдохнуть. Может быть, поговорить в школе и тебя отпустят на неделю? В конце концов ты подмял Раечку, когда она выходила замуж... Съездишь на неделю в «Заветы Ильича» к тете Нюре, побродишь, подышишь чистым воздухом и приедешь совсем здоровым.

— Здоровым? Значит, сейчас я болен?

— Я не говорю, что ты болен, но...

— Я тебя понимаю. Я тебя прекрасно понимаю. Если бы ты рассказала мне, что видишь сны, идущие к тебе из космоса, я бы наверняка тоже отпустил тебя к тете Нюре. Тетка — женщина земная, сны видит, наверное, сугубо реалистические, скорее всего поселкового масштаба...

— Ты напрасно сердешься. Я ведь желаю тебе только добра.

— Я не сержусь, Люш. Клянусь. Если ты заметила, у меня с начала январных снов стало прекрасное настроение. Но скажи, неужели ты не допускаешь, что я могу оказаться прав? А вдруг? А вдруг в привычных буднях мелькает лучик необычного? А ты же — к тете Нюре, на свежий воздух.

Галя вздохнула, и на лице ее вдруг появилась утренняя суровая неприступность.

— Ну, хорошо, — сказала она, — допустим на минуточку, что я верю тебе. Даже не верю. Это не то слово. Просто ты убедил меня. Ты, Юра Чернов, Юрий Михайлович Чернов, учитель английского языка в школе, — в Галином голосе появился легчайший сарказм, — оказался тем, которого избрали твои космические друзья. Допустим. И что тогда? Ты обожался в разговоре представлять, что было бы, если бы... Один раз и я попытаюсь это сделать. Ты приходишь... ну, допустим, в Академию наук и скажешь: «Здравствуйте, я учитель английского языка Юрий Михайлович Чернов. Я, знаете, принимаю сигналы из космоса. Во сне». Ты вот пожимал плечами. Может быть, тебе безразлично, что о тебе думают окружающие. А я не хочу, чтобы моего мужа считали психом. Ты меня понимаешь?

Галины щеки раскраснелись, глаза блеснули. Я взглянул на ее руки, сжатые в кулаки. Она была готова к бою. За здравый смысл, за меня, за то, чтобы никто за моей спиной не стучал пальцем по лбу.

— Ты молчишь, — продолжала Галя. — Да и что ты можешь мне возразить? Ничего. Тебе всегда легче выбрать вариант, при котором ничего не нужно делать. Чтобы все устроилось само собой. А ты бы лежал на тахте, сложа ручки...

По всей видимости, мне бы следовало рассердиться и высказать Гале свои соображения по поводу того, за кого ей следовало бы выйти замуж. Но странное дело: отблеск радости, принесимой снами, по-прежнему лежал на всем вокруг, даже на Галином лице с колошими глазами. Я лишь вздохнул. В том, что она говорила, был здравый смысл. Спасаящий и уничтожающий все на своем пути. Боже упаси оказаться под гусеницами здравого смысла! Атака здравого смысла неудержима. На ее стороне сила и поддержка большинства.

И ты стоишь один, вооружившись хрупкими, странными идеями, в которые сам-то веришь не до конца.

— Наверное, ты по-своему права, Люш. Но что же ты мне посоветуешь, кроме тети Нюры?

— Может быть, показаться врачу? Хорошему психиатру, который мог бы объяснить твоё состояние. У Вали есть прекрасные врач...

— Ты уже спрашивала?

Галя на мгновение задумалась — соврать или сказать правду.

— Да... Я видела: с тобой что-то происходит... Пойми, Юра, — Галины глаза снова потеплели, а когда они теплые, я смотрел в них не отрываясь, — пойми, это ерунда, это пройдет. Но не нужно запускать болезнь. Вылечить вначале всегда легче, чем потом. Ты пойдешь к врачу?

— Пойду. — А что мне еще оставалось сказать? Что не пойду? И еще больше укрепить ее в уверенности, что я помешался? И смотреть, как она начнет прятать от меня острые предметы?

А может быть, она действительно права? Может быть, моя глубокая уверенность, что я здоров, — тоже один из симптомов надвигающегося безумия? Может быть, я уже давно болел? Задолго до появления январных снов? Склонность к рефлексии? Привычка вечно фантазировать, что было бы, если бы...

Я вспомнил своего друга Илью Плошкина. Еще в институте он любил называть меня слабоумным. Не был ли он пророком? И не скрывалась ли в шутке крупная истина? Или даже не крупица, а вся истина? — ...И не волнуясь, милый, — сказала Галя, — все будет хорошо.

В голосе ее зазвучала свирепая решимость хранительницы очага отстоять свою крепость. Уж что-то, а решимости Гале не занимать. Как только в ее маленькой головке созреет какое-нибудь решение, она начинает проводить его в жизнь со всепоглощающей энергией.

— Хочешь, я пойду с тобой? — спросила она.

— Люшенька, давай решим, полный ли я инвалид или еще в состоянии передвигаться. Если я могу двигаться без нытья, даже такой симпатичной, как ты, я бы предпочел поехать сам. Адрес у тебя есть?

— Вот он. Ничего по телефону не объясняй. Скажи, что говорит Чернов от Валентины Егоровны...

Я нажал кнопку одиннадцатого этажа и, пока ехал вверх, прочел на стенках лифта всю недолгую летопись дома-новостройки. Олег плюс Света... Дай бог им счастья! Та-ак. Ленька дурак. Оля дура. Будем надеяться, что это клевета. Может быть, и их просто не понимают, им просто не верят.

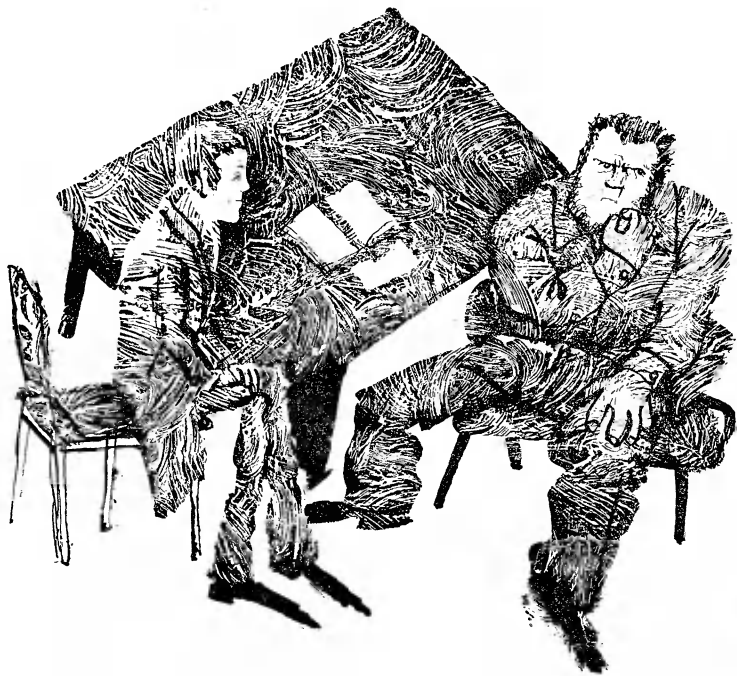
Сто восемьдесят пятая квартира была в правом загончике, в котором царил крошечная тьма. Я пошарил руками по стенке, нащупал звонок и нажал. Звонок был мелодичный, и у меня вдруг на душе стало покойно и хорошо, как все эти дни. Дверь открылась резко и сразу, будто кто-то дернул ее изнутри со всей силой. Так оно, похоже, и было, потому что за ней стоял огромный детина с рыжей короткой бородой и в майке.

— Простите, — пробормотал я, чувствуя себя рядом с этой бородатой горой маленьким и беззащитным, — это квартира сто восемьдесят пятая?

— Она, — с глубокой уверенностью ответил басом человек в майке. — А вы, должно быть, от Валентины Егоровны?

— Он. — Я постарался, чтобы в голосе у меня прозвучала такая же уверенность, как и у врача.

— Ну и прекрасно. Простите, что я в майке. Циклевал, знаете, пол. Пошли ко мне. — Человек-гора ввел меня в крошечную комнату, половину которой занимал письменный стол. — Одну минуточку, — сказал он, — я с вашего разрешения надену рубашку, а то врач в майке — это не врач, а циклевщик

полов, черт бы их подрал. Я имею в виду и полы и циклевщиков. Особенно последних. Вам когда-нибудь приходилось циклевать полы?

— Мне стало стыдно, что я до двадцати пяти лет так и не держал в руках циклю или как она там называется.

— Нет,— покачал головой я,— не приходилось. Только в литературе читал. У классиков.— Доктор ухмыльнулся, а я спросил его:— Вот я сказал: читал у классиков. И вы сразу знаете—это, мол, шутит, а этот болен?

— Ну уж, сразу. Сразу не сразу, но кое-что мы все-таки умеем определять. Ну, расскажите, на что вы жалуетесь.

— Я, к сожалению, ни на что не жалуюсь.

Я произнес эту фразу и подумал, что не следовало бы шутить здесь. Бог его знает, как он воспримет мою манеру разговаривать.

— Ну, хорошо, расскажите, на что вы не жалуетесь.

О господи! Отступить было некуда, и я коротко рассказал врачу о сновидениях. Он слушал меня, не перебивая, время от времени забирая в кулак свою рыжую бородавку и подергивал ее, словно пробуя, хорошо ли держится.

Затем он расспросил меня о самочувствии, о том, как я засыпаю, об отношениях с родными и сослуживцами, о том, чем я болен, и тому подобное. Ког-

да я ответил на последний вопрос, он принялся яростно жевать нижнюю губу. Я подумал, что он ее, по всей видимости, сейчас откусит, но все обошлось благополучно. Губу он оставил в покое, но начал вдруг чесаться. Он скреб голову, затылок, щеки, нос, подбородок.

«Если кто-нибудь и нуждается здесь в помощи,— подумал я,— так это наш милый доктор».

— Вам не помочь?— как можно более кротко спросил я. Я просто не мог видеть, как человек пытается голыми руками снять с себя скальп.

— Что?— вскинулся доктор.— А, это у меня такая скверная привычка. Впрочем, знаете, есть теория, по которой почесывание головы способствует лучшей циркуляции крови и соответственно лучшему мыслительному процессу.

Я засмеялся.

— Смешно?

— Простите, доктор, я понял, почему я с детства обожал, когда мне почесывали голову.

— О господи,— вздохнул доктор,— что же вам сказать? С одной стороны, вы абсолютно нормальный человек, прекрасно ориентирующийся во внешнем мире и в своей личности...

— Благодарю вас,— важно и с достоинством наклонил я голову, но доктор продолжал:

— С другой стороны, в ваших сновидениях есть, похоже, элементы парафренного синдрома. Но тол-

ко, повторяю, элементы. Я имею в виду сам факт общения с вашими человечками... Довольно странная комбинация, я бы сказал.

— Простите, доктор, за настойчивость. Допустим, я бы ничего не рассказывал вам о Янтарной планете. Создалось бы у вас впечатление, что у меня нарушена психика?

— Безусловно и стопроцентно нет.

— Вы говорите, в моих снах есть элементы, как вы называете, парафренного синдрома. В снах. Допустим. Но во мне, в моей бодрствующей личности они есть, эти элементы?

— Как вам сказать... Пожалуй, нет. Но опять же все не так просто. Для этого синдрома характерны чувства самодовольства, блаженства, веселости, эйфории. Ну-с, отбросим самодовольство. Оно, по-видимому, вообще не характерно для вас. Блаженство, пожалуй, тоже можно вывести за скобки. А вот веселость, эйфория — это как раз примерно то описание вашего состояния после сновидений, которое вы мне дали. Вообще-то сновидения для парафренного синдрома нехарактерны. Речь идет скорее о галлюцинациях. С другой стороны, космические мотивы довольно часто встречаются в наше время у больных парафренным синдромом. Как, впрочем, и при онейроидном синдроме...

Начав пользоваться привычной терминологией, доктор значительно повеселел. Что значит хороший костюм для хромого!

— А это еще что такое?

— Онейроидный — снопоподобный. Это как бы кульминация острого фантастического бреда. Яркие чувственные впечатления...

«Боже правый, — подумал я, — это уже ближе!»

— Они как бы зрими, эти впечатления, ярко выраженный эффект присутствия. И тоже часто встречаются космические мотивы.

— Похоже, — пробормотал я.

— Возможно, было бы похоже, если бы не одна маленькая зацепочка.

— Какая же?

— И при том и при другом синдроме всегда наблюдаются другие симптомы. Недавно у меня лежал больной с этим же диагнозом. Прекрасный, милый человек, который терпеливо объяснял всем, что он ответствен за судьбы Вселенной, поскольку все нити от всех звезд и планет он держит в руках. Иногда он очень вежливо просил кого-нибудь подержать, допустим, Альдебаран, поскольку звезда очень большая, держать ее трудно и у него устала рука. А не держать никому нельзя: улетит. Вселенная и так разлетается... Очень начитанный и интеллигентный человек.

— И как, вывелили вы его?

— Более или менее.

— Ну, а что же мне делать?

— Пока ничего. Абсолютно ничего. Если можете — отдохните немного. Спорт.

Я улыбнулся.

— Вы напрасно улыбаетесь. Если бы вы знали, какие громадные у нас резервы саморегуляции, вы бы не улыбались.

— Простите, доктор, я улынулся потому, что моя жена тоже уговаривала меня отдохнуть. У нас под Москвой, в «Заветях Ильича», есть родственница...

— Ну и прекрасно.

— Простите, доктор, еще раз за настойчивость. Допустим, повторяю, допустим, вы проводите всякие там исследования...

— Вам не нужны никакие исследования.

— Я говорю, допустим. И допустим вы приходите

к твердому убеждению, что я психически здоров. А сны будут продолжаться...

— Ну и смотрите их на здоровье, если они вам не мешают. Тем более, вы говорите, что чувствуете себя по утрам выпавшимся, отдохнувшим.

— А вообще-то в психиатрии известны случаи таких серьезных снов?

— Строго говоря, это уже не психиатрия. Это скорее психология. Есть ведь, знаете, специалисты по сну. Они бы, конечно, дали вам более исчерпывающий ответ. По-моему, такие случаи известны, хотя и не часты. Но, как правило, это односторонние сновидения, когда снова и снова снится одно и то же. Или сны-компенсации, когда человек переживает в сновидении все то, чего он не имеет в реальной жизни. Подавление побуждений осбесчивает силу для построения сновидений, а память — сырье, осадок дня. Эта точка зрения Фрейда, который называл сновидение «фрейзеровком, который требует так много времени на подготовку, не горает в одно мгновение». Однако Фрейд, как известно, слишком увлекался побуждениями пола. Я же в ваших сновидениях эротического мотива не усматриваю. Алер же считал, что человек видит сны, когда его что-то беспокоит. Не случайно неприятных снов больше. Если не ошибаюсь, их пятьдесят семь процентов, а приятные вещи снятся в два раза реже... Наш Сеченов называл сновидения небывалой комбинацией бывалых впечатлений...

— Но ведь в моем случае...

— Поймите, мозг — это чудовищно сложная машина. Личность человека практически неповторима, как отпечатки пальцев. Классически ясные случаи встречаются чаще в учебниках, чем в жизни. Вполне возможно, что у вас серийный, как вы выражаетесь, сон, носит характер переработки научно-фантастической информации.

«Гм, — подумал я, — бородач повторяет предположения семиклассника Антошина. Только тот пришел к ним значительно быстрее».

— А как вы относитесь к возможности, о которой я вам уже говорил, доктор? То, что я каким-то образом принимаю информацию, посылаемую из космоса?

— Именно поэтому-то я с вами разговариваю. Строго говоря, это единственный реальный симптом, заставляющий вообще задумываться. Иначе я бы давно распрощался с вами.

Бессмысленно. Силосовое поле здравого смысла непроницаемо. Рыжкому врачу легче посчитать здорового человека больным, чем приоткрыть дверь для неведомого. Впрочем, его можно понять. Это действительно легко. Когда человек держит в руках нити от всех звезд и планет, как продавец воздушных шариков, проще, конечно, прийти к выводу, что его нужно лечить, чем отнестись к нитям серьезно.

— Спасибо большое, доктор. — Я достал из кармана приоткрытый конверт с деньгами и попытался неловко всунуть его в огромную ручищу доктора. Рука была покрыта короткими рыжими волосами. — Это вам, — пробормотал я.

— Деньги? — деловито спросил психиатр.

— Да, — признался я.

— Спасибо, но я не беру. Я вообще не имею частной практики. Меня просто попросила Валентина Егоровна, а она такая женщина, которой не отказывают. Вы ее знаете?

— Конечно, она жена моего близкого друга.

— Передавайте ей привет. Желаю вам отдохнуть. Знаете, что я вам могу еще порекомендовать? Циклотей полы. Великолепная трудотерапия.

Глава 4

По дороге домой я вдруг вспомнил о своем друге Илюше Плюшкине. Я не видел его уже несколько месяцев.

Мы учились вместе в институте иностранных языков, но у него было странное хобби — психиатрия. Он сыпал психиатрическими терминами направо и налево. Меня он называл в зависимости от своего настроения олигофреном вообще, дементным, имбецилом и дебиллом, подробно объясняя все эти градации слабоумия. Общаться на него было нельзя, потому что Илья — самый добрый человек на свете. На грани юрности, говорил он сам о себе.

Я долго перетряхивал карманы, пока не нашел двухкопеечную монетку. По моим расчетам, Илья должен быть еще на работе. Там он и оказался.

— Это ты, олигофрен? — радостно забубрела трубка на другом конце провода, и у меня сразу потеплело на душе.

— А кто живешь?

— Не паясничай! — еще громче закричал Илья так, что в трубке задрожала мембрана. — Не лги себе и мне. Тебе что-то нужно от меня, мальчик. Скажи честно и прямо.

— Есть у тебя какая-нибудь более или менее популярная книжка по психиатрии?

— Ты что, смеешься? Есть, конечно. И книжки и учебники. Ты же знаешь: психиатрия — мое хобби. Ты помнишь диагнозы, которые я тебе ставил?

— Помню. Олигофрен, идиот, дементный, имбецил и дебил сразу.

— Что значит запало в душу человеку. Ну и как, оправдываешь ты диагноз?

— Стараюсь, Илюша. Ты когда будешь дома?

— Через час.

— Если ты не возражаешь, я зайду к тебе и возьму что-нибудь. Учебник или книжку по психиатрии.

— Не пойдет.

— Почему?

— А потому, что в таком случае я закрываю лавку и освобождаюсь через тридцать секунд. Обмен технической информацией будет продолжаться и без моего личного руководства.

— А с работы тебя не выгонят?

— Меня?

— Тебя.

— Меня нельзя выгнать.

— Почему?

— Потому что у меня ужасная репутация. Все знают, что я разгильдяй, а разгильдяев не увольняют. Разгильдяев жалуют.

— Мне стучат в дверь.

— Ладно, ты где?

Я назвал свои координаты, и мы договорились встретиться через полчаса.

Илюша был все таким же. Толстым, уютно-измятым и полным энтузиазма. Каждый раз, когда я вижу его после мало-мальски длительного перерыва, я боюсь, что он вдруг похудеет и перестанет походить на Пьера Безухова. Но он, к счастью, не худеет. Скорее наоборот.

Он долго и ласково выбивал пыль из моего пиджака, изо всех сил похлопывая по спине, тряс, жал, крутил, вертел, рассматривал и, наконец, удовлетворенно кивнул.

— Пока вроде ты ничего.

— В каком смысле, Илюша?

— Признаков синдрома ИО нет как будто. Впрочем, два месяца — слишком малый срок...

— А что это такое?

— ИО? Я разве тебе не говорил? Синдром Ионича. Помнишь рассказ Антона Павловича? Я так называю тех, кто начинает дубеть и прокисать. Симптомы: свинцовость во взгляде, замедленная реакция на нелестные, расширение и уплощение зада...

Однокомнатная Илюшина квартира являла собой абсолютный беспорядок, первозданный хаос. Вселенную до гущения пылевых облаков и образований звезд. Однако пыль здесь, в отличие от Вселенной, густиться не может, потому что покрывает ровным, толстым слоем почти все в квартире, за исключением протоптанной хозяйном тропинки.

— Ты уж меня прости, — вздохнул Илья. — Ты же знаешь, что у меня психическое заболевание такое. Все собираюсь описать его, да времени не хватает. Я страдаю навязчивой идеей, что чистота в конце концов погубит человечество. Природа не терпит чистоты и мстит человеку за стремление к чистоте и гигиене. Здесь, на маленьком острове в море противостественной стерильности, я живу в гармонии с природой. Погоди, сейчас есть будем.

— Здесь? — искренне изумился я. — Здесь есть?

— Здесь, к сожалению, нельзя, — вздохнул Илья.

— Почему? — спросил я.

— Провал я...

— Ну и что?

— Скрипит очень.

— Что скрипит? Стол?

— Пыль, глупый. Пыль скрипит на зубах. Да громко так, соседи стучат.

— Пошел ты к черту!

— Видишь, как ограничен твой мозг. Чуть выберешься из болота банальности, а ты уже с палкой стоишь: пошел к черту. Ах, Юра, Юра, бедный мой маленький имбецил. Ладно, я пошел на кухню. А пока буду готовить, вот тебе учебник психиатрии. Держи.

Боже, я никогда не видел столь обстоятельно проработанной книги! Каждая вторая строчка была подчеркнута, против абзацев стояли кабалистические знаки, а некоторые страницы прострелили таинственные цифры, выведенными Илюшиной рукой.

Вербальные иллюзии, слуховые галлюцинации... Гм... Описаны В. Х. Кандинским еще в XIX веке. Большой уверен, что его мысли принадлежат не ему самому, а кому-то другому и вложены ему... Так, так... Больные жалуются на «сделанные» воспоминания, сновидения... «Ага, это уже ближе», — подумал я.

Странно, но я несколько не волновался. В глубине души я был уверен, что совершенно здоров.

Сделанные сновидения. Ну, допустим. Что еще здесь? Псевдогаллюцинации в сочетании с ощущением чуждости и «сделанности» собственных мыслей, их открытость несут название синдрома психического автоматизма Кандинского-Клерамбо.

«Увы», — подумал я, — до психического автоматизма мне далеко. Никаких сделанных мыслей, никакой открытости». Двинемся дальше. Навязчивые идеи. Мысли, от которых человек не может, хотя и хочет освободиться.

Освободиться от мыслей о Янтарной планете я действительно не могу. Но и не хочу.

Сверхценные идеи. Это еще что такое? Мысли не несут нелепого характера, но большой неправильно оценивает их, придает чрезмерно большое значение, которого объективно они не имеют. В отличие от навязчивых идей сверхценные идеи не сопровождаются тягостным чувством навязчивости и желанием освободиться от неправильного образа мышления.

А что... Это уже довольно близко ко мне. Тягостного чувства нет, желания освободиться нет. А мысль о том, что впервые в истории человечества какая-то другая цивилизация попытается сообщить нам что-то

о себе,—так это же явно пустяковая мысль, которой — как там говорится? — придается чрезмерно большое значение, которого объективно она не имеет.

Ладно, эдак утонешь в толстенном море. Ага, вот мои любимые клички — олигофрены, дебилы, имбецилы, идиоты.

А вот и мой собственный парафренный бред. Я начал внимательно читать: «Большой часто считает себя святым, сверхчеловеком, призванным решать судьбу человечества».

Святой ли я? Увы, нет. На сверхчеловека, пожалуй, тоже не тяну. Не та весовая категория. С судьбами человечества — уже ближе.

— Ты еще не тронулся? — послышался из кухни голос Илюши.

— Держусь из последних сил, — буркнул я.

— Тогда иди есть.

Кухня, к моему изумлению, оказалась чище, чем была в прошлый раз, а яичница с жареной колбасой выглядела просто великолепно.

— Выпьем по рюмочке? — спросил Илюша.

— Мне предписано отдыхать и ципковать полы, а ты провоцируешь меня рюмочкой. Товарищ, друг называется...

— Уймись, — ласково пробормотал Илья и налил в рюмки что-то похожее по цвету на лимонную настойку.

Мы чокнулись и выпили. Водка, настоящая на лимонных корках, была хороша.

— Ну, так что с тобой стряслось, мой бедный друг?

— А терпения у тебя хватит выслушать меня?

— Не морщи голову. На что еще годятся друзья? Только чтобы выслушивать.

Я начал рассказывать. Илья даже яичницу и слушал меня, полузакрыв глаза. Мне показало даже, что он задремал, но он серьезно покачал головой, когда я спросил, разбудить ли его к ужину.

Я рассказывал и остро, всей своей шкурой, всем своим нутром понимал, как нелепо звучит мой рассказ. Страху здравого смысла даже не приходится отбиваться от меня. Одного его вида достаточно, чтобы мои истории замерли, остановились, потеряли краски, высохли и превратились в серую пыль. Подобно той, из которой сгущались звезды и которая лежала толстым слоем в Илюшиной комнате.

Но Янтарная планета все равно пела во мне, бесстрашно рвалась наружу, и я рассказывал, рассказывал, стараясь вложить в слова хоть частичку оранжевого отблеска, в котором жил У и его братья.

Когда я замолчал, я почувствовал странное ликование. Мне почудилось на мгновение, что Илья повеял мне. Он сидел, по-прежнему полузакрыв глаза, и не шевелился. А может быть, он все-таки заснул?

Пауза все росла, набухала огромным пузырем. Наконец он открыл глаза и посмотрел на меня.

— Юра, — сказал он, — я хочу задать тебе пошлый вопрос.

— Задавай.

— Это правда? То, что ты мне рассказал?

— Да.

— Тогда ты совершенно напрасно ходил к врачу и читал психиатрию.

— Почему?

— Потому что ты здоров. Если, конечно, не считать легкого слабоумия, которым ты страдал всегда. Во всяком случае, с тех пор, как я тебя знаю. Хочешь, я удивлю тебя?

— Хочу.

— Я верю тебе.

— Правда? — спросил я и почувствовал, как предательски дрожит у меня голос.

— Правда.

— Спасибо, Илюша. — Не знаю почему, на глазах у меня навернулись слезы.

— Не говори глупостей. Понимаешь, я верю тебе. Это... это фантастично! Но я ловлю себя на мысли, что реагирую на твои слова не так, как должен был, наверное. Ты сам-то понимаешь, что произошло? Контакт! Первый контакт с братьями по разуму, первая весточка от другой цивилизации! Величайшее, грандиознейшее событие в истории человечества! Бежать, кричать, звонить в колокола! Праздник людей, праздник планет! А вместо этого мы сидим в этой маленькой, грязной квартирке и более или менее спокойно разговариваем. А ты знаешь, почему?

Потому что даже ты сам не до конца уверен, что это все так. И я. Что ты думаешь, напрасно, что ли, наш мозг так натренировался в рациональном мышлении? О нет! Все, что он пропускает сквозь себя, он стремится объяснить, объяснить рационально. А как объяснить твои сны? Радио-то в этом случае дохленькое, хиленькое, похожее на какую-нибудь научно-фантастическую повесть. Ну хорошо, будем холодны и неторопливы, как судьи. Какие у нас есть доказательства? Рассказ Юрия Михайловича Чернова! Он хороший, честное слово, он хороший. Вот, пожалуйста, характеристика из школы. За время работы... как квалифицированный, дисциплинированный и т.д. Отзывы знакомых. Свидетельство жены. Он, знаете, мне почти никогда не лгал. Так, больше по пустякам. Что еще?

Я глубоко вздохнул.

— Вот то-то и оно, — продолжал Илья. — Ты спросишь, а как же сказал, что веришь мне? Я верю и не верю. Я верю, потому что знаю тебя. Но не это главное. Верю, потому что хочу верить. Я идиот и романтик. Я не вырос. Я задержался в утробном и эмоциональном развитии. Я ребенок. Глупый ребенок. Мне хочется праздника. Чудес. Несожженных, ямарочных чудес, которые показали бы кукли разрезанным бундям. Поэтому я верю тебе. Потому, даже не верю, а хочу верить. Понимаешь, хоч-у! А диплом мой, коря больших полушарий — они упрямчатся. «Позвольте-с, — мямлит коря, — эдак-с всякий начнет утверждать, что он с ангелами по ночам беседует, всевышнего в виде горящего куста видел». И что ей возразить, коря-то? Кора хитра, ой как хитра! И сильна! За ней культура, за ней наука. А против — маленький дурачок, которому хочется чуда. И второй дурачок, который это чудо ему обещает.

— Прости, — сказал я, вставая. Мне стало грустно, но все равно я не мог сердиться на него.

— Мой маленький, бедный дебил, — сказал Илья с такой пронзительной нежностью и дружеским участием, что сердце мое трепыхнулось от теплой благодарности и потянулось навстречу толстому человеку в очках, сидевшему напротив меня. — Не валяй дурака. Сиди и слушай умные речи. Все, брат, сводится к маленькому, пустяковому вопросу. Совсем пустяковому вопросу. Нужно получить объективные доказательства того, что ты принимаешь во сне какую-то информацию.

— Только и всего?

— Только и всего. И ты мне позвонишь завтра или послезавтра. За это время я что-нибудь придумаю.

— Если бы ты мог, — сказал я с таким жаром, что Илья почему-то закрыл глаза и несколько раз энергично кивнул головой.

— Смогу, — сказал он. — Ты ведь знаешь, я гений.

— Знаю, — сказал я.

Он действительно гений, мой нелепый, толстый и измятый друг. Если бы он только так не разбрасывался. «Я, кажется, уже и думаю, как Галля», — пронеслось у меня в голове.

— Ты думаешь, я стараюсь только из любви к однокласснику?

— Нет, наверное.

— Ты прав. Я хитрый. Я эгоист и все время думаю: а вдруг Юрка и вправду входит в историю? А тогда и я эдакой Ариной Родионовной шмыг! — и проскочил вместе с тобой. И твои биографы двадцать первого или тридцать первого века будут отмечать, что первый, кто поверил изобретению небес, был его друг Илья Плошкин, человек неряшливый, но огромного интеллектуального мужества. Ну как, берешь меня в Арины Родионовны? В историю берешь?

— Беру, Арина Родионовна, беру. Собирайтесь.

Галя, разумеется, обрадовалась, что и врач порекомендовал мне отдохнуть.

— Ты сам договоришься в школе?

— Нет, Люш, ни я не буду договариваться, ни ты тем более, — сказала я мягко, но твердо.

— Почему? — Галя посмотрела на меня с легким недоумением. Она не привыкла, чтобы я говорил «нет». То есть иногда я, конечно, говорю слово «нет», но в расчет оно не принимается.

— Потому что ни от чего отдыхать мне не нужно. Я совершенно здоров. И Илья Плошкин подтвердил это. А он величайший из психиатров-самоучек, которых я знаю.

Галя не удостоила Плошкина даже фразой. Она его недолюбливает. Может быть, она подсознательно ревнует меня к нему, может быть, она подозревает при мысли о хаосе в его квартире, а скорей всего в ней говорит инстинктивное недоверие замужних женщин к холостым друзьям мужа.

Мне вдруг стало жалко жену. Бьется она, бьется со мной, пытается сделать из меня взрослого, солидного человека, а я фортель за фортелем выкидываю. То от аспирантуры отказался, то по ночам с маленькими человечками беседую. И не хочу при этом отдохнуть у тети Нюры.

— Люш, — виновато вздохнул я, — так и быть, я согласен полечиться. — Галя бросила на меня быстрый подозрительный взгляд. — Врач порекомендовал мне цликать полы. Узнай, кому из знакомых нужно недорого откликать паркет.

— Идиот, — сказала жена.

Боже правый, что они все сговорились, что ли, называть меня идиотом, дебилом, имбецилом? А может быть, устами друзей и близких глаголет истина?

— Почему? Разве физический труд не облагораживает человека? Вон Лев Николаевич Толстой пахал, почему же я не могу цликать полы? Может быть, в них я как раз и найду истинное призвание?

Ты все время сама подкуживаешь меня, чтобы я ушел из школы... Мы разбогатеет, купим арабский гарнитур.нас будут звать в гости заинтересованные заказчики... Удивительное дело, я испытываю сегодня какое-то сладостное чувство, поддразнивая Галю. Словно мстил ей. А может быть, я и мстил ей подсознательно за то, что она не верила мне?

— Успокойся. Если ты думаешь, что я ввязуюсь в ссору с тобой, — клиническим тоном сказала Галя, и глаза ее стали утренне суровы и кололи, — ты ошибешься. Телевизор — и то интереснее...

Глава 5

Сегодня я узнал еще одну деталь из жизни Янтарной планеты. Оказывается, У и его братья постоянно связаны некоей теплотеплической (а может быть, и нетеплотеплической) связью с... запятым мозгом. Да, да, именно так. Я видел своими глазами, то есть я хочу сказать глазами У, длинное,

низкое здание со множеством ниш в стене, как в колумбарии. И в каждой нише — магово мерцающий кубик.

Если с У или с кем-нибудь из его братьев что-нибудь случится, запястной мозг всегда наготове. Берется новое тело, в него вставляется запястной мозг, который все время накапливал ту информацию, которой обладал погибший мозг, и погибший преспокойно продолжает жить и работать, а место в нише занимает новая запясть. Изготавливаются ли эти мозги или они как-то рождаются, металлические они или только кажутся такими — этого я еще не знаю.

Я жду каждой ночи с нетерпением. Мне пришлось в голову, что я напрасно ничего не записываю. Хотя каждая, буквально каждая черточка, каждая деталь того, что я видел на Янтарной планете, прелетает мне в память, лучше все-таки записывать виденное.

Не откладывая свой замысел в долгий ящик, я тут же положил перед собой лист бумаги, взял ручку, написал слова «Янтарная планета» и оцелелел.

В голову моей в первозданной своей яркости и четкости проплыли плавные, округлые холмы и звучала их мелодия, но слов, чтобы рассказать о них, у меня не было. Был лишь чистый лист бумаги, и чем больше я на него смотрел, тем больше убеждался, что никогда ни за что не смогу покрыть его странными маленькими загогуликами, которые называются буквами и которые теоретически могут рождать самые необыкновенные, тонкие, изысканные, трепещущие слова, способные описать все на свете. Нет, для этого нужно было обладать каким-то волшебством, знать заветное летушиное слово, а у меня было лишь грусть, смешанная с каким-то облегчением. «Наверное, потому, — подумал я, — что мне в глубине души не хотелось записывать на бумаге свое знакомство с народцем У — я боялся, что перенесенные на бумагу черты исчезнут, если порвется и я потеряю Янтарную планету».

— Антошин, — сказал я и посмотрел на последнюю парту, где сидел Сергей, — ты готов сегодня отвечать?

— Yes!, — сказал Антошин, и все тридцать шесть голов в классе, мальчишки и девичьи, светлые, темные и шатенные, причесанные и лохматые, разом повернулись к Сергею. Впервые в письменной истории класса он выказал по доброй воле готовность отвечать, причем сказал это по-английски, пусть одним словом, но по-английски. Должно быть, он и сам понимал необычность этого момента, потому что явно покраснел и напустился, отчего стал сразу интереснее.

Класс замер, все хотели быть свидетелями чуда, чтобы потом рассказывать о нем своим детям и внукам. Как же, как сейчас помню, это было в тот год, когда Сергей Антошин сказал на уроке «Yes».

Антошин ответил на «тройку». Но я поставил в журнал с чистой совестью четверку. Подошел и молча пожал ему руку. Если бы я что-нибудь при этом сказал, все пошло бы прахом. Но я молча пожал ему руку, и впервые на лице Сергея вместо безразличной сонливости сияла тихая гордость.

Черт возьми, как легко отмыкаются ребячья души и как трудно найти ключик, который бы к ним подходил! Два года я не знал, что делать с Сергеем. Два года.

В первые теплотеплические в учительской каким-то чудом оказался свободным, и я, веря в то, что такой день должен быть удачным во всех отношениях, позвонил Илье.

¹ Yes — да (англ.).

— А я как раз тебе собирался звонить, но никак не мог вспомнить, в какой школе ты терроризируешь детей неправильными английскими глаголами. Бери карандаш и записывай.

— Что, глаголы?

— Запиши телефон и адрес.— Он продиктовал мне:— Нина Сергеевна. Кандидат медицинских наук Нина Сергеевна Кербель. Записал? Ни пуха ни пера.

— Подожди, что такое Нина Сергеевна Кербель? Что она делает?

— Она изучает сон и сновидения. Привет от Арины Родионовны. Не обессудьте, батюшка, ежели что не так.

Он засмеялся и положил трубку.

Ну что ж, Нина Сергеевна так Нина Сергеевна.

Когда я позвонил ей, она долго молчала, вздыхала в трубку, чем-то шелестела и вдруг спросила:

— А сегодня вы приехать не можете?

Я сказал, что могу. Она снова молчала, дышала в трубку, и я подумал, что если и научные проблемы она решает с такой же скоростью, тайны сна и сновидения еще долго будут волновать человечество. Наконец она решилась и попросила меня приехать к пяти часам.

Оказалась Нина Сергеевна красивой, молодой женщиной с огромными серыми глазами.

— Да, да,— сказала она, пожимая мне руку,— мне звонил наш директор. Сам. Вы хорошо знаете Валерия Николаевича?

Я неопределенно пожал плечами. Жест должен был означать—так себе. Конечно, это было легкое преувеличение, поскольку я первый раз слышал его имя, но мне не хотелось огорчать Нину Сергеевну. Не знаю почему, но я вдруг посмотрел на ее пальцы. Мне было приятно, что обручального кольца я не увидел.

— Валерий Николаевич мне сказал, что вы журналист...

— Вообще-то... Но я к вам вовсе не по журналистскому делу...

Ай да ловкач Илюша! Журналист...

Нина Сергеевна вопросительно посмотрела на меня.

— А я поняла, что вы журналист. Гм... Ну, раз вы здесь, слушаю вас.

— Это был самый трудный момент. Порог, за который так легко зацепиться ногой и шлепнуться лицом вниз. А мне совсем не хотелось падать перед этой стройной женщиной в белом, ловко сидящем на ней халате. Интересно, есть под ним платье или нет? Какая чушь! Но в голову мне лезли самые нелепые вопросы, лишь бы отгнать страшный миг. Мне захотелось спросить, трудно ли изучать сон и сновидения, как она относится к теории Фрейда, почему халат на ней сидит как влитой, без единой складочки, а на других висит вялыми, жеваными хламидами; наконец, что ей снится самой.

Но отступать было поздно. Нина Сергеевна терпеливо смотрела на меня, и я увидел, как в ее огромных серых глазах начинает тлеть недоумение.

Я зажмурился и прыгнул в холодную, страшную воду.

— Нина Сергеевна, то, что я собираюсь вам рассказать, будет звучать совершенно фантастически. Я это знаю и отдаю себе в этом отчет. И я не обижусь, если в любой момент вы скажете: простите, я занята, у меня много работы. Я вздохну, извинюсь и уйду, уношу... и так далее.

Нина Сергеевна слабо улыбнулась и сказала:

— Я действительно занята, но после такого вступления я просто должна выслушать вас.

— Спасибо,— сказал я.

Весь мой ужас испарился, и я смело посмотрел на специалиста по сну. Она снова еле заметно улыбнулась и принялась рассматривать свои пальцы. Пальцы были тонкие и длинные.

Я начал рассказывать. Я был краток и, как мне казалось, убедителен. Я рассказал о сновидениях, о посещении психиатра. Она оторвалась от своих пальцев. Лицо ее ничего не выражало.

— Ну, а что мы можем для вас сделать?

— Мне сказали, что вы занимаетесь сном.

— Понимаете, никто в мире никакими приборами не может зарегистрировать, что именно снится человеку. Мы можем определить момент, когда человек начинает видеть сны, но что он видит—мы не знаем. Это может быть сон о вашей планете, а может быть сон самый обычный и земной. Физиологически они одинаковы.

Должно быть, на лице моем было написано такое разочарование, что она добавила:

— Поверьте, мы бы с удовольствием помогли вам, но я просто не знаю...

В ее глазах не было ни насмешки, ни безразличного равнодушия. И за это я уже был ей благодарен. — Простите, Нина Сергеевна, я отнял у вас столько времени.

Я протянул ей руку и на долю секунды задержал ее ладонь в своей. Она внимательно посмотрела на меня, и по лицу ее снова скользнула слабая улыбка.

— До свидания,— сказала она.

Я подумал, выходя, что был бы рад, если бы ее слова оказались вещами. До свидания, Нина Сергеевна.

День был холодный. Снег еще не лег, и голый асфальт был на морозе, и от вида его серой наготы было особенно зябко.

Мне должно было быть грустно. И оттого, что лаборатория сна помочь мне ничем не могла, и оттого, что у Нины Сергеевны такие прекрасные глаза, и оттого, что на пальце у нее нет обручального кольца, а у меня есть, и оттого, что свинцовое небо неохотно целило скупой зимний свет. Но мне не было грустно. Мой друг с Янтарной планеты не только таял ко мне зыбкие паутины сновидения. Он посыла мне бодрость и веру, и я почувствовал, что начинаю любить далекий и неведомый народ, такой не похожий на нас и такой похожий.

Это случилось утром. Когда я шел в школу. Я подходил к аптеке и увидел метра в ста Вечного Встречного. Он сегодня опаздывал неминуемо. Я подумал, что улыбаться ему еще рано—все равно не видит на таком расстоянии. И вдруг почувствовал в голове... как бы это назвать... Ну, легкую щеколку, что ли. Мгновенный зуд, но вовсе не неприятный. На на коже, не в корнях волос, а где-то внутри, в мозгу. Тут же этот зуд перешел в неясное бормотание. Я по инерции продолжал идти навстречу Вечному Встречному, и с каждым нашим шагом, сокращавшим расстояние между нами, бормотание становилось громче, чище, явственнее, словно голова моя была приемником и кто-то подкручивал ручку настройки. Когда Вечный Встречный был уже в нескольких метрах от меня и мы улыбались друг другу, я услышал четкие слова: «Какой симпатичный молодой человек!»

До самых последних часов своей жизни я буду помнить эти слова!

Я не могу описать вам голос, который я услышал. Это был явно не голос Вечного Встречного. Голос был как бы бесплотный, мой внутренний голос, без тембра, звука, без окраски, но он четко произнес слова «Какой симпатичный молодой человек!», и я слышал ясно эти слова.

С невообразимой скоростью у меня перед глазами замелькали термины учебника психиатрии. Вербальные иллюзии, слуховые галлюцинации, псевдогаллюцинации...

На мгновение мне стало страшно. В груди образовалась пустота, властно воссала в себя желудок, сердце пропустило такт. «Значит, я все-таки схожу с ума», — подумал я и понял тут же, что это неправда. Нет, это неправда. Мне уже не было страшно. Мною овладело детское ощущение, что происходит что-то интересное. Что из фотоаппарата вдруг действительно вылетела птичка и сказала «здрасьте».

Я обернулся. Вечный Встречный был уже метрах в ста позади меня. Я помчался за ним, размахивая портфелем, в котором лежал проверенный накануне диктант. Из сорока одной работы семь двоек. Не блестяще, прямо скажем.

— Простите, — сказал я, запыхавшись, и Вечный Встречный посмотрел на меня с недоумевающей улыбкой, — что вы подумали только что, проходя мимо меня? Это очень важно. Поверьте мне, это...

Вечный Встречный весело рассмеялся.

— Что я подумал? Я подумал, какой симпатичный молодой человек. И, ей-богу, это не комплимент, я в этом действительно уверен.

Я быстро обнял своего незнакомого знакомого, чмокнул его в тугую сизую щеку и помчался в школу. Теперь я услышал слова «странный мальчик». Сначала они прозвучали чисто и сильно, а затем, через несколько шагов, слились в неясное бормотание и погасли.

«Странный мальчик». По крайней мере один-то человек уже точно знает, что я рехнулся.

А мне было весело. Меня захлестывало радостное ожидание, детское предвкушение праздника. Птичка ярмарочного фотографа вилась вокруг моей головы, обещаая удивительные события и необыкновенные встречи. Мне казалось, что внизу, подо мной, в шумной гавани, покачивается на зеленых волнах мой галеон, который вот-вот отправится в неведомые страны. А может быть, это вовсе не гавань и не галеон, а космодром и ракета. И я иду один по

бескрайнему полю к серебристой игле, нацеленной в зенит.

Я посмотрел на часы. Двадцать восемь минут девяти. Сигарету выкурить я, конечно, не успею, но можно не торопиться. Однако я не мог идти спокойно. Забыл о педагогической солидности, я гаплом влетел по лестнице, ворвался в учительскую и почти пропел «Доброе утро».

Семен Александрович испуганно посмотрел на меня и поднял журнал, словно хотел загордиться этим педагогическим цитом, и я явственно услышал: «Уж не пьян ли он?»

— Нет, нет,— покачал я головой и увидел, как в выцветших бледно-голубых глазах математика, увеличенное стеклами очков, медленно поднималось облачко изумления.

Я схватил журнал и помчался в восьмой «А» раздавать диктант с семью двойками.

Вечером я решил проделать серию экспериментов. Сolidных, корректных, как говорят ученые мужи, экспериментов.

— Люш, сказал я жене,— ты можешь произнести про себя какую-нибудь фразу и записать ее на листке бумаги?

— А для чего?

— Для эксперимента.

— Фокус, что ли?

— Я ж тебе говорю: эксперимент. Только, пожалуйста, что-нибудь пооригинальнее. А то напишешь «Юрка-дурак», и мне будет неинтересно угадывать.

— Зато это будет правда.

— Люшенька, жена моя, сплутница жизни, правда правдой, а эксперимент экспериментом. Ты же женщина. Ты должна быть любопытна и недоверчива, как сорока. Не слезай с тахты. Вот тебе карандаш, вот листок бумаги. Когда будешь писать — прикрой листок рукой, чтобы я неароком не подсмотрел.

— Дай что-нибудь подложить под лист.

Я протянул ей номер «Науки и жизни». Теперь сосредоточиться. Я уже установил, что бесплотный голос в моем мозгу звучит чище и громче, когда я сосредоточиваюсь, прислушиваясь к нему. И наоборот, когда я занят чем-нибудь, голос исчезает.

Быстрый, летучий зуд, приятная щекотка. Ощущение включенного приемника. Он включен, но передача еще не началась. И вот голос: «Что б написать... Что ему надо отдохнуть? Просто очень. Он просил пооригинальнее. Какую-нибудь стихотворную строчку... «Зима! Крестьянин, торжествуя, на дровнях об-новляет путь...»

Я не удержался. Я хотел написать услышанное тоже на листке бумаги и сравнить потом. Мистике этого я пропел:

«Зима! Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь...»

Галя усталилась на меня, слегка приоткрыла рот, и я услышал, как она подумала: «Как это он?.. Фокус какой-нибудь...»

— Угадал? — спросил я.

— Да-а,— словно не веря себе, протянула Галя.— А как ты это делаешь?

— Очень просто,— небрежно и слегка покровительно объяснил я.— Я смотрю на тебя и слышу твои мысли. В этот момент, например, никаких ясных мыслей у тебя нет. Но давай-ка поставим еще один опыт.

«Что бы такое придумать, чтоб он не догадался... Какие-нибудь имена... Знакомых... Нет, знакомых он может угадать... Чувств какая, как он может... О, есть! Напишу фамилии сотрудников соседней лаборатории. Зав.— Сидорчук, потом этот симпатичный молодой доктор Леонтьев, Малыкина, Ишанова... Как

фамилия этого хромого? Ш-ш... А, Шулятицкий. Кто еще? Полищук и Нина Сыч, которые никак не поженятся... Хахит, пожалуй».

— Хахит,— кивнул я, и Галя нерешительно посмотрела на меня.

У меня было такое впечатление, что она еще не решила: то ли удивляться, то ли восхищаться, то ли обругать меня. А для такой решительной особы, как Галя, неопределенность — состояние противостоителенное.

— Записала? — спросил я.

— Да.

— Читаю,— сказал я.— А ты следи по своему списку, не пропустил ли я кого-нибудь: Сидорчук. Дальше у меня записано с. м. д. Леонтьев. Если я правильно помню, гражданка Чернова, с.м.д.— это симпатичный молодой доктор.— Я вздохнул, изображая отчаянную ревность.— Малыкина, Ишанова.

— Ешанова,— поправила Галя.

— Хорошо. Я великодушен. Я разрешаю этой даме быть отныне с Ишановой, а Ешановой.

— Она не дама. Она девушка.

— Прeday ей мои поздравления. Продолжаю. Шулятицкий, Полищук и Нина Сыч. Правильно?

— Правильно. Здорово ты это делаешь. Будем ужинать?

— Ужинать? — переспросил я.

— Не завтракать же.

Боже, она только что была свидетелем чуда! Самого настоящего чуда. Маленького настоящего волшебства. И зовет ужинать. Вместо того, чтобы упасть на колени и обратиться ко мне простертыми длани, она зовет меня ужинать. У-жи-нать. Слово-то какое нелепое — у-жи-нать. И этот человек, с которым я живу под одной крышей, работает еще в научно-исследовательском институте. Исследовательском. Научном. А она зовет меня ужинать.

Она вся была в этом. Все, что она не могла контролировать, все, что она не могла держать в своих маленьких, цепких лапках, она отбрасывала прочь. Ей не нужно было чуда, потому что для созерцания чуда нужна смиренность, а смиренностью моя жена не отличается.

— Галя,— сказал я.— Ты младший научный сотрудник. У тебя готова треть диссертации. Ты знаешь про пищеварение плоских червей больше всех на свете. Ты начинающий ученый. И ты так спокойно отнеслась к тому, что я тебе показал? Как это может быть?

— А что я должна была делать? — Галя сползла с тахты, потянулась, выгнувшись по-кошачьи.— Что сегодня по телевизору, ты не знаешь?

— Люшенька,— жалобно простонал я.— Как я это делал? Объясни мне.

— Откуда я знаю, ну, что ты хочешь от меня? Фокус какой-нибудь...

— Какой фокус? — заремел я.— Ну, какой это фокус?

— А что это? — необычайно вежливо спросила Галя.

— Это чтение мыслей, вот что это.

— Чтение мыслей, материализация духов и раздача слонов.

— Боже мой, какая эрудиция! Ты даже читала Ильфа и Петрова. Ну, хорошо, а если бы я сейчас взлетел в воздух и вылетел в окно?

— Я бы поплакала полгода и вышла, наверное, за другого.

— Спасибо, Люш, за полгода. На самом деле тебе, наверное, хватило бы для слез и полмесяца или полдня. Но я имел в виду благополучный полет. Предположим, я бы полетал и сел на по-

доконник. И ты бы тоже спросила меня, что сегодня по телевизору?

«С ним все-таки что-то происходит,— услышал я ее мысли.— Попросить Валентину, чтобы она еще раз поговорила с этим врачом...»

— Попроси, попроси!— крикнул я и подумал, что кричать вообще-то глупо и я, наверное, на ее месте вел бы себя так же.

— Что попроси?— Теперь, в первый раз за вечер из Галиных глаз исчез домашний ленивый покой.

— Попроси Валентину, чтобы она еще раз поговорила с этим врачом!— Я знал, что зря распалюсь, но уже ничего не мог поделать с собой.— Ты абсолютно права. Как только встретишь что-то непонятное, не укладывающееся в принятые схемы, давай к психиатру! Последняя линия окопов! Если бы я утверждал, что у тебя на голове рожки, ты бы могла подумать, что у меня галлюцинации. Но ведь это не галлюцинации. Сравни два бумажки. Сидорчук, Леонтьев, Малыкина, Ешанова или Ишанова, как там ее... Или это тоже галлюцинация? Семейная галлюцинация? Ладно, когда я пытался рассказать тебе о своих снах и ты оставалась вежливо-равнодушной, я еще мог тебя понять. Какая-то планета, какой-то человечек У с запасным мозгом— мало ли что кому снится! Но сегодня... Объясни мне... Это же... Это же чудо! Это телепатия, которой не существует! А ты говоришь— ужинай!

Галя подошла ко мне и обняла меня. Знакомое тепло прикосновения. Слабый знакомый запах ее духов. Знакомая комната. Чуть криво висящий астамп с букетом сирени. Сколько раз я собирался поправить его.

— Ну что ты, Юра,— нежно сказала Галя и потерлась кончиком носа о мою щеку. Кончик был мягкий и теплый, и я, несмотря на раздражение, почувствовал прилив нежности к этому существу, которое я безжалостно волок за собой из ее привычного теплого мирка к далекой Янтарной планете.— Не нервничай, хорошо?— сказала она.— Наверное, ты прав. Наверное, я дурачка. Но что же делать, если господь обидел меня разумом? Но ведь ты тоже глупенький, как ребенок. Как повоему, что я сейчас думаю?

— Все-таки я его люблю!

— Правильно,— засмеялась Галя. Это уже было нечто более понятное, чем можно было привыкнуть распоряжаться. Можно было снова почувствовать себя хозяйкой.

Я не сердился на нее. Одни жаждут чуда, другие бегут от него. Мне было только чуть-чуть стыдно за нее. Перед У. И чувство это не было для меня смешным.

Галя ушла на кухню, а я подумал, что лучше всего, наверное, было бы забыть о Янтарной планете и начать выступать с так называемыми психологическими опытами. А сейчас феномен природы, заслуженный артист республики, продемонстрирует опыты чтения мыслей, основанные на учении Ивана Петровича Павлова... А я в сатанинском черном фраке, с бледным лицом и горящими глазами выхожу на эстраду, небрежно раскланиваюсь, замечаю во втором ряду сказочной красоты блондинку, подхожу к ней и пристально смотрю на нее.

Бедняжка дрожит и не может оторвать от меня завороченного взгляда.

Я прошу ее написать на бумажке два предложения и передать в жюри, а сам, отвернувшись, называю их. Зал гремит овациями, блондинка уже не дрожит, а вибрирует, а я продолжаю психоло-

гические опыты, основанные на учении Ивана Петровича Павлова.

Я улыбнулся. Нет, я не предам своего друга У и его дар ни за какие деньги, эстраду и завороченный взгляд блондинки. Не я хозяин дара, и не для заработка протянули мне братья У серебряную ниточку сквозь бесконечные просторы космоса.

Вдруг удивительно громко и неожиданно зазвонил телефон. Галя взяла трубку.

— Привет, Илюшенька... Да, дома, даю трубку. Я взяла трубку.

— Ты можешь ко мне приехать? Прямо сейчас?— выпалил одним духом Илья.

— Что-нибудь случилось?— спросил я.

— О имбецил! Старшеешь для него, ломаешь голову, а он спрашивает, не случилось ли что-нибудь.

— Хорошо, Илюша, сейчас приеду.

Глава 6

Илья, наверное, высматривал меня в окно, потому что не успев я захлопнуть дверь лифта, как он тут же распахнул дверь своей квартиры. Он схватил меня за руку и втащил на кухню, где зло шипел на плите чайник.

— Прости меня, Юрочка, но я действительно не ошибался, считая тебя олигофреном.

— Спасибо.

— И себя тоже. Вчера и сегодня я измучил всех, кто имеет хоть какое-нибудь отношение к кибернетике.

— К кибернетике?

— Вот-вот. Именно здесь и проявляется твое клиническое слабоумие. Что такое твои сновидения, если ты не разыгрываешь нас? Это сигналы, несущие какую-то информацию. Так?

— Очевидно.

— Очевидно! Я думаю, очевидно. Всем измученным в нашем институте я задавал один и тот же вопрос: если, скажем, одна цивилизация пытается передавать в первый раз информацию другой цивилизации, как она может привлечь внимание к своим сигналам? И все кибернетики в один голос отвечали: чтобы привлечь внимание к своим сигналам, они должны подчеркнуть их искусственный характер.

— А как?

— Вот именно, а как? И все ответили одно и то же: варьируя сами сигналы или интервалы между ними. Скажем, если сигналы поступают с интервалами в две, четыре, шесть и так далее единиц времени, можно быть абсолютно уверенным, что интервалы эти не носят случайного характера. Или интервалы меняются в геометрической прогрессии: два, четыре, восемь, шестнадцать... То же самое можно сказать о длительности или силе самих сигналов. Ты меня понимаешь?

— Как будто.

— А раз так, то мы можем сделать вывод. Твои людишки, безусловно, носители разума. Они должны понимать, что те, кто принимает их сигналы, захотят их проверить...

— Но их сигналы ведь не нужно расшифровывать. Это ж не какие-нибудь там точки и тире или кривые. Это кинофильм. Многосерийный учебный кинофильм.

— Да, но... Илья задумался, но тут же встретился.— Они должны понимать, что само содержание сновидений зафиксировать нельзя.

— Почему они обязательно должны так думать? Я не знаю, спят ли они вообще, видят ли сны. Этого я, повторю, не знаю. Но я же тебе объяснял, что они не знают, что такое мои мысли и чужие мысли. Их мысли свободно циркулируют между всеми братьями У. И я был поэтому необходим доказать кому-то, что я думал то-то и то-то, а не то-то и то-то, абсурда. Ты понимаешь, они не могут знать, что такое ложь и потому не могут знать, что такое проверка.

— Да, ты, наверное, прав,— как-то сник Илья.— Хотя попробовать все-таки стоит.

— А что именно?

— То, о чем говорили кибернетики. Частоту сигналов.

— Но сон...

— Сновидение — это и есть сигнал. Ты ж говорил мне, что в лаборатории сна умеют объективно фиксировать начало сновидения.

— Да, так мне сказали. Но что такое сон? Заснул...

— В отличие от тебя я предпринимал и любознателен. Я сегодня прочел пять книжечек о сне. Сон, дорогой мой слабоумный друг, дело не простое. Там есть свои фазы и так далее. Пойди в лабораторию, упади в профессорские ноги...

— Там изумительные ножки...

— Профессорские!

— Почти. И глаза. Серые. Потрясающей формы. И узкие ладони. Ее зовут Нина Сергеевна.

— Да, это тебе не Янтарная планета. Здесь ты сразу становишься красноречив. С ней ты, я надеюсь, договоришься о сне.

— Не говори пошлостей.

— Божь мой, какое воспитание, какие манеры! Простите, мсье. Я забылся. Икскуз ми, сэр...

Илья что-то еще продолжал бормотать, а я вдруг вспомнил, что забыл сказать ему о телепатии. Это было невероятно. Как я мог забыть?

— Илюшенька, — сказал я, — а ты знаешь, мне кажется, что они дают нам еще одно подтверждение своего существования.

— Какое?

— Они каким-то образом наделили меня способностью улавливать чужие мысли.

Илья встал и выключил газ под плевавшим паром и негодующе хлопотавшим чайником.

— Неостроумно.

— Я не пытаюсь острить. Подумай о чем-нибудь. Отвернись от меня на всякий случай. Ну, думай же, думай, если умеешь.

— «Разыгрывает или нет?»

— Да нет, Илюша, не разыгрываю. Думай всерьез. Назови про себя хотя бы какие-нибудь цифры.

— Семь... сто три... пятнадцать...

— Семь, — сказал я, — сто три, пятнадцать...

Илья повернулся ко мне, снял очки, подышал на стекла, потом долго и тщательно протирает их полкой пиджака. Мне стало жаль его.

— Давай еще. Я думаю, — пробормотал он.

— По улицам ходила большая крокодила.

— Еще, — сказал Илья.

— Тутта кават ляпидом нон ви... Если я не забыл, это значит по-латыни — капля точит камень не силой.

— Еще, — жестко сказал Илья. — Только не повторять вслух, а записать на листке бумаги. И я запишу. Давай.

Я написал: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Он взял листок и мучительно долго читал то, что я написал. Потом то, что написал он. Потом положил рядом оба листка.

— Юрочка, как же так? Ты можешь уцпнуть

меня, ударить, укусить, порезать, но не очень сильно! Как же так? Этого же не может быть. Понимаешь? Не может быть. Нет ни одного случая четко зафиксированной передачи мыслей на расстоянии. Ты это понимаешь?

— Я это понимаю.

— Так что же ты стоишь? О божь, почему мой друг так дементен? Это же... это же... это событие, значение которого не укладывается в сознании. Нет, Юрка, это все правда! Если я не сплю, в честь такого события я клянусь убрать квартиру, покрыть пол польским лаком и выучить наизусть календарь. Что я сейчас подумал?

— Что я стою, как вол, начисто лишенный фантазии.

— С ума сойти. Я уж даже не знаю, как ответить... По ромочке?

— Нет, мой друг, — важно ответил я. — В отличие от некоторых, я не могу относиться к своей голове безответственно. А вдруг алкоголь разрушает способность к телепатии?

— Ладно, бог с тобой. Я вот сейчас подумал...

Хотя зачем мне тебе говорить, раз ты и так читаешь мои мысли...

— Разговаривать все-таки привычнее.

— Знаешь, Юрочка, пока ты особенно не распротраешься о чтении мыслей.

— Почему?

— Это все слишком серьезно. Не надо делать из этого цирк. Галя знает?

— Да.

— А кто еще?

— Никто.

— Возьми с нее слово, что она никому не скажет. Обещаешь?

— Да.

— А я тоже подумаю, что нам делать дальше.

Педагог есть педагог. Я просто не мог отказать себе в маленьком удовольствии. К тому же я, если говорить откровенно, все-таки тщеславен.

— Так, подумаем, кого бы сейчас вызвать, — сказал я и встал из-за стола.

Седьмой «А» затянул дыхание. Я медленно пошел между партами, заложил руки за спину.

«Не спросит, прошлый раз вызывал», — юркнула мысль Коли Сафонов.

— Ты в этом уверен?

— В чем, Юрий Михайлович? — вскопил ставосьмидесятисантиметровый акселерат.

— В том, что не спрошу тебя, поскольку прошлый раз вызывал?

Сафонов несмело улыбнулся.

— Ну что ж, уверенность — прекрасная вещь. Раз ты уверен — не спрошу. Садись, мой юный друг.

Сафонов сел, недоуменно моргая прекрасными пушистыми ресницами.

«А я не выучила», — испуганно подумала Аня Засыпко, маленькая, чистенькая, беленькая девочка, у которой была самая длинная и толстая коса в классе, а может быть, и в мире.

— Печально, Анечка, печально, — сказал я и посмотрел на нее.

Класс встрепенулся. В мире нет более отзывчивой аудитории, чем школьный класс. Бездельники почувствовали, что на их глазах происходит что-то интересное, и на всех лицах, кроме беленького личика Ани Засыпко, был написан живейший интерес.

Аня стояла молча, маленькая, чистенькая, беленькая девочка с длинной толстой косой.

лень
бить,
слу-
на

чей
тие,
Нет,
та-
по-
арь

ран-
тме-

дли-
зой
зру-

чал...
чи-

рас-

лать

ска-

отка-
г же
-ска-

по-

ркну-

ста-

прош-

вещь,
оний

ными

Аня
явоч-
оса в

и по-

тзав-
дель-
длит
злен-
зыйш

бе-

— Ты ведь не выучила на сегодня? — играл я с ученической мышкой эдаким учительским котом.

Аня еще больше потупилась и густо покраснела, отчего сразу стала похожа на дымковскую игрушку.

— Садись, Аня. Я твердо знаю, что ты не готова, я это знал с той минуты, когда только вошел в класс, но не буду тебя спрашивать. Я не садист, я не получаю удовольствия от доек и записей в дневнике. Вот Сафонов только сейчас подумал: «Как это он узнал!» Верно, мой юный друг?

Сафонов сделал судорожное глотательное движение и так выразительно кивнул, что класс дружно рассмеялся.

— Вы видите, милые детки, сколь тщетны ваши попытки ускользнуть из моих сетей. Видите!

Класс печально кивнул. Я их понимал. Плохо, когда ты в сети. Я посмотрел на Антошина. Мне показалось, что в глазах у него тлеет заговорщический огонек. Я подошел к нему. «Хоть бы меня спросил!», — подумал Антошин. Даю вам слово, я чуть не расцеловал его от благодарности.

— У меня такое впечатление, что Сергей Антошин не прочь бы ответить. Так, Сергей?

— Я учил, Юрий Михайлович! — Антошин встал.

Он действительно выучил, мой милый Антошин. Он отвечал на четыре, но я с наслаждением поставил ему пять. В журнале и в дневнике.

Нина Сергеевна Кербель встретила меня у входа в лабораторию.

— Я не думала, что вы так быстро приедете.

— Вы назначили мне аудиенцию в четыре, а сейчас ровно четыре.

— Неужели уже четыре? Пройдитеме сюда, вот в эту комнату. Пока заведующую нет, я здесь обособалась.

Нина Сергеевна села за стол, закрыла глаза и помассировала себе веки. На носу были заметны крошечные вмятинки от очков. Я молчал и смотрел на нее. Она, должно быть, совсем забыла обо мне. Наконец, она встрепенулась, открыла глаза и виновато улыбнулась.

— Простите, я что-то устала сегодня...

— А тут еще я...

— Слушаю вас.— Она, должно быть, не хотела, чтобы я услышал ее вздох, но я услышал его.

— Нина Сергеевна, подумайте о чем-нибудь.

Она подняла свои прекрасные серые глаза и посмотрела на меня.

— В каком смысле?

— В буквальном. О чем угодно. Произнесите про себя какую-нибудь фразу.

— Для чего?

— Нина Сергеевна, будьте иногда покорной женщиной, подчиняющей свою волю мужской.

— Вы думаете, я никогда этого не делала? — Она улыбнулась своей слабой, неуловимой улыбкой.— Ну, хорошо. Задумала.

— Простите меня, но это банально. Вы подумали: что он от меня хочет?

Нина Сергеевна чуть-чуть покраснела.

— Еще раз. Что-нибудь более специальное, чтобы свести к минимуму случайное совпадение. Ага, вот это лучше. Вы произнесли про себя фразу: «Быстрый сон был открыт в 1953 году Юджином Азеринским из Чикаго». Угадал?

— Как вы это делаете?

— Не знаю. Я думаю, что это как-то связано с моими сновидениями.

— И когда вы впервые обнаружили в себе такую способность? — Манеры Нины Сергеевны сра-

зу стали напористыми, энергичными. Передо мной был уже исследователь.

— Вчера.

— И вы действительно слышите мои мысли?

— Когда нахожусь достаточно близко и концентрирую внимание. Нина Сергеевна, я ведь пришел к вам не для того, чтобы продемонстрировать свои телепатические способности...

— О чем вы говорите, я вас не отпущу. Вы даже не представляете себе, как это интересно...

— И тем не менее не это главное. Вы давеча говорили мне, что умеете фиксировать своими приборами начало и конец сновидений.

— Совершенно верно. Помните, я только что задумывала фразу, которую вы услышали... о быстром сне! Так вот, как раз быстрый сон — иногда его называют парадоксальный сон, REM-сон или ромбцефалический сон — видите сколько названий... Этот сон и есть сон, во время которого мы видим сновидения.

— И вы можете фиксировать этот сон?

— О да, несколькими способами.

— Хорошо, Нина Сергеевна. Представьте себе на секунду, что я не сумасшедший...

— Я...

— Я понимаю. Не надо извинений. Представьте себе на секунду, что мои рассказы о Янтарной планете истинны. Истинны в том смысле, что такая планета существует в реальности, а не в моем воображении. И что мои сны — это информация, которую чужая цивилизация посылает нам. Я повторяю, допустим. Так вот, кибернетики говорят, что при передаче сигналов любая цивилизация постарается сделать так, чтобы эти сигналы можно было легко выделить, чтобы были видны их искусственный характер.

— Вы хотите сказать...

— Совершенно верно. Если считать сны сигналами, может случиться, что периодичность их или интервалы между ними будут подчиняться какой-то явной зависимости. Вы меня понимаете?

— Вполне...

— Я прошу вас сб эксперименте, как о личном одолжении. Если все это окажется чистой фантазией, мы просто забудем об этом. А если нет...

— А если нет?

— Тогда подумаем.

— А мне бы хотелось посмотреть на вашу энцефалограмму во время чтения мыслей. Это может быть интересно. Во всяком случае, таких работ никто, по-моему, не делал. Хотя бы потому, что телепатии, как известно, не существует.

— Ну и прекрасно. Вы кандидат?

— Да.

— Вы станете доктором. Потом заведующей лабораторией. Потом вас выберут членом-корреспондентом. Вы будете самым красивым членкором. И все будут говорить: а, эта та, интересная, открывшая телепатию... Подумаешь, повезло просто. Попади этот Чернов ко мне в руки, я бы уж академиком стал... Все равно она интересная дама...

— Ну, раз вы гарантируете мне членкорра, я поговорю с шефом, он как раз завтра выводит после отпуска.

— А он...

— Попробую уговорить.

(Продолжение следует.)

«Надо уметь
воспринимать поэзию...»

Уважаемая редакция!

В «Юности» я больше всего люблю читать стихи. Читаю, ищу то, что нравится, и сама себе удивляюсь. Я теперь люблю и ищу стихи совсем не такие, как раньше. Думаю иногда: какие же это «стихи»? Очень часто даже и рифмы нет и содержание постигаешь не сразу. Многие современные стихи читать нелегко. Они трудные. А вместе с тем, мне кажется, именно в таких трудных стихах заключена большая поэзия. Я люблю читать и перечитывать стихи А. Вознесенского, люблю творчество Д. Самойлова... Учю наизусть, чтобы читать друзьям. Спрашиваю: «Здорово?» И что же получаю в ответ? Очень многие прямо с жестокостью отрицают мои самые любимые стихи. Например, мой сосед, вполне добрый человек, хороший инженер, очень ругает А. Вознесенского и не признает некоторые стихи Д. Самойлова, по существу, совсем не трудные, а просто глубокие. Говорит, раз он их не покладает, то и писать и печатать их нечего. Для него это просто «наборы слов». А я чувствую, что это стихи настоящие и гораздо лучше, чем те, которые он хвалит за «простоту». Чувствую, но объяснить не могу. Это как «серьезная» музыка, которую он тоже не признает. Наверное, надо как-то помогать людям, учить их воспринимать поэзию, рассказать об особенностях поэтической мысли, об обязанностях читателя. Ведь не только поэт «должен»...

Пожалуйста, почаще публикуйте в «Юности» беседы о поэзии.

г. Саратов.

Гая К.

КОСМАТАЯ ЛЬВИЦА

В редакция «Юности» мне показала письма читателей о стихах и предложила тоже высказаться. Я вспомнила многие статьи такого примерно типа: читатель жалуется на ту или иную несообразность, логическую неувязку в стихах; а критик, литературовед или лингвист-консультант ему разъясняет: что в стихах можно, а что нельзя, какие поэтические вольности позволял себе классик. Особенно часто ссылались в подобных статьях-консультациях на пример с косматой львицей из поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон». К ней прибегали так часто, что львица эта постепенно превратилась в

своего рода наглядное пособие. Казалось, и прыгала она главным образом в учебно-педагогических целях. Вот это место из «Демонов», превратившееся в общее место литпросветительских статей:

И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел...

И я подумал: если вступать в беседу с читателями стихов, прежде всего надо твердо запомнить — ни в коем случае не прибегать к пресловутой львице, она свое отработала.

А зайдет речь о поэтических вольностях — прикести какой-нибудь другой пример. Допустим, высказывание Маршак:

«Поэт может пойти на любую смелость, вольность, нарушение. Это как гормоз в поэзде. Можно разбить стекло и нажать — но только из-за большой, значительной причины».

Впрочем, в письмах, присланных в редакцию, речь идет не столько о поэтических вольностях, но — больше всего — о традициях и о новаторстве. Возможно, в связи с тем, что в № 9 «Юности» за 1975 год были опубликованы ответы нескольких критиков и литературоведов, занимающихся поэзией, на вопрос о том, как они понимают традиции («Русская поэзия сегодня...»).

Вот большое письмо Виктора Маяковского из г. Миллерово, Ростовской области. Он подробно говорит о развитии традиций русской поэзии, ее извечной связи с народным творчеством. И добавляет: «А форма стихосложения может быть разной...»

По этому вопросу у читателей, пожалуй, больше всего разногласий.

В письме Эммы К. (она не указала своей фамилии) из Костромы о традиции русского стиха сказано особенно резко. Перед нами довольно распространенная точка зрения, но в самом крайнем выражении.

«Стихи... пишет она,— люблю четкие и мерные. Чтобы сразу видно было: се стихи, а не проза. И вообще поэзию можно сравнить с дорогой: кому нужны всякие ухабы да колдобины? Мой любимый поэт — Лермонтов... Вы только вслушайтесь в первые строки стихов: «Отворите мне темницу», «В пашке золота литого», «Ночевала тучка золотая», «Как-то раз перед полночью...» Стих течет ровно-ровно, он просится на музыку, да ведь многие лермонтовские стихотворения и стали романами. Начнешь, например, читать «В минуту жизни трудную» — и как дойдешь до строк:

С души как бремя снятисся,
Сомненье далеко —
И верится, и плещется,
И так легко, легко...—

то думаешь: вот так только и надо писать — легко, легко! А поэты — от Маяковского до Вознесенского — только ломают стих, деформируют его».

Совершенно согласен с читательницей Эммы К. и тоже люблю эти стихи и всегда твержу их «в минуту жизни трудную». Но вот почему она думает, что писать нужно только так и что Лермонтов по-настоящему не писал? Ведь не все же его стихи катятся «легко, легко». В самом деле, тот же поэт, которому принадлежит это стихотворение, написал:

Горе тебе, город Казань,
Едет толпа уральцов
Сбирать невольную дань
С твоих беззаботных купцов,
Вдоль по Волге широкой
На лоцке плывут,
И веслами дружными плещут,
И песни поют.

Здесь иной принцип: нет строгой упорядоченности ударений; стих не силлабо-тонический, но «акцентный».

Моя мать — злая кручина;
Отцом же была мне — судьбина;
Мои братья, хоть люди,
Но хотят к моей груди
Прижаться.
Им стыдно со мною,
С бедным сиротою,
Обиаться.

И это тоже Лермонтов.

Колокол стонет,
Девушка плачет,
И слезы по четкам бегут.
Насильно,
Насильно
От мира в обители скрыта она...

И это написано им же — Лермонтовым.

Вообще наивно представлять, что Жуковский, Пушкин, Лермонтов писали только правильно, четко, мерно, а потом являлись Маяковский, Цветаева, Асеев и все «разломанная». И у Жуковского, и у Пушкина, и у Лермонтова, да и у Тютчева наряду со стихами «правильными» есть самые разные опыты, есть стихи в народнопоэтическом духе, строки, звучащие совсем не «легко, легко».

Общда, когда в спорах о поэзии классики используются лишь как аргументы против отклонений, нарушений, отступлений, «вольностей» и т. п. Они ведь не просто «регулирующие» стиха, но и пролагатели новых путей в поэзии.

Конечно, когда мы читаем сегодня разухабистые, развязные, расхристаные по форме стихи с произвольно «парубленными» ступеньками — за такие классики никакой ответственности не несут. Но ведь есть и другие стихи — «неправильные», по правомерным!

Может, может быть, когда-нибудь
дорожкой зоологических аллей
и она — она зверей любила —
она зверей любила —
улыбаясь, тот же ступит в сад,
вот такая, как на карточке в столе.
Она красивая — ее, наверно, воскресит.

Здесь другой разбег строки — в стихах из поэмы Маяковского «Про это». Но разве не ощущается тут своя ритмическая природа, своя непростая «плавно-ность», сила, заразительность?

А главное, у автора этих стихов есть свои предшественники, и те опыты, которые делал поэты прошлого века, те неправомерности, неадаптации, нарушения, к которым они сами прибегали, подготавливая многое в русской поэзии XX века.

Не стоит ополчаться на искушение отступление от принципа «гладкости» стиха и ссылаться при этом на имена великих.

У Радищева в оде «Вольность» есть строка:

Во свет рабствѣ тьму претвори...

Сам автор писал об этом стихе: «Он очень туг и труден на изречение ради частого повторения буквы Т и ради сонита частого согласных букв <т>, а на российском языке только же можно писать гладко, но, как и на итальянском... Согласен... Хотя ныне почла стих сей удачным, находя в негладкости стиха изобразительное выражение трудности самого действия...»

Дело не в самой строке, действительно довольно тяжелой, но в принципе: и затрудненность стиха может быть выразительной.

В общем, не так просто быть классиком, как они выглядят иногда в наших ссылах на них.

Речь идет не только об уважении к классикам. Искусство — и древнее и молодое — заслуживает к себе внимательного и серьезного отношения.

Некоторые читатели пишут об авторах стихов чуть ли не как о каких-то обвиняемых. Вот, например,

Виктору Лютикову (Магадан) не понравилась стихотворная подборка А. Вознесенского. Свой отзыв он никак не обосновывает, а только ссылается рутельственно, из которых «бред сумасшествия» — еще не самое крепкое.

Имя Андрея Вознесенского вызывает споры, амплитуда читательских мнений тут особенно велика. Это, наверное, не случайность — здесь проявились и особенность дарования поэта с его полемичностью, остротой, антиштампами, с его обостренным чувством неприятия бавального, примелькавшегося и с его стремлением все увидеть, понять, передать по-своему.

То, что о нем спорят, хорошо. Плохо другое: когда читатель со снисходительным видом начинает разъяснять поэту, в чем у него «перебор», насколько нужно снизить долю неологизмов, как упростить рифму, вырывать ритм и т. д. и т. п.

Маяковский в одном из подобных случаев восклицал:

...вот вам, товарищи,
и можете писать сами!
мое стило.

Мой приятель-дизайнер соорудил своему сынишке «канатную дорогу» из ниток, по которой носились бумажные самолетик. На другой день видит, самолетиков нет, один только оброк из бумаги. Спрашивает сына, тот мнется, а потом говорит:

— Я их немножко поправил: обрезаю пропеллеры, укоротил крылышки и оторвал хвостовое оперение.

Некоторые читательские отзывы о поэтах (к счастью, их не так много) напоминают такой просто-душно-детский подход: взять поэта, как говорится, за основу, но подубрав кое-что — от пропеллера до хвостового оперения.

Мы говорим о читателях стихов. Но вот особый случай. В альманахе «Поэзия» № 15 за минувший год, в разделе «Читатель переиначивает», напечатана статья о Вознесенском под названием «Пять шестых «взгляда» на тень звука». Принадлежит она Владимиру Вигилянскому — студенту Литературного института имени А. М. Горького. Иначе говоря, не просто читателю, но в перспективе — литератору, критику, поэтическому эксперту.

Сам он в начале статьи пишет: «Я неускушенный читатель...» (стр. 201). Но в середине статьи — уже такие строки: «Неускушенный читатель, каким и я был в недавнем времени...» (стр. 209). «В недавнем времени» — по-видимому, когда только садился за эту статью.

В общем, перед нами не простой, а искушенный, хотя и с недавнего времени, читатель.

Написана статья лихо, с юмором, иронией тут, грубо говоря, навалом. От всей поэзии Вознесенского автор камня на камне не оставляет. Но странное дело: когда дочитываешь статью до конца, чувствуешь, что твоё отношение к поэту осталось прежним, а вот к критику по мере чтения изменилось и не в его пользу.

Главная мысль статьи Вигилянского: все пишут о таланте Андрея Вознесенского, а вот ему, читателю-критику, найти этот талант никак не удается. «Многое в нем (в поэте), правда, мне непонятно...», — проницательно замечает Вигилянский, — но это — ничего, — я же знаю, что «ужоужастенный образ его зачастую, как айсберг, пять шестых поэтической силы скрывает в темной глубине недосказанности».

И даже таланта Шерлока Холмса не хватит на то, чтобы отыскать эти пять шестых.

Насчет Шерлока Холмса сказано — совсем остроумно, до не совсем к месту: знаменитый сыщик поэтического таланта не отыскивал — он понимал, что для этого требуется другая квалификация.

Как же ищет литстудент Вигилянский эти недостающие пять шестых таланта поэта?

Он выписывает сплошь, подряд (по тому же методу, каким цитировал своих оппонентов) неологизмы Вознесенского, вульгаризмы, иностранные слова, научно-технические слова, «великие имена» и просто цифры: например, «1945, 3 000 душ, 43°, 30 метров...» и т. д. Выписав добросовестно целую колодку «числительных», он восклицает: «Вот они, вот они наконец наши дорогие пять шестых».

Не знаю, на каком курсе учится студент Литинститута: если на первом, то ему еще предстоит узнать, что таким «наборно-перечислительным» способом поэтические произведения разбирать нельзя. Если он уже выпускник, то пусть постарается припомнить, что говорилось по этому поводу на теоретических занятиях и практических семинарах.

Один из самых суровых упреков, которые он предъявляет поэту, — у А. Вознесенского слишком много повторов. Вначале, мол, поэт пользовался ими острожно, но, как говорится, дальше — больше. «Слова и выражения, — негодует латинчик, — уже повторяются по семь раз (выражение «Гонимый, гоу хом»), по девять раз (выражение «разъярил мне язык»), по одиннадцать («я тебя люблю»), двенадцать (слова «Мир» и «испытатель»), тринадцать («по бола-там»), восемнадцать («ищет»), девятнадцать («триш») и т. д. И все это, уточняя, не во всех стихах сразу, а в каждом стихотворении в отдельности».

Действительно, просто ужас какой-то! «Я тебя люблю» — в одном стихотворении 11 (одиннадцать) раз. Ну, употребит это слово 2—3 раза, от силы 5—6, как отдух 7—8, но одиннадцать — ни в какую, ни за что. Вигилянский категорически против.

Не собираюсь сопоставлять критикуемого поэта с классиками, а просто хочу посоветовать Владимиру проделать такое упражнение: подсчитать, сколько раз употребляет слово «сад» в поэме Блока «Соловьиный сад», сколько раз — «хорошо» в поэме Маяковского «Хорошо!» и т. д. и т. п.

У Чехова в записной книжке есть заметка: «Когда я перестал пить чай с калачом, то говорю: аппетита нет! Когда же перестал читать стихи или романы, то говорю: не то, не то!»

Вот еще несколько чеховских записей — на ту же тему.

«Н всю жизнь писал известным певцам, актерам, писателям рутельные письма: «Ты думаешь, подлец...» и т. д. — без подписи».

Обывательский голос: «Что? Писатели? Хочешь, я за полтинник сделаю тебя писателем?»

«Решительно обо всем: что ж тут хорошего! Тут ничего нет хорошего!»

Как зарок самому себе: «Боже, не позволяй мне осуждать, или говорить о том, чего я не знаю и не понимаю».

И еще одна чеховская заметка: «Какое наслаждение уважать людей! Когда я вижу книги, мне нет дела до того как авторы любили, играли в карты, я вижу только их изумительные дела».

Есть у нас разновидность читателя, зрителя, слушателя, который бравирует своим непониманием и, подобно чеховским персонажам, непрерывно восклицает: «Не то, не то! Тут ничего нет хорошего!»

Вспоминается девушка, которая говорила, пожимая плечами:

— Ну, что Светлов? Знаменитая «Гренада» начинается: «Мы ехали шагом, мы мчались в боях...» Так что ж, в конце концов, — ехали или мчались?

Помню другой отзыв — о строке Маяковского: «По длинному фронту купе и кают...». Как это вдруг смешался суша и море?

Что уж тогда сказать о лермонтовском «Парусе»: «В тумане моря голубом», «ветер свищет», «луч солнца золотой...» Туман, буря, солнце — любой синоптик запутается: неразбериха.

И только огромным усилием воли я отказываюсь от примера с косматой львицей.

Аркадий Райкин рассказывал, как один художник, глядя впервые на Сикстинскую мадонну Рафаэля, вдруг заявил:

— А знаете, вот не производит она на меня никакого впечатления.

И стоявшая рядом Ф. Г. Рапевская заметила:

— Она уже столько веков производит впечатление, что может выбирать: на кого ей производить, а на кого — нет.

Каким бы ни был поэт — древним или новым, маститым или молодым, — не надо смотреть на его стихи взглядом придирчивого товароведа, ищущего брак.

Вспомним слова Твардовского, автора «Василия Теркина», сказавшего о своей книге:

Что ей критик, умник тот,
Что читает без улыбки,
Идет, нет ли где ошибки,
Горе, если не найдет.

Лариса Должикова (Москва) пишет о книге стихов А. Самойлова «Волна и камень» — о главах из поэмы «Последние каникулы», завершающей сборник. Особо ей не понравились глава «Смерть лося».

«Сначала», — говорит она, — еще много что-то понять: какой-то охотник, выдать, браконьер, подстрелил лося. Но дальше!

...Лось-куст и лось-туман,
Лось-деревю, лось-темень,
Лось-зверь, и лось-растенье,
И лось-самообман...

Пыталась я сначала над всем этим ломать голову, связывая «куст» со «зверем», а «туман» — с «самообманом», но потом подумала: стоит ли? К чему? Здесь ведь такого наворочено, что сам, простите, черт ногу сломит, где уж мне!

«Последние каникулы» — странная, фантастическая поэма. Придаться к ней легко. Автор рассказывает, как он отправился путешествовать с Витом Ствошем, польским скульптором, который жил пять веков назад. Знаменит Вит Свош резным алтарем костела в Кракове.

Помню, как наша туристская группа застыла перед деревянными фигурами алтаря. Мы стояли неподвижно и в эту минуту, наверно, тоже напоминали деревянные фигуры. А те фигуры, изваянные, стояли как живые.

Старая женщина-гид говорила о Вите Ствоше, о судьбе алтаря — одного из чудес света: фашисты увезли его во время войны, затем его долго разыскивали, нашли в одном из подвалов Нюрнберга и возвратили на свое место — в Краков, в Марицкий костел.

«Презрев времена», поэт отправляется со старинным мастером в дальний путь — они идут в преславный город Нюрнберг. В красноватом свете костра появляется черный лось.

Роскошный рог над ним
Стоял, как мощный дым.

На фоне черно-чистого леба рог светится ветвистым созвездием. И мастер сокрушается, что не изваял этого «беззащитно-сильного» зверя за плечом Марии. Но гремит выстрел, лось рухнул, его рог в черной траве, как «лапаторник черный».

Охотник радуется: «бык» пудов на пятнадцать мяса.

Он сел и закурил...

Для нас погибель зверя —
Начальная потеря,
Начало всех потерь.

— Сняжи мне, мастер Вит!
Как при таком мериле
Плечо святой Марии
Кого-то заслонит!

Нам с Витом не спалось.
И мы лесною тропкой
Пошли, и тонью робкой
Плыл перед нами лось.

Лось-куст и лось-туман,
Лось-деревю, лось-темень,
Лось-зверь, и лось-растенье,
И лось-самообман...

Бывает так: стихи кажутся непонятными, и вдруг, как тут — «лось-куст» и «лось-туман» свяжутся воедино, и уже перед нами плывет образ, переливаясь разными значениями. Здесь это тень, укор, напоминание об убитой красоте; образ сливается с картиной ночного леса, неясного предутреннего тумана.

В письмах читателей о стихах часто повторяется такой оборот: «Я не понял — зачем напечатано?» То есть, если я не разобрался, это уже и не существует и существовать не должно.

А вот совсем другое письмо. Читательница А. Г. критикует Юнгу Мориц за стихотворение «Золотые дни». Но в конце письма замечает: «Не думаю, что если я не приняла эти стихи, то их и писать и печатать не надо».

Это хорошо, когда ценитель стихов — и читатель и критик — не считает себя самой последней инстанцией.

Ученица 10-го класса Надежда Жеребятникова хвалит в своем письме стихи Льва Коскова и подборку Валентина Сорокина в 10-м номере «Юности» за 1975 год. Пишет о себе. Любит стихи. Ей 17 лет. Тут я взял карандаш и стал считать. Значит, родилась Надежда в 1958 году. Что же получается? Когда появилась поэма Андрея Вознесенского «Мастера», ей был один год. Стало быть, имена Вознесенского, Окуджавы — для нее уже что-то старомодное! А Д. Самойлов или М. Лылов совсем нечто вроде Державина и Хераскова?

Один старый чтец с обидой рассказывает: «Иду я по площади Маяковского. У памятника поэта — небольшая группа юношей и девушек. Читают друг другу стихи. Я подошел к ним расстроженный, говорю: как это замечательно, а вы знаете, я ведь видел живого Маяковского! Удивились. Я стал делиться воспоминаниями, увлекся, и тут одна девочка, маленького такого росточка, вдруг восклицает: «Ой, как интересно! Дяденька, а вы с Некрасовым были знакомы?» Я рассердился, плонул и ушел...»

Время идет, читатели и критики, радуясь тому, что есть, жаждут новых, завтрашних поэтов. Добро пожаловать!

Откажемся от каких бы то ни было пророчеств и прогнозов. Как говорят осторожные спортивные обозреватели: пусть победит сильнейший.

Заметим только: чем уважительнее будет наше отношение к стихам, к трудному ремеслу поэта, чем свободнее будет атмосфера от мрачной предвзятости и подозрительности, от раздраженных выкриков «Не то, не то!», тем скорее можно ждать появления лосей-талантов.

Прав поэт Лев Озеров:

Не упивайся словесами,
Жизнь убедит нас оият;
Талантам надо помогать —
Бездарности пробуются сами.

3. ПАПЕРНЫЙ

Инна Кашежева

Уехать куда-нибудь в глушь,
где, как в детской сказке, красиво,
и речки серебряный уж
в стога уползает лениво.

Все это, наверное, блажь.
Собрать бы нехитрый багаж
и — в Тмутаракань без возврата.

Навеки.
До смерти.
Была ж
подобная область когда-то.

Все это, наверное, миг.
А мир нереально велик —
лишь только шагни от порога.

Недаром от книжных вериг
меня и собратьев моих
уводит любая дорога.

Углич

Мы приехали в полночь,
Летом пахло от улиц,
Волга сжала, как обруч,
берега твои, Углич.

Опрокинуты навзничь
фонари у причала,
их как будто бы на ночь
рябь воды укачала.

Этой первую ночью
после долгой дороги
молодые мы очень
от любви и от Волги.

Мы сбежали по сходням.
Наконец мы у цели,
наконец мы посмотрим,
Углич, все твои церкви.

В храме, строгом и сонном,
где безмолвствует каждый,
«ссылный» колокол все нам
безъязыко расскажет.

Повторит слово в слово
от сказаний до писем
времени Годунова,
словно пушкинский Пимен.

Чем сейчас ты украшен,—
незнакомые, в общем,—
угличане укажут
с круглым оканьем волжским.

Полусон, полуправда...
Расставания горечь...
Только это все — завтра,
а пока еще — полночь.

Мне
не хватало крыльев,
бесстрашия и сил,
когда
Кайсын Кулиев
летать меня учил.

Быть может,
так не учат,
как он учил тогда:
взмывал,
врезаясь в тучи,
и звал меня туда.

И, как пролог к полету,
он повторял одно:
— В хорошую погоду
летать немудрено.

И, улыбаясь странно,
твердил учитель мой:
— Взлети-ка
выше страха,
выше себя самой.

Не подражай мне слепю,
лети своим путем.
А падать —
так уж с неба,
чтоб не жалеть потом!

Чтоб не смотреть подолгу
на небо
за окно...
В хорошую погоду
летать немудрено.

Лечу,
не подражая
размаху четких строк,
но честно продолжая
его крутой виток.

Ата Атаджанов

Голубое солнце

Ты называешь солнце желтым. Зря!
Оно сияет, синью отливая!
Взгляни получше: и сама земля,
Как море и как небо, голубая.

Сегодня мир голубизною полн,
Которая в твоем ликует взоре.
И я на синих гребнях синих волн
Лечу, с голубокрылой чайкой споря!

На аллее, где раскрываются почки

Где ты затерялась, молодость моя!
Где, в каком ущелье! Не заметил я.
Я и не заметил, так скажи на милость,
Где остановилась! Где со мной простилась!

Может, на развилке в дальней стороне!
В солнечной долине! В горной вышине!
Иль в степи бескрайней выцвела травой!
Как же я расстался, молодость, с тобою!

Может, ива ветку протянула мне!
Иль взметнулся белый гребень на волне!
Что молочно-лунной ночью начинали
Говорить мне робко листья на чинаре!

Где ты затерялась, молодость моя!
В поиске объездил многие края —
Тщетно... А сегодня заглянул в аллею,
Где раскрылись почки, — и столкнулся
с нею...

Вновь ко мне вернулась молодость моя!
И пошел я дальше, счастья не тая.
Поздравляя ветки с праздничным нарядом,
Молодость со мною зашагала рядом.

К дьяволу морщины, к черту седину!
На ходу слагаю песенку одну,
Про весну, про молодость я пою, волнуясь.
Слушай, моя молодость!
Ты не зря вернулась!

Перевел с туркменского
О. ДМИТРИЕВ

Татьяна Ульянова

Сын со мною по лесу бродил...
Вдруг остановился у обочины:
«У тебя такой окопчик был!» —
Он спросил меня сосредоточенно —
Здесь — связист, а тут вот — телефон... —
Показал и не ошибся он!

Жаль, нельзя их возвратить
К матерям, к друзьям бывалым...
Спят солдаты на пути,
А ведь лет им очень мало.
Время движется вперед,
Серебрят виски живущим.
Память лишь зовет, зовет...
И она, как лес, все гуще!..

Снаряды называли огурцами,
Хозяйством — полк,
Солдат — бойцами...
Менялись позывные каждый час,
И мы меняемся сейчас!
Меняемся, мужая — не старея,
И коль покинут силы, все равно —
Рванемся, перебором, одолеем...
В документальном снимемся кино!

Матери военных лет

Наши матери тем и жили,
Что по-братски горе делили.
Знали беды, нужду, утраты,
Были стойкими, как солдаты...

Но за это награда не просят,
А по-прежнему сеют, косят!..

И все же радуга согнулась,
Хоть семицветная она...
А я и в горе улыбнулась,
Пусть горе выпила до дна.
А я и в горе распрямилась,
И не согнет меня беда.

Зачем ты, радуга, явилась,
Зачем исчезла без следа!..

Елене Ананьевой 18 лет.
Она москвичка,
недавно окончила
десятилетку.

Этот пасмурный день я представляю себе,
как открытую в росу калитку,
и от белых берез к незнакомой звезде
протяну бирюзовую нитку...

Я рукою коснусь голубых голубей,
и коснусь я рукою заката...
Только ты, дорогой, приходи поскорей
к тем березкам, как было когда-то.

В опустевшем вижу я лесу,
как скользит меж веток паучок,
крепко держит небо на весу,
прочно вяжет нити на сучок.
Над поляной долго листопад
кружится, как птица над гнездом.
Красоты суровой хмурым взглядом
я выдерживаю, но с трудом...
И деревьев нежное тепло
я в душе отсюда унесу
бережно, как тонкое стекло.
В опустевшем я брожу лесу...

Совенок

Желтоглазый, серый совынок,
Несмышленный, наивный чудак!
Ты дождался бы хмурых потемок,
А не лез среди дня наугад.
Доиграл бы до ночи в молчанку,
Отсиделся на старом сучу
И дослушал ворон перебранку
И шуршанье травы на лугу.
Ведь задолбай кривыми когтями,
Глаз невидящий вырвут из век,
И тебя не успеет руками
Защитить от беды человек!
Желтоглазый, серый совынок,
Несмышленный, наивный чудак,
Набирайся скорее силенок,
Не летай среди дня просто так!

Жеребенок

По просторам дуновеньем ветра
пролетает стройный жеребенок,
В тишине молочного рассвета,
лошадиный, ласковый ребенок...
Из туманной непроглядной дали,
разлетевшись в недоступном беге,
Порожденные озорства, печали,
тень живая на весеннем снеге.

Ты узнаешь утомленье зноя,
и полныи горькую усадю,
И светило скифское степное,
и туманов зябкую прохладу.
А пока леги над тихой далью,
черногровый, резвый стригуночек,
Не споткнись, не падай на дороге,
как осенний умерший листочек!

Как приходят сумерки, вы слышали,
как скользят над городом, над крышами,
а фонарное смущенное свечение
создает иллюзию движения!..
Что такое сумерки, вы знаете,
отчего по вечерам мечтаете,
и луна проводит нежно пальцем
по таинственным душевным пальцам!..
Глядя на неясные созвездия,
я спрошу: «Судьба моя — поэзия!..»

Колыбельная

На прозрачном стекле дождинки —
как из синего глаза слезинки,
словно блестя на платьице стареньком...
Ты не плачь, ты не плачь, мой маленький!..
Не горюй, не грусти по-осеннему,
по лучу золотому, последнему!
Лучше в сизые сумерки эти
вспомним вместе о радужном лете,
о веселой весенней проталинке...
Ты не плачь, ты не плачь, мой маленький!..

Продрогший ветер возьму руками,
просторы неба волью в глаза...
Какая сила кружит мирами,
где нет начала и нет конца!..
Я над пустыней пройду дождями,
коснусь и неба и низких рек...
Какая сила кружит мирами,
и что ты можешь — человек!..

Над океанами, над морями
я дольше сфинкса смотрю во тьму...
Какая сила кружит мирами —
непостижимо никому...
Какая сила Вселенной служит!
И разум всюду ль сильнее тым!
Какая сила мирами кружит,
Какая сила! И чтой ей мы!..

«ЗНАЕТЕ, КАКИМ ОН ПАРНЕМ БЫЛ...»

Восемь лет спустя после полета первого человека в космос американский астронавт Нейл Армстронг, первым из землян ступивший на Луну, сказал: «Он нас всех позвал туда». Он — это Юрий Алексеевич Гагарин, «Космонавт № 1», пятнадцатилетие подвига которого в апреле будет отмечать весь мир.

Автору печатаемых нами заметок Виктору Порохне посчастливилось не только учиться и жить вместе с первым космонавтом, но и наблюдать, как росло и крепло у молодого Гагарина желание связать свою судьбу с авиацией, с космосом.

Виктор Сидорович Порохня в 1951—1955 годах учился вместе с Юрием Алексеевичем Гагариным в Саратовском индустриальном техникуме. Затем он работал в Казахстане и на Украине, окончил институт, аспирантуру. Сейчас В. С. Порохня — доцент Московского авиационного института имени С. Орджоникидзе. Его дружба с Ю. А. Гагариным не прерывалась и в последующее время, вплоть до 1968 года.

Встречи с Ю. Гагариным, другими космонавтами, поездки на космодром, наблюдения во время запусков космических ракет дали Виктору Сидоровичу Порохне богатый материал для книги «Дорога на Байконур», которая вскоре выйдет в издательстве «Казахстан».

В прошлом, 1975 году, будучи в Москве с группой школьников, ко мне зашла Анна Павлова Акулова, которая на протяжении всех четырех лет моей учебы в Саратовском индустриальном техникуме была нашим классным руководителем. Независимо от своего преклонного возраста, она осталась все такой жестройной, сильным духом, общительной и любознательной.

Незаметно пролетел вечер. А мы с Анной Павловой, рассматривая содержимое семейных фотоальбомов, все вспоминали Саратов, группу и, конечно

же, Юру Гагарина. Наибольший интерес у нее вызвали две фотографии. Когда она их увидела, тут же сказала:

— Узнаю шаловливое племя. Видно, многого я не знала о вас, когда вы были моими подопечными. Ну, как, выкладывайте, что это за шутки.

На снимке: Юрий Гагарин — студент техникума.

«Я им сделал «рожики»... Снимок, публикуемый впервые, выполнен Гагариным.

Из архива автора.

Пришлось восстановить в памяти события июня 1952 года. Успешно завершена экзаменационная сессия. Первый курс позади. «Проскочили» все, даже математику. Ее вела сама Анна Павловна, суровый экзаменационный почерк которой мы сполна ощутили еще в первом семестре. Сегодня вечером всей группой идем на Волгу. А завтра!.. Ох, как долго мы ждали этого завтра. Завтра каникулы. Целых два месяца будем свободны от всех «пут» техникумовского бытия. А тут еще вдобавок — чудная летняя саратовская пора. Ну как не радоваться всему этому, как не подурчаться. Все это и нашло свое отражение на двух фотокартонках.

Когда Юра вышел на крыльцо общежития, чтобы сфотографировать ставших на подоконник нашей комнаты ребят, я им сделал «рожики». Этот момент попал в первый кадр. Затем я выскочил во двор, просунул голову у Юры меж ног и стал его поднимать. Эта поза «запечатлена» вторым кадром, сделанным Николаем Тезиковым. Глядя на эти фотографии, по довольным, веселым лицам Анна Павловна поняла наше состояние в тот день...

Подожла вызванная машина. Анна Павловна уехала к своим подопечным. А я все не мог уснуть. Память ворошила страницы прошлого, в котором волей обстоятельств мне пришлось повстречаться, жить, учиться и дружить с человеком, чье имя ста-

ло гордостью человечества, — с Юрием Алексеевичем Гагариным.

Вот как это было.

В тяжелые послевоенные годы детям семей, которые потеряли отцов, жилось особенно нелегко. Многие пошли работать в 12—13 лет. Такая же участь постигла и меня. Если же у кого-то тяга к знаниям была большой, спасение находили там, где обучали, одевали и питали бесплатно. А это прежде всего военные и ремесленные училища.

Получив в ремесленном училище специальность формовщика-литейщика 5-го разряда, я, как отличник учебы, был направлен в Саратовский индустриальный техникум трудовых резервов. Здесь 11 августа 1951 года я впервые повстречался с моим сверстником из Люберецкого РУ Московской области Юрой Гагариным.

В Саратове всех прибывших для поступления в техникум поселили в общежитие. Это был красивый кирпича старый двухэтажный дом в центре города на улице Мичурина. Жили мы в первом этаже, а наверху помещался спортивный зал. По тем временам это было добротное здание с красивыми чугунными колоннами. Колонны были отлиты нашими коллегами — учащимися Александровского ремесленного училища, одного из первых в Поволжье. Сейчас это здание снесено, и на его месте построено современное девятиэтажное общежитие техникума. И если нам пришлось четыре года жить всей группой в 13 человек в одной комнате, то в новом общежитии студенты живут по два-три человека вместе.

Когда из выдержавших приемные экзамены абитуриентов создали учебную группу литейщиков, в нее без испытаний были зачислены как отличники учебы в школе и училище три неразлучных — как мы их называли — москвичка: Юрий Гагарин, Тимофей Чугунов и Александр Петушков. Эти ребята должны были сдать вместе с нами только квалификационную пробу по литейному делу. По заказу городского коммунального хозяйства и для нужд техникума мы изготовляли решетки заборов. Ночички сами в литейной мастерской техникума готовили формовочную смесь, плавили в вагранке чугун, заливали его в формы, вытаскивали и вечером обрабатывали готовые решетки. Заказ был успешно выполнен, и мы потом часто с гордостью проходили мимо парков города, набережной Волги и своего общежития, которое тоже обнесли чугунной оградой, сделанной нами.

В группу литейщиков зачислили 35 человек. По ходу учебы одни не выдержали сурового техникумовского распорядка, другие — тяжелой учебной нагрузки, третьи были призваны в армию. Поэтому группа очень быстро таяла, и вскоре в ней осталось всего 13 человек. К этому времени все мы переселились в одну комнату.

В нашей группе Гагарин, я и Женя Стешин, сталинградцы, пробывший все годы войны в своем городе, были самыми юными — каждому по семнадцать лет. Многие наши старшие товарищи прошли суровую школу жизни — войну, работу на полуразрушенных предприятиях. Некоторые из них были женаты, имели детей. Учеба им давалась очень тяжело. Но они настойчиво занимались. Нам же, молодым, после несвоего военного детства иногда хотелось погулять. Порой все казалось ничем. Увлекшись в начале учебного года спортом, я забросил занятия и хватали несколько доек по математике. Положение стало критическим, грозило исключение. И тут мне на помощь пришел Юра.

Хорошо знавший математику, он стал регулярно заниматься со мной, часто мы засиживались далеко

за полночь. Вместе со мной он готовил уроки вслух. После того, как теорема была несколько раз прочитана, он закрывал книгу и говорил:

— Теперь извлекай теорему из своего серого вещества. В учебник не подглядывай!

После повторения задачу мы решали врозь, а коррективы вносил Юра, как заправский учитель. И какая для нас обоих была радость, когда все экзамены первой сессии я сдал успешно.

Во втором семестре наш курс завязал дружеские отношения со студентами пединститута, учебный корпус которого стоял напротив нашего общежития. Студенты-филологи создали у нас кружок художественного слова. Юрий был одним из первых его участников. Он очень любил стихи Пушкина и Некрасова.

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины:
Орел, с отдаленной поднявшийся вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отсюда я вижу потоков рождение
И первое грозных обвалов движение...

Эти чеканные пушкинские строки Гагарин громко декламировал нам по вечерам.

Время летою очень быстро. Уезжая на каникулы, мы с Юрием увозили с собой награды за отличные успехи и примерное поведение — похвальные листы. Товарищеская помощь Гагарина позволила мне из отставшего стать отличником.

За лето все мы соскучились по нашей дружке!

«Затем я стал поднимать Юру». Снимок, публикуемый впервые, сделан Н. Тетюхиным.

Из архива автора.

студенческой семье. Приехав в необжитые холодные комнаты общежития, устроили в честь встречи пир из домашних припасов. И всю ночь напролет говорили — вспоминали детство, мечтали вслух о будущем. Уже тогда Юра с увлечением говорил о небе, о своем желании стать летчиком. Ему нравились форма, выправка, дисциплина летчиков, скорость и высота полета самолетов. Узнав о моей неудачной попытке поступить в спецшколу ВВС, он убежденно сказал:

— Наше все еще впереди.

И действительно, в декабре 1952 года мы с ним стали слушателями отделения пилотов учебного центра. Но недолго длилось первое наше знакомство с авиацией.

Тем временем продолжались занятия на втором курсе. Появились новые дисциплины, преподаватель физики Николай Иванович Москвин организовал физический кружок. В основном в него вошли ребята нашей группы. Обстановка в кружке была творческая. Николай Иванович рассказывал нам о многих интересных открытиях, об ученых, давших миру изобретения, которые прославили их на века.

Всех кружковцев потряс рассказ Москвина о революционере-народнике Николае Кибальчиче. Изготовленной им бомбой в 1881 году был убит царь Александр II. Окидая исполнения приговора, Кибальчин в камере Петропавловской крепости на чертил схему реактивного летательного аппарата. Это было гениальным предвидением молодого ученого.

По многим вопросам в кружке зачастую вспыхивали споры. Особенно жаростые дебаты разгорались у Москвина с Юрием. Юра, чтобы доказать свою правоту, переворачивал сотни страниц научных книг, ставил опыты в пределах возможностей нашего кабинета физики. Конечно, в основном правым оказывался Николай Иванович, но ему нравились любознательность, целеустремленность, упорство Гагарина, которые проявлялись в этих спорах. И поэтому именно Юрия Москвин рекомендовал избрать старостой нашего кружка. Вскоре кружок отчитывался о своей работе. На общетехникумовском вечере физики в актовом зале перед большой аудиторией своих товарищей и студентов физико-математического факультета педагогического института Юрий сделал доклад на тему «К. Э. Циолковский и его учение о реактивных двигателях и межпланетных путешествиях».

Мы много читали, особенно советских писателей — Алексея Толстого, Михаила Шолохова, Александра Фадеева. Преподаватель литературы и русского языка Нина Васильевна Гузанова, видя нашу тягу к книгам, организовала литературный кружок. Была у нас и другая цель — научить нас правильно, красиво и точно говорить, так как речь многих ребят была засорена. В кружке устраивались широкие обсуждения прочитанных книг. Первый диспут был посвящен подвигу Алексея Маресьева. Интересными были выступления Жени Стешина и Юрия Гагарина.

— Я любил Овода, — говорил Юрий, — но Маресьева полюбил сильнее. Он мой современник, мой учитель, живет вместе с нами на одной земле, и мне хочется встретиться с ним, пожать его мужественную руку.

Закрывая диспут, Нина Васильевна сказала:

— Я убеждена, что среди вас есть новые Маресьевы, люди высокого сознания, долга и негнбимого мужества.

Как неожиданно точно осуществились эти слова! Наш товарищ, наш Юра стал Колумбом XX века.

СНТовцы на прогулке. Первый слева — Ю. Гагарин.
Фото автора.

И когда однажды в Москве космонавт Юрий Алексеевич Гагарин встретился с Маресьевым, он смог выполнить свою заветную мечту — пожать своему учителю руку.

Большое место в нашей студенческой жизни занимал спорт. Юра Гагарин все свободное время посвящал баскетболу. Несмотря на невысокий рост, он был отличным игроком. Ребята из других команд изрядно трудились, «покая» его. Техникумовские баскетболисты были бессменными чемпионами среди команд средних специальных учебных заведений Саратова. Этот успех был и успехом Юрия как капитана команды. Очень скоро он стал первым помощником физрука техникума Геннадия Григорьевича Соколова, очень жизнерадостного, деятельного человека. Как секретарь техникумовского совета ДСО «Трудовые резервы», Юрий принимал активное участие в организации и проведении различных соревнований. Сам он судил многие встречи по баскетболу и волейболу, всегда подолкая к обслуживанию соревнований ребят нашей группы.

Юра Стешич был как бы правой рукой Юрия по баскетболу. Футбол оставался за мной. Спорт еще больше сблизил меня с Гагариным. Юрий все настойчивее вел разговор об авиации. Частые поездки на соревнования на спортивный комплекс «Нефтяники» здорово его возбуждали. Женя тоже заболел небом. Когда в наши зачетки были поставлены последние экзаменационные отметки за второй курс, мы узнали, что Краснокутское училище ГВФ производит набор курсантов. Ребята тут же делегировали меня туда. Однако второго посвящения в авиацию также не состоялось. В училище принимали только на базе десяти классов или при наличии техникумовского образования. Куда денешься? Надо учиться дальше. И мы начали штурмовать третий курс.

Хорошая к этому времени сложилась у нас группа. Это была веселая, дружная и трудолюбивая коммуна. Все ребята жили в одной комнате, вместе готовились к занятиям, вместе ходили в парк, в музей, в театры.

Особенно мы любили парк «Липки». Он находился на полпути между техникумом и общежитием — в самом центре Саратова. В парке часто стихийно возникали горячие молодежные диспуты. О чем только не спорили саратовские студенты — и о героизме, и о новых фильмах, и о спорте, и о танцах, и, конечно же, о любви и дружбе. Мы всегда активно принимали участие в этих диспутах. Иногда, уже покинув «Липки», спор продолжали далеко за полночь в нашей комнате.

Как-то раз техникумовский профком закупил билеты в театр оперы и балета имени Н. Г. Чернышевского. Среди обладателей билетов оказались и мы с Юрием. Впервые услышанная на подмостках Саратовского театра опера открыла перед нами новый, неведомый и прекрасный мир музыки. Мы были увлечены драматической ситуацией «Русалки» Музыка Даргомыжского, впечатляющие сцены на берегу реки и у старой мельницы, богатые декорации — все это надолго осталось в нашей памяти. В тот вечер мы долго не могли уснуть, взволнованные большим искусством, вспоминали самые яркие сцены спектакля.

Наше увлечение театром и музыкой горячо поддерживала не только преподаватель литературы Нина Васильевна, но и преподаватель математики Анна Павловна Акулова.

Анна Павловна, как уже говорилось выше, была нашим классным руководителем. На первом курсе, когда полгруппы носило за плечами изрядный багаж двоек по математике, мы ее считали сухой, замкнутой, «вредной». Но когда дела поправились и математические знания начали помогать нам осваивать другие технические дисциплины, суровые требования Анны Павловны нам уже стали просто необходимыми. На протяжении последних трех курсов группа была успевающей и положительно отмечалась на всех общетехникумовских собраниях.

У Юры с Анной Павловной сложились очень хорошие отношения. Она ему как взрослому доверяла решение многих серьезных вопросов, а он делал все возможное, чтобы оправдать это доверие.

Вспомню один интересный случай. Как-то раз наша группа коллективно отправилась в театр драмы имени К. Маркса на спектакль «Девушка с кушачком». Зная, что муж Анны Павловны — офицер, преподаватель суворовского училища — в этот вечер дежурит, мы и ее пригласили в театр.

Вечер прошел чудесно. Пьеса понравилась. Зато утро следующего дня для некоторых из нас оказалось мрачным. На уроке математики Акулова стала вызывать к доске всех театралов. Это было для нас полной неожиданностью, так как из-за кульпохода за учебники никто не брался. Естественно, посыпались двойки. Последним к доске вызвали Гагарина. Ну, думаем, и Юра влип. Но не тут-то было. Он спокойно взял мел и подробно вывел формулы логарифмов корня и степени. Докзательства были точны и обоснованы. Юра получил «отлично», а нам стало ясно, что он серьезно,настоящему, невзирая ни на какие отвлекающие обстоятельства, готовился к занятиям.

Я уже говорил, что в группе часто заходили разговоры о будущем. Нашим «старикам» было легче, чем нам трем. Почти все они отслужили положенный срок в армии. Наша же перспектива после окончания учебы — служба в Вооруженных Силах. Юра все более склонялся к тому, что она должна начаться в авиации. Женя и я были его единственными. Ребята в группе посмеивались над нами, но в общем-то поощряли наши авиационные порывы. Но пока до авиации дело не дошло, наша ступ-

денческая жизнь шла своим чередом. Как-то студент нашей группы Василий Тверитин купил баян. Пришел в комнату с покупкой. Рот до ушей. Юра и я тут же начали демонстрировать свое музыкальное искусство». Не очень-то у нас здорово получалось, хотя еще до техникума Гагарин играл в духовом, а я в оркестре народных инструментов. Баянистов из нас так и не получилось. Тем не менее до сих пор у меня дома лежит баян. И когда я беру его в руки, всегда вспоминаю нашу дружную студенческую коммуны.

В городском Доме культуры трудовых резервов был хороший хор. Юрий, Женя и я пели в нем. Потом Стешин «переключился» на художественное чтение, и декламатор из него получился хороший. Я, кроме хора, занимался в сольной группе техникума. Аккомпаниатором у нас была студентка консерватории Гая Васьмилова — очень милая, скромная девушка. Многие ребята, глядя на нее, вздыхали тайком. Нередко слушателем наших репетиций был и Юра. Гая Васьмилова стала нашим другом. Мы с увлечением слушали ее интересные рассказы о великих композиторах и музыкантах. Она учила нас понимать музыку. Часто Гая садилась за пианино в клубе техникума, и мелодии Шопена, Чайковского, Рахманинова звучали в зале. Иногда мы выступали с концертами. На одном из них Петр Федоров и я спели дуэтом «Нелюдимо наше море». Юра на этот концерт опоздал и застал только часть исполнения. Когда же я вернулся в общежитие, он, стоя на кровати и дирижируя хоккейной клюшкой, заставил меня вновь спеть понравившуюся ему песню.

Несколько ребят в группе, в том числе и Юра, занимались фотоделом. В условиях общежития это было не так-то просто. Если под одеялом можно было зарядить пленку аппарат, то с ее обработкой и получением снимков таким образом уже не обходились.

Выручил случай. Василию Тверитину, как одному из самых заядлых фотолюбителей техникума, доверили фотолабораторию — очень маленькую темную комнату в главном учебном корпусе. Приобретая таким образом «монополию» на нее, мы значительно расширили сферу своего влияния. В поле нашего зрения попало женское общежитие. В него только-только поселились выпускницы Минского РУ. Девушки с удовольствием фотографировались в живописных местах Саратова, так что без нашего участия не проходили ни прогулки, ни праздники молодых работниц. Это поддерживало наш фотографический пыл, и сегодня, рассматривая фотографии тех лет, я сам удивляюсь, как любительские снимки запечатлели многие шаги нашей студенческой жизни.

Вскоре Гагарина избрали членом бюро техникумовского комитета комсомола. Здесь он сполна проявил свои организаторские способности. Это Юра и физрук техникума Г. Г. Соколов поддержали и осуществили идею внука легендарного героя — нашего однокурсника В. М. Чапаева о лыжном походе по боевым местам гражданской войны.

Юра вместе с другими комсомольскими активистами был также организатором встречи студентов техникума с обучающимися в вузах Саратова юношами и девушками из братских социалистических стран. Это был интересный и веселый вечер интернациональной дружбы. Гагарин на нем со всеми находил общий язык. Его находчивость и обязательная улыбка очаровали наших друзей. Потом, семь лет спустя, эта улыбка стала знакома всему миру...

Окончив третий курс, ребята разъезжались на последние каникулы. Никуда не уезжал лишь один

Гагарин. На все лето он пошел работать физруком в детдомовский пионерский лагерь, чтобы поправить свои материальные дела. Надо сказать, что студенты нашего техникума обеспечивались бесплатным обмундированием и питанием. При положительных оценках нам выдавалась на хозяйственные и культурные расходы стипендия в размере 50 рублей на первом курсе и 100 рублей на четвертом — 5 и 10 рублей в новом масштабе цен. Поначалу нам этого было достаточно. Со временем запросы увеличились. Уже хотелось пойти с девушкой в кино, театр, купить часы, приобрести гражданский костюм. Иногда, чтобы иметь деньги на эти нужды, мы с

Верхний снимок: во дворе техникума. На переднем плане А. Медведев, В. Порохия, Ю. Гагарин.

Нижний снимок: мы с Юрием пишем контрольную по сопранату. Снимки публикуются впервые.

Из архива автора.

группой ходили на пристань разгружать цемент и другие грузы с барж. Работали ночью, а утром шли на занятия. На заработанные деньги каждый покупал то, что считал необходимым. Но когда кому-либо из нас надо было «выйти в люди», вся группа одевала молодца так, что потом сама любовалась его видом. Кое-кому помогали родители. У родителей Гагарина в Жгатеке была немалая семья. Поэтому, оберегая отца и мать от излишних расходов, он финансовые вопросы решал самостоятельно, считая двадцатилетний возраст вполне достаточным для этого.

Время работы в пионерлагере прошло быстро. Юрий оттуда вернулся загорелым, веселым, полным сил. Долго нам рассказывал о первых шагах на педагогическом поприще. Потом организовал встречу со студентами педучилища, третьекурсника которого Таня Андреева работала вместе с ним в пионерлагере. Мы начали приглашать будущих педагогов на свои вечера.

Так начался наш последний, четвертый курс техникума.

Гагарин, Штешин и я знали, что это будет рубеж, который позволит нам переступить порог аэроклуба или летного училища.

9 октября 1954 года на общетехникумовском собрании Юрию, мне и другим студентам вручили похвальные листы за отличные успехи и примерное поведение на третьем курсе. А через семнадцать дней, 26 октября 1954 года, приказом № 82 мы были зачислены курсантами отделения пилотов Саратовского аэроклуба ДОСААФ. Четвертым из тринадцати, числящихся в приказе, был Ю. А. Гагарин.

В своей книге «Дорога в космос» он так говорит об этом: «Чувство, обуревавшее меня, волновало также и Виктора Порохина и Женю Штешина — тоже студентов нашего техникума. Как-то прибегает Виктор и возбужденно кричит:

— Ребята, отличная новость! В аэроклуб принимают четверкурсников техникумов...

В тот же вечер вторым мы отправились в аэроклуб. Мы подали заявления, прошли все комиссии и начали заниматься».

Потонули трудные дни. С утра мы занимались в техникуме, потом бежали на спортивные тренировки, а вечером шли в аэроклуб. В это же время нам предстояло выполнить курсовые проекты. Над их чертежами мы иногда засиживались до трех-четырёх часов утра. Что и говорить, нагрузка у нас тогда была большая.

Невзирая ни на какие трудности, мы и в аэроклубе продолжали заниматься. Нам быстрее хотелось в небо. Но дорога туда оказалась куда длиннее, чем мы себе представляли.

В своем рассказе «Визу Землю...» Гагарин пишет: «Признаться, мы с друзьями — Витей Порохиным и Женей Штешиным — думали, что пройдет какая-нибудь неделя-другая, и мы начнем летать. Оказалось, что все не так просто...»

После сдачи зимней сессии всю нашу группу отправили в Ленинград на преддипломную педагогическую практику. Каждому из нас надлежало проводить в роли мастера производственного обучения практические занятия с группами формовщиков-литейщиков училищ города. Эти занятия, как правило, проходили в литейных цехах базовых предприятий. Я был направлен в ремесленное училище № 12 и всю практику с группой провел в литейном цехе знаменитого Невского машиностроительного завода имени В. И. Ленина.

Юрий с закрепленной за ним группой проходил практику на заводе «Вулкан». Жили мы в Ленингра-

де в разных местах. Поэтому, вернувшись в Саратов, долго рассказывали друг другу о том, что каждый увидел в своем районе этого замечательного города.

Поездка в Ленинград надолго оторвала нас от аэроклубовских занятий. Поэтому при возвращении в Саратов некоторым ребятам стало просто не под силу догонять ушедших вперед аэроклубников и одновременно готовиться к защите дипломного проекта. Юрий аэроклуба не оставил. Этот трехлинейный человек и здесь показал недюжинную силу своего характера. В самое трудное и ответственное для студента время его, как и прежде, можно было видеть и на баскетбольной площадке, и на заседании комитета комсомола, и готовившего за кулисами чертежи проекта, и бегущего вечером на занятия в аэроклуб. И, как прежде, Юра при необходимости приходил в трудную минуту на помощь товарищу. Вот тому пример.

С 26 апреля по 10 мая 1955 года я находился за пределами города на соревнованиях по футболу. В поездке я делал расчеты проекта, но, естественно, не так интенсивно, как группа, оставшаяся в Саратове. Вернулся, а 19 мая уже надо было представить определенный объем работы консультанту. И снова, как и на первом курсе, на помощь пришел Юра.

Наши с ним дипломные задания отличались лишь емкостью выпуска цехом годного литья и разницей в деталях, на которые мы составляли технологическое изготовления. Когда Юра рассказал ход расчета и показал уже готовые отдельные чертежи узлов, мне намного легче стало провести расчет и выполнить чертежи по своему заданию.

Помогая друг другу, вся группа в срок закончила работу. Перед зачиткой у нас было несколько свободных дней. Чувство скорого расставания с ребятами, с техникумом, с милым нашим Саратовом нагоняло грусть. За эти дни мы все вместе побывали в любимых уголках города, в парке «Липки», на берегу Волги.

23 июня 1955 года группа Л-41 в составе пятнадцати человек предстала перед Государственной комиссией. Один за другим отчитывались выпускники знаниями, полученными за четыре года. Знания эти оказались весьма прочными: шесть человек получили диплом с отличием. В их числе и Юрий Гагарин.

На следующий день вся группа вместе с преподавателями отправилась на Казачий остров, где состоялась наша прощальная встреча. Здесь вчерашние наставники впервые назвали нас коллегами. Это был добрый, задушевный дружеский разговор. Каждый в последний раз делился с друзьями планами на будущее. В перспективе многим виделась работа и учба в институте.

Один лишь Юра сказал, что в Томск не поедет, так как решил всю свою жизнь связать с авиацией.

25 июня мы расставались окончательно. Дипломированные молодые специалисты разъезжались по домам на месячный отдых, после которого каждого из нас ждала работа по месту назначения. Гагарин остался в Саратове завершить учбу в аэроклубе. В этот день в последний раз в нашей комнате прозвучали слова любимой студенческой песни:

Прощай, наш Саратов —
Студенческий город.
Прощай, паромов призванный гудок...
Прощайте, театры, дворцы, стадионы,
Прощайте, родные, подруги, друзья,
Мы вместе учились, мы крепко сплужились,
И старых друзей забывать нам нельзя.

Тоскливо прошел месяц отдыха. Сознание, что вряд ли еще когда-нибудь соберемся вместе, всей группой, наводило на грустные размышления. Судя по письмам, такое же настроение было и у других ребят. Пожалуй, лишь у Гагарина времени на грусть не оставалось, так как окончание аэроклуба в лагерных условиях захлестнуло его полностью. В письме он увлеченно рассказывал о своих самостоятельных полетах в разных условиях, о новых товарищах, сетовал на то, что мы с Женей Степиным изменили мечте.

Вскоре я был призван в армию и зачислен в воздушно-десантные войска. Во время прохождения курса молодого бойца я получил от своей мамы присланное еще на гражданский адрес письмо Гагарина. Оно было уже из Чкалова. Из него я узнал, что Юрий — курсант Чкаловского авиационного училища и тоже находится в казарме.

Летом 1956 года, будучи несколько дней в Чкалове, я ввочию увидел под голубыми курсантскими погонами Юру. Ладно сидел на нем техникумовский мундир, но армейская форма делала его еще подтянутее, стройнее. Он оставался все таким же веселым, жизнерадостным, великим оптимистом.

5—6 часов мы провели вместе. «А помнишь...» не сходило у нас с языка. Перебрали наиболее яркие эпизоды из совместно прожитых четырех студенческих лет, вспомнили педагогов, товарищей по техникуму, свои увлечения летейным делом, спортом, помянули добрым словом одновременно с нами окончившую Саратовский педагогический институт Инну Идабаеву — ныне учительницу одной из московских школ, — к которой в свое время мы оба были неравнодушны. Поделались впечатлениями и о своем новом положении. Я Юре рассказал о прыжках на ПД-47, о своих футбольных успехах. Он мне — о самой большой своей радости: по стечению обстоятельств Юру как успешно окончившего аэроклуб зачислили в группу не четырехгодичного, как всех молодых курсантов, а двухгодичного обучения. А это значит, что меньше чем через полтора года — самостоятельная армейская жизнь, к которой Гагарин стремился всем своим существом. В то же время Юра был огорчен тем, что до сих пор приходится летать на Як-18. В беседе мы неожиданно выяснили, что принимали воинскую присягу на верность Родине в один и тот же день — 8 января 1956 года...

Весной 1961 года мы с женой и товарищами из Павлодара, где в то время работали, отдыхали на берегу Черного моря, в Новом Афоне. В один из дней мы решили всей компанией детально познакомиться с интереснейшим архитектурным памятни-

Ю. Гагарин во время летних каникул.

ком — зданием дома отдыха «Псырцах». Осматривая его, мы слышали льющуюся из наружного динамика музыку. И вдруг вместо нее раздался торжественные левитановские слова:

— «Говорит Москва! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза! Передаем сообщение ТАСС «О первом в мире полете человека в космическое пространство».

12 апреля 1961 года в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник «Восток» с человеком на борту.

Пилотом-космонавтом космического корабля-спутника «Восток» является гражданин Союза Советских Социалистических Республик летчик майор Гагарин Юрий Алексеевич...»

Виктор ПОРОХНЯ

«А БЕЗ ПОЛЬЗЫ ЗАЧЕМ ЖИТЬ?»

Без исключения главные герои повестей и рассказов Н. Евдокимова (Серафим Фролов, Афиша в «Необходимом человеке», Нюрка, чашовский Степан в «Сказании о Нюрке» — городской жительнице) поначалу слабы. Они скорее барахтаются на поверхности

жизни, нежели живут, они львуют по ее течению, с извращенной какой-то жертвенностью отдаваясь ему; вот, мол, какие мы растении, неустойчивые...

С необычайной деликатностью, уважительным терпением прозаик описывает их нехитрое бытие-жизнь и тут же с ходу, в лоб, на первых же страницах своего итоговой книги избранного («Была война когда-то...»

Повести и рассказы, «Советская Россия», 1975) задает нешуточный вопрос — себе, своим героям, да и нам, читателям, тоже. Настолько ли велики ресурсы человеческой личности, чтобы она могла преодолеть самое себя, выпрыгнуть и начать новое свое, осмысленное уже от начала до конца существование? Н. Евдокимов сам же и отвечает всей книгой своей на этот вопрос: да, настолько!

Герои Н. Евдокимова ведут тотальный, а бы сказал, нарастающий изо дня в день поиск своего пользы, то есть смысла в этой жизни. И писатель, наверное, не случайно записал на главные роли повествования «неуверенных» людей. Их начальная аморфность решительно перебарывается затем зарождающимся и все крепнущей уверенностью в себе и в своих силах и при этом с невиданной силой обнакает направление поиска своей пользы.

Н. Евдокимов утверждает: человек по природе своей не терпит неустойчивости, неясности ни в себе самом, ни в окружающей его действительности. Человек по природе своей — деятель, реформатор, а нормальная форма, вернее, способ его существования — активная, целенаправленная, созидательная деятельность. Но прежде чем постигнуть эту нехитрую истину, герои Н. Евдокимова, самые что ни на есть рывовые люди, задумываются. Им хочется «знать первопричину всего», и они пытаются «разгадать загадку самостоятельным длительным размышлением». Зануды — уже совершать поступок, и немалый.

«В чем она, истина человеческого поведения?.. Истина человеческого поведения — в отречении от себя, в отрешении... себе самому» («Была» похоронка), «жизнь» то один раз назначена» («На самом краю»), «исполнение долга — вот что такое порядочная жизнь» («Сказание о Нюрке»...).

Не сразу, не вдруг приходит герою Н. Евдокимова и подобный мыслям. Но когда приходит, то интересно и вполне, на мой взгляд, закономерную метаморфозу претерпевают они: слабые становятся сильными, неуверенный в себе — уверенным. Обретение истины бытия в служении другим людям, в исполнении долга одарит их тем, чего не знали они раньше: и му же ст в о м и в е р о ю в себя.

Вот почему книгу Н. Евдокимова я бы назвал весьма поучительной и полезной для молодежи. Посвященная преимуществу отписки событий двадцатилетней давности, она необычайно современна уже самой постановкой своего главного вопроса: человеческая жизнь не может, никак не может быть лишена смысла. Только высокие цели и высокие идеалы наполняют ее глубоким содержанием, а поиск своего места в жизни во все времена онаявается проблематично-неодолгим. С удовольствием повторю еще раз вслед за писателем: «Исполнение долга — вот что такое порядочная жизнь...»

Алексей ПРИИМА

ИСКУССТВО ИСПОВЕДИ

Маро Маршарин («Проза а ч н ы е дни», «Сов. писатель», 1974) рассказывает о пережизнии своей героиней доверчиво, смело и щедро. И хотя из стихов мы много узнаем о фактах ее биографии, перед нами встает живой образ: «Всею улыбкой на ходу, кто мне знаком и незнаком. С ноги сбиваясь, я иду, как в полусне, как под хмельком». Да и нужно ли нам знать перипетии ее любви, если сказано главное: о том, как необходима ей любовь. Да и только ли ей? «Кроме тебя, жизнь мне дала все, что могла. А нужна была лишь затем, чтобы ты был».

Когда Маро Маршарин рисует пейзажи ее родной высокогорной красочной Армении, на него падает свет ее личности, приважа, искренность и интимность. И мы через стихи чувствуем, что среди этой величественной природы живут простые и сердечные люди труда. У окна длинной хищарки надломленная ветка шелковицы все еще цветет и дарит детям ягоды. Сквозь густой туман, окутанный и горы и селенье, слышен мирный и беззащитный лай собак. С западных гор спускается стадо коров. Они идут степенно и размеренно.

Идуть задумчиво

Их спины от тоски

и ключа горных

На острях круч

И добрый-добрый

выгляд у каждой

(Перевод М. Петровых)

Победа науки и техники — выход человечества в космос, воспринята в этой книге как явление духовное. Она расширила этот мир, породила новые мечты. Как тягу к иным мирам поэта — толкает ту смутную тревогу «которую себе не можем объяснить и оттого любовью называем».

Эта книга — исповедь одной души, может быть, более восприимчивой, страдающей, неуспокоенной, чем иные. Но чем больше вы эту книгу читаете, тем яснее видите, что она — и о вашей и близких вам душах — о человеческой душе.

И хотя эта книга глубоко чужда какой-либо назидательности, она многому научит молодого читателя. Она поможет понимать людей, их потребность в тепле, в любви. Словно и не обращаясь к читателю, обращен требовательный вопрос: «Лишь полюбил-ка, лишь слово одари и счастья полным-полно: весь день сишел, ликуя. Много ли тебе, человек! И то ж это малость такую тебе, скупясь, не даешь? На искренности доверия автора книги «Прозрачные дни» читатель ответит теплой улыбкой, обращенной — нет не к автору — бесконечно больше: к человеку.

Л. НАПЛЕЛЬБАУМ

С ФОНОГРАМОМ ЗА ПЕСНЯМИ...

«**В** золотых родниках» М. П. Колпановой (Записки фольклориста. С рисунками автора. «Наука», Л., 1975) — книга старшей советской фольклористки, внимательного исследователя и собирателя русского устного народного творчества, много сделавшей уже для популяризации фольклора. Не все, наверное, удивителен и Н. П. Колпановой. Новая же книга дает ей вопрос, кем и как записывал русский фольклор.

Есть, оговаривается, на свете не менее романтическая профессия, чем, например, профессия геолога — специального фольклориста — собирателя, который с рюкзаком за плечами и рандомом и блокнотом в руках, с фотоаппаратом и магнитофоном шагает по дорогам страны, идет в деревни, знакомится с людьми и записывает от них сказки, песни, загадки...

Впрочем, в те времена, о которых идет речь в книге, магнитофонов не было (их заменяли фотоаппараты, а фотоаппараты были редкостью). Время это — 20-е годы, трудные, но, зародные, описываемые события — север европейской части страны, деревни и села по берегам и вблизи Засеки, река Пинеги и Печеры.

Книга полезная в нескольких отношениях. Во-первых, представляет собой прежде всего рассказы по всему тексту книги «Золотые родники» — пословицы и поговорки, загадки и песни, сказки и былины. Во-вторых, изобрано автором в живом окружении: вместе с обрядами, верованиями, бытовыми. И. П. Колпанова рассказывает о том, как водились хороводы, как совершались свадьбы, как проводились своеобразием своего времени и молодости и взрослые.

В книге много запечатленных в памяти рассказов исполнителей фольклора. Это Елановиды Еврасовна, Марфа Павловна Лешунова. Особенно Удался автору портрет старенькой Ульяны после того, как эти книги, замурованные от гитлеровцев в дни войны, недавно были обнаружены в стене одного ялтинского дома. Библиотеку Жемчужникова спасли, и часть русской библиотеки в Париже, созданная И. С. Тургеневым и названная его именем, была вывезена в Германию, заминирована и погибла.

Война вторгается в судьбы библиотек так же, как и в судьбы людей. И знаменитое собрание книги П. Бутурлина, корешки которого разлагались малолетней Пушиной, погибла в огне московского пожара 1912 года...

Самые различные аспекты жизни книги рассматривают авторы двух вышедших выпусков «Библиотечки» — Б. М. Лауров и В. М. Лауров. Первый иллюстрирует «Мертвых душ» А. А. Агин. Библиотечка стала Бетки. Морская библиотека, собранная ленинградским капитаном в отставке. Вышедшая в книге художника Н. К. Рериха. Работа клубов книголюбых различных городов страны. Стихи о книгах. Впрочем, два выпуска альманаха еще далеко не охватывают, в которых представлено перед нами книга. Человеческие умы и сердца будут вечно за-

творчеством, во многих областях страны и издавать ряд сборников песен, последний из которых — книга «Лирика русской поэзии» («Наука», Л., 1973). Совсем недавно появилась книга Д. Молдавского «За песней, со сказкой, за оленем-травою». Ленинград, 1975), в которой автор рассказывает о встрече с народным искусством. Да, пока будут живы «золотые родники», жива будет и романтика профессии фольклориста...

Ю. КРУГЛОВ

САМАЯ ОДУХОВЕННАЯ ВЕЩЬ

Когда Владимир Михайлович Жемчужников читал принадлежавшую ему книгу «Домострой», он отчеркнул в ней выражения, близкие по стилю и духу изречениям Козьмы Прутова. Жемчужников был одним из авторов, срывающихся под эти коллективные псевдонимы. Его заметы на книгах тщательно изучил ялтинский библиофил А. Аншин после того, как эти книги, замурованные от гитлеровцев в дни войны, недавно были обнаружены в стене одного ялтинского дома. Библиотеку Жемчужникова спасли, и часть русской библиотеки в Париже, созданная И. С. Тургеневым и названная его именем, была вывезена в Германию, заминирована и погибла.

Война вторгается в судьбы библиотек так же, как и в судьбы людей. И знаменитое собрание книги П. Бутурлина, корешки которого разлагались малолетней Пушиной, погибла в огне московского пожара 1912 года...

Самые различные аспекты жизни книги рассматривают авторы двух вышедших выпусков «Библиотечки» — Б. М. Лауров и В. М. Лауров. Первый иллюстрирует «Мертвых душ» А. А. Агин. Библиотечка стала Бетки. Морская библиотека, собранная ленинградским капитаном в отставке. Вышедшая в книге художника Н. К. Рериха. Работа клубов книголюбых различных городов страны. Стихи о книгах. Впрочем, два выпуска альманаха еще далеко не охватывают, в которых представлено перед нами книга. Человеческие умы и сердца будут вечно за-

нимать и волновать книги — это явление. Но самая одуховенная из вещей.

Н. ЛИХАРЕВА

РОЖДЕНИЕ КРИТИКА

Первая книга дагестанского критика Казбека Султанова «Полет в угаемый свет» (Дагкизгоиздат, 1975) адресована массовому читателю. Автор призывает расширить наши представления прежде всего о поэзии Страны Гор. Даулятов помог молодому автору передать приметы национального литературного процесса, увидев его изнутри.

В книге три раздела. Первые два посвящены сложным традициям и новаторства дагестанской поэзии и, по сути, представляют собой краткий обзор дагестанской лирики. Молодой критик вдумчиво анализирует произведения классиков дагестанской литературы и современных поэтов, успешно прилежная к долготечению работы предшественников. Полемицизм с ними или без них — автор не овладевает читателя в живой и своевременный разговор о премирственных в искусстве. И множества точных штрихов, разбросанных по страницам книги, возмущает довольно ценное представление о лирике Расула Гамзатова, ее связи с поэзией легендарного Махмуда и собственно «гамзатовском» развитии сложной любовной темы в аварской лирике.

Живо и темпераментно размышляет Казбеков о сложном и о сложном дагестанской поэзии, заинтересованным говорит он о своих сверстниках: даринском поэте Амире Гази и ногайской поэтессе Надире, их поэтические сопоставления разительных средств, тут же, избегая местничества «патриотизма», критик пишет о вторичности, расхождении тем и образов у столь же молодых А. Даганова, Р. Вагамедова, С. Увайсова...

Книга эта в полном смысле слова молодая. Не все в ее дискуссионности достаточно доказательно...

Но в целом рассуждения Казбека Султанова свежи, интересные, и главное, что стоит признать, — это стремление автора к самостоятельности мысли.

Виктор ШИРОКОВ

Т. МИРЗАШВИЛИ. **Борьба.**

По залам выставки
произведений
заслуженных художников
Грузинской ССР
Т. Мирзашвили, З. Нижарадзе,
Д. Эристави и Г. Очаури.

Т. МИРЗАШВИЛИ. **Семья художника.**

З. НИЖАРАДЗЕ. **Новый район.**

Г. ОЧИАУРИ. **Портрет** (Бронза).

Д. ЭРИСТАВИ.

Воды Лагидзе.

З. НИЖАРАДЗЕ.
Рыбачка.

Юрий
ЦИШЕВСКИЙ

О ТЕХ, КТО НАЧИНАЛ «НА СТЕНДАХ «ЮНОСТИ»

В 1966 году в небольшом выставочном зале редакции журнала «Юность» на улице Воровского была развернута выставка произведений тех, тогда еще молодых, художников из Грузии — Теишга Мирзашвили, Зураба Нижарадзе и Дмитрия Эрнстави. Выставку с интересом встретили зрители, московские художники, искусствоведы.

С тех пор прошло десять лет. За это время нам не раз приходилось встречаться с отдельными картинами своих бывших дебютантов на всевозможных смотрах изобразительного искусства в Центральном выставочном зале Москвы и тем самым следить за их творческим ростом. Некоторые из представленных в столице картин были воспроизведены на цветных вкладах «Юности». В этом году мы снова нашли наших старых друзей на групповой выставке в залах Музея искусства народов Востока. Вновь в Москву привезли свои произведения Т. Мирзашвили, З. Нижарадзе, Д. Эрнстави вместе с работами скульптора Г. Очаури.

Просматривая ретроспективно экспозицию этой выставки, невольно задумываешься над тем, какую большую работу проделали художники за прошедшие годы. И хотя здесь нет сложных тематических композиций и полотен большого размера, чем «белют» многие художники нашего времени, каждый холст, каждый этюд, каждый стиховой набросок говорит о большом вкусе их авторов, о возросшем мастерстве, об интересных живописных находках, о приобретении индивидуального почерка. В предисловии к каталогу выставки читаем: «Творчество этих художников наряду с творчеством их современников и ровесников определяло новый этап в развитии изобразительного искусства Грузии. С самого начала они заявили о принципиальной связи с традициями своих предшественников — художников 20-х годов, с наследием многовековой художественной культуры Грузии и европейского искусства...» Связь художников с истоками древней грузинской культуры можно увидеть, присмотревшись к пейзажам и сельским жанровым сценам у Т. Мирзашвили; она — в городских тбилисских этюдах Д. Эрнстави, в красочных полотнах З. Нижарадзе, навеянных впечатлениями от поездки в Италию, в лирических портретах скульптора Г. Очаури.

Каждый из них по-своему индивидуален, и каждый из них пользуется своими художническими приемами. Но у всех четырех есть общие свойства, объединяющие их творчество: неиссякаемый оптимизм, любовь к человеку, чувство юмора, умение

пользоваться метафорой и гротеском, находить красоту в самых будничных явлениях жизни.

В этом нетрудно убедиться, познакомившись с произведениями каждого из представленных художников. Так, например, и в зале Т. Мирзашвили сразу вызывает добрую улыбку небольшая картина с изображением краснолицых сельских парней, пробующих свою неумную силу в народной спортивной борьбе («Борьба»). Там же можно увидеть композицию «Мальчики на реке». На этом холсте — трое забавных подростков после удачной рыбалки. Их наивные лица и узорчатые фигурки напоминают многим зрителям знакомые сцены из своего детства. Хороша большая серия холстов Т. Мирзашвили, посвященная горным пастухам и пастухам, занятым выполнением своих обязанностей в горах Туметии.

В зале Д. Эрнстави мы находим много сюжетов, говорящих о тонких наблюдениях художника за жизнью небольших городских улочек. Посмотрите на картину «Воды Лагидзе». Настояще ярки и лиричны образы девушек и солдат, плывущих воду около уличного автомата, что комментирует к этому произведению не требуется. Очень трогательно выглядят его же графический лист «Продавец фиалок», написанный пастелью и гуашью, он создает у зрителя сентиментальное, радостное настроение. Такое же впечатление производит отточенный рисунок в композиции «Весенний день» из серии «Старый Тбилиси» и многие листы его книжных иллюстраций.

В зале З. Нижарадзе перед нами раскрывается интересный, полный противоречий мир, возникший на полотнах художника под впечатлением его поездки по Италии. Перед зрителем как бы проплывают сцены из жизни бродячих цирковых актеров, крестьян, рыбаков, уличных прохожих, показанных художником с большой любовью и одновременно с печальной улыбкой. Нельзя не сказать несколько слов о колористических особенностях картин З. Нижарадзе, так как они полностью характеризуют темперамент художника. Если в работах его коллеги Т. Мирзашвили преобладает сдержанный, «теплый» колорит, а в произведениях Д. Эрнстави заметна любовь художника к мягкой пастельной тональности, то в картинах З. Нижарадзе нас поражает преобладание ярких и сочных красок всех оттенков радужного спектра. Он обращается к «открытому» цвету, не боится смелых красочных сочетаний. Это характерно не только для его итальянских сюжетов, но и для пейзажей Сванетии, фольклорных сцен из жизни старого Тбилиси, серии женских портретов и подборки «На античные мотивы».

Подлинным мастером скульптурного портрета предстает перед нами Г. Очаури. Его персонажи носят индивидуальный характер и вместе с тем они не фотографичны, так как скульптор стремится передать обобщенные типические черты каждой своей модели. Скульптуры Г. Очаури, представленные по всем трем залам, служат ярким дополнением к живописной экспозиции его товарищей и своим присутствием помогают зрителю глубже оценить мастерство четырех представителей изобразительного искусства Грузии.

К этому следует добавить, что все четыре художника очень многогранны в творчестве, каждый из них работает и в живописи, и в графике, и в кино, и в театре. И в заключение хочется упомянуть о том, что за годы, прошедшие после дебюта, все четверо мастеров получили звание заслуженных художников Грузинской ССР.

Давайте пожем их трудолюбивые руки!

Вл. НИКОЛАЕВ

«КОНОТОП»

В «Книге скитаний» К. Паустовского в главе «Малый Конотоп» читаем: «Почти каждый день у Фраермана в его маленькой квартире на Большой Дмитровке собирались друзья: Аркадий Гайдар, Александр Роскин — знаток Чехова, писатель и pianist; молодой очеркист Михаил Лоскутов; редактор Детского издательства добрейший Ваня Халтурин и я.

Сборища эти Роскин неизвестно почему назвал «Конотопами».

Объяснить происхождение этого названия он надменно отказался, ссылаясь на то, что существовал же во времена Пушкина литературный кружок «Арзамас» и никто толком не знает, почему он был назван именем этого маленького и такого же захолустного, как и Конотоп, городка.

У каждого из нас были по этому поводу свои соображения. Но, пожалуй, самым провинциальным оказался Гайдар. (Он вообще был чертовски провинциален и лукав.)

Одло время жена Фраермана Валентина Сергеевна угодила нас ближатыми пирожками. А поскольку Конотоп славился ими и Роскин об этом знал, то поэтому он, по мнению Гайдара, и придумал такое странное название нашему содружеству.

От Р. И. Фраермана мне известна несколько иная версия, по которой название «Конотоп» придумано «чертовски провинциальным и лукавым» А. Гайдаром, а мастерницей печь пирожки была не Валентина Сергеевна, а ее мать Екатерина Михайловна, что в данном случае совершенно несущественно. Кстати, сам Паустовский в другом месте о том же самом пишет по-иному: «Очевидно, по примеру пушкинского «Арзамаса» Аркадий Гайдар прозвал эти встречи у Фраермана «Конотопами». Впрочем, эти различия не имеют никакого значения и не будем выяснять, кто же первый сказал «э»...»

«Собирались мы, — читаем в той же главе «Книги скитаний», — почти каждый день, читали друг другу все вновь нами написанное, спорили, шумели, рассказывали всяческие истории, пила дешевое грузинское вино... Мы были как будто бесшумны и веселы, очевидно, потому, что литературные планы не только переполняли нас, но и постепенно осуществлялись».

Паустовский довольно подробно рассказывает об одном из участников «Малого Конотопа» — об А. Роскине. Он аттестует его как отличного эссеиста, умевшего коротко, всего в одну-две страницы, писать «очерки о западных писателях». В частности, он про-

страннее других передает очерк А. Роскина о Флоре, который ему, Паустовскому, особенно запомнился. Затем останавливается на книге А. Роскина «Караваши, дороги, колося», которая посвящена знаменитому советскому ботанику Вавилову, упоминает «превосходную биографическую книгу о Чехове» и статьи «о литературе, главным образом... о молодой советской прозе». Одна из статей А. Роскина была посвящена творчеству раннего Паустовского, и об этой статье Константин Георгиевич говорит с особенной признательностью:

«Мне он помог тем, что, несмотря на нашу дружбу, предостерег меня от опасности впасть в книжную экзотику и нарядную «оперность» стили. Он напечатал это предупреждение в одной из своих статей.

К счастью, эта статья совпала для меня со временем глубокого недовольства своими первыми («молодыми») рассказами, заставляла уйти от литературных прикрас и стремиться к ясности и простоте. Вскоре Роскин первый — и так же по-дружески — приветствовал появление в печати «Кара-Бузаса» и «Мещорской стороны».

Пожалуй, здесь стоит напомнить читателю ту общую характеристику, что дает Паустовский, начиная своей особой разговор об А. Роскине.

«Он был человеком сложным и выдающимся, — замечает Константин Георгиевич, — как по обширности своих познаний, так и по острому и насмешливому уму... Всегда он был сдержан, немного замкнут, как большинство одиноких людей, был способен и к резкости и к необыкновенной нежности. Среди нас он считался самым взрослым, самым серьезным и требовательным ко всему, что бы мы ни написали. Нам он не давал спуска. Его статьи о писателях настолько отличались от сырой критической писанины того времени, что сразу выдвинули его в число лучших исследователей советской литературы, в ряды ее знатоков».

Позднее Р. И. Фраерман дополняет эту характеристику А. Роскина: «...он сам являлся перед нами, словно удивительное явление искусства. Невозможно забыть его внимательного взгляда, его лица с крупными, но мягкими чертами, его седую, чуть склоненную голову, когда он сидел за роялем, аккомпанируя себе и тихо напевая романсы Чайковского... Он умел и сердиться, и обижать друзей, и подолгу молчать. Тогда мы его боялись. Ударяли на рыбную ловлю. Даже прятались в шкаф. Но больше всего от него доставало ему самому. Ибо он был беспощаден в правде. Справедливость, правда и благородство жила в его душе...»

Здесь царил дух товарищества, глубокого уважения друг к другу и вместе с тем даже резкой беспощадности в споре. Необыкновенной добротой и мягкостью в этой шестерке отличался лишь хозяин дома Р. И. Фраерман. Ему единственному не свойственна была резкость и уж тем более беспощадность даже в самом жарком споре. Он покорила всех самым радужным расположением, как отменял его товарищи, даже всепрощением. Именно эти особенности его характера отменила в своих путевых стихах А. Гайдар, которые он, по свидетельству К. Г. Паустовского, «писал стремительно, лукаво и иной раз беспощадно». В стихотворении, посвященном Р. И. Фраерману, Константин Георгиевич выделяет следующие, как он подчеркивает, «совершенно точные строки»:

В небесах над всей вселенной,
Вечной жалостью томим,
Зрит небритый, влохновенный,
Всепрощающий Гудинь,

Однако то, в чем Рувим Исаевич был убежден, он высказывал хотя и с неизменным доброжелательством, но и с определенностью, не допускавшей двояких толкований, говорил непреклонно и прямо. Своих мнений он, как правило, не менял, ибо они всегда были основательной продуманы, а вкус и чутье в соедении с богатейшим опытом его не подводили. Кстати, именно эти качества друзья по «Конотопу» высоко ценили в нем и к таким, вдумчивым суждениям «всперожающего Рувима» прислушивались с особенным вниманием и глубоким интересом.

Атмосфера добра царила в этом тесном писательском содружестве. Ведь и сам К. Г. Паустовский отличался по большей части мягкостью и незлобивым характером. Ивана Халтурина он называет добрейшим. Не отличался жесткостью, по свидетельству друзей, и Михаил Лоскутов, о котором мне от Р. И. Фраермана довелось слышать много лестного, не раз отмахивавшего его поразительную наблюдательность, редкую точность письма. В беседе он был сдержан, даже порой молчалив, больше прислушивался к разговорам друзей, но когда сам начинал рассказывать о Средней Азии, которую хорошо знал, то покорила всех. Аркадий Гайдар хотя и был, как дважды подчеркивает Паустовский, лукав, и отмечает его чертовскую проницательность и даже хитроватость, но тоже добротой не обделен.

Словом, все это были люди, способные понять друг друга, внимательно выслушать, поспешить на выручку, в любую минуту помочь товарищу.

Мне вспоминается рассказ Рувима Исаевича о том, как на «Малом Конотопе» слушали и обсуждали главу за главой рукописи книги А. Роскина о Вавилоне. Чтение рукописи растянулось на долгий срок, потому что Роскин писал медленно, хотя и мечтал писать быстрее и больше, производил по этому поводу всякие подсчеты затрат времени и усилий, вызывавшие веселые улыбки друзей.

Чтение книги подходило к концу, она, по общему мнению, безусловно, получалась, и все с интересом ждали завершения главы. Но чтение ее все откладывалось и откладывалось. Друзья требовали, настаивали, но автор переносил чтение с вечера на вечер. Наконец, его допекали, и А. Роскин признался, что завершающая книгу глава не получается; он измучился, работая над ней, но она не выходит. В признании этом было столько искренней боли и горечи, что оно не могло не тронуть друзей. На этот раз они не стали давать автору спасительных советов, не стали говорить утешительных слов, они сели, и каждый в отдельности начал писать свой вариант окончания книги. Кажется, К. Г. Паустовскому более других повезло найти приближенный тон, что нужно было автору, что настаивало на его путь, который он так упорно искал и что, наконец, позволило ему в соответствии со строгими требованиями, предъявляемыми к себе, закончить книгу.

Книга о Вавилоне была издана и высоко оценена критикой. Но судьба ее складывалась в первое время трагически неудачно. Вот что рассказывает об этом в своих воспоминаниях Фраерман:

«Я не помню, какой невежда из какой редакции, вернув ему рукопись, написал на ней, что все это бред, чепуха и выкуда не годится, пусть лучше автор не занимается литературой.

Все это было сказано со всякими знаками и восклицаниями, и удивления, и с тем ужасным пренебрежением, с каким умеет говорить только глупость, когда она случайно получает возможность говорить об искусстве, уме и таланте.

Он взял свою рукопись и ушел. Он шел по улице, ничего не помня, громко разговаривая сам с собой...»

В «Конотопе» возмущались, утешали, добивались из-

дания книги. Но травма оказалась слишком глубокой, чтобы можно было быстро оправиться. О тяжелых последствиях ее Рувим Исаевич свидетельствует:

«Он не принадлежал к тому молодому поколению, которое родилось и выросло вместе с Советской властью и смотрело на завоеванный мир, и счастье, и труд, как на свое собственное хозяйство, где нерадивому и глупому работнику следует просто отвести — выпастить вон. А он заплакал только, заволновался, затих почти на десять лет.

Должно быть, в эту пору он начал рано сесть...»

Р. И. Фраерман оставил коротенькие воспоминания о многих своих товарищах. Он многократно писал о Гайдаре и Паустовском, написал на и об М. П. Лоскутве. Если Гайдара и Паустовского любой читатель хорошо себе представляет, то о Лоскутве и Халтурине следует кое-что сообщить.

В своих воспоминаниях Фраерман отмечает, что Михаил Петрович Лоскутов в ту пору, о которой идет речь, был юншей «с синими глазами, пристально наблюдавшими мир и людей...»

Набрасывая творческий портрет этого — теперь тоже, как и Роскин, забытого писателя, — он отвечает: «Жизнь увлекала его, и в каждом его проявлении он умел уловить поэзию. Ибо знал, что где жизнь, там и поэзия. Поэзия владела всем существом писателя, будила мысль, чувство, фантазию, вызвала в воображении вереницы пленительных образов.

И удивительно! В каждом предмете Лоскутов умел заметить то, что составляло самую его сущность. Он и к вещам подходил, как к живым существам, не только с любовью, но и с большим уважением.

Именно эта любовь, взволнованная и страстная, озярала для него все явления жизни, и он видел их по-новому, в маяющей первоначальной свежести. Это и составляло оригинальность и очарование его книг.»

И далее не могу удержаться, чтобы не привести еще одно примечательное высказывание:

«Лоскутов не боялся тягот жизни. Он не умел скучать. Пустыня не была для него ни чахлой, ни однообразной. Голова его была полна мечтаний. И жажда новых впечатлений рождалась у него постоянно. Он не разделял мудрости бесстрастных людей.»

Незадолго до выхода «Книги скитаний» К. Г. Паустовский написал специальную заметку о М. П. Лоскутве, в которой, в частности, говорится:

«Миша Лоскутов появился в этом шумном собрании писателей (имеется в виду «Конотоп»... В. Н.) тихо и молчаливо. Это был очень спокойный, застенчивый, но чуть насмешливый человек.

Он обладал талантом немногословного юмора. Но прежде всего и больше всего он был талантливым, «чертовски талантливым» писателем.

У него было свойство видеть в обыденных вещах те черты, что всегда ускользают от поверхностного или усталого взгляда. Его писательское зрение отличалось необыкновенной зоркостью. Он умел показать в одной фразе внутреннее содержание человека и всю сложность и своеобразие его отношений к жизни.

Мысли его всегда были своими, нигде не взятыми напрокат, необычайно ясными и свежими. Они возникали из «подробностей бытострекующей жизни», они всегда были основаны на конкретности, на своем видении мира. Но вместе с тем они были полны ощущения поэтической сущности жизни даже в тех ее проявлениях, где, казалось, не было места никакой поэзии.

Жизнь Лоскутова была как бы сплошной экспедицией в самые разнообразные области жизни, но больше всего он любил Среднюю Азию. По натуре это

был путешественник и тонкий наблюдатель. Если бы существовал на земле еще не открытый и не описанный континент, то Лоскутов первым бы ушел в его опасные и заманчивые дебри. Но ушел бы не с наивной восторженностью и порывом, а спокойно, с выдержкой и опытом подлинного путешественника, такого, как Пржевальский, Ливингстон или Обручев.

Он умел в самом будничном открывать черты необыкновенного, и это свойство делало его подлинным художником. Для него не было в жизни скучных вещей».

Обычно утверждают, что никто не противоречит так сильно друг другу, как очевидцы. В данном случае этого нет, обе характеристики лишь в частностях и деталях дополняют одна другую, совокупно набрасывая правдивый портрет.

Таким, стало быть, М. П. Лоскутов, человек и писатель, жадный до жизни, мотающийся по стране в годы первых пятилеток, написавший много очерков, публиковавшихся в журнале «Наши достижения», основанном А. М. Горьким, и в других изданиях. Остается напомнить книги, написанные им, к которым, думается, не без пользы может обратиться читатель. М. П. Лоскутов успел издать «Тринадцатый караван», «Говорящая собака», всемирные рассказы и другие.

И. И. Хатурина многие из нас знали. Это был очень образованный человек, до конца дней своих трудившийся в критике, уделяя преимущественное внимание литературе для детей. Он длительное время был на редакторской работе и сылал одним из самых опытных и культурных редакторов, что для литературы весьма важно, написал довольно много статей, предисловий, послесловий, рецензий. Писал он обычно сжато, деловито и интересно. Писал не слишком много, скорее даже значительно меньше того, что можно было от него ожидать. В этом была и строгость, а некоторые утверждают, и лень. Скорее всего больше первое. Мне приходилось слышать, что он смертельно боялся писать плохо.

Был он действительно добрым и вдобавок веселым, приятельным человеком. Долгие годы он дружил с Фраерманом и Паустовским, но самая преданная дружба у него была с Гайдаром.

Теперь мы представляем себе всех, кто составлял «Малый Конотоп», как бы его ядро, самую сердцевину.

В «Конотопе» обсуждалось не только написанное, но еще чаще задуманное, здесь принято было делиться замыслами, новыми идеями. Известно, что план книги «Кара-Бугаз», «украшенный авторскими отступлениями и цитатами из географических исследований, из книг по химии, отрывками из восточных поэтов и лоции Каспийского моря, из энциклопедии», авторскими размышлениями, «выданymi за чужие цитаты», К. Г. Паустовский впервые прочитал на «Малом Конотопе». И это, разумеется, не было иск-

Письменный стол Р. Фраермана.

лучением ни для К. Г. Паустовского, ни для других «конотопцев».

Несправедливо было бы, говоря о встречах в «Конотопе», умолчать о двух непреходящих его участниках — Валентине Сергеевне и ее матери Екатерине Михайловне. Это были отнюдь не безгласные свидетели происходившего и не только добрые хозяйки, ограничивавшие свою роль лишь тем, что подавали на стол знаменитые пирожки и готовили общее чаепитие. Нет, их мнением интересовались, их советов спрашивали, им наравне с другими предоставлялось слово, хотя они и высказывались, может быть, не столь решительно и категорично. Для высказывания своих суждений у обеих были достаточные основания.

Екатерина Михайловна была активным деятелем народного просвещения. Что касается Валентины Сергеевны, то здесь, пожалуй, следует сообщить, что, кроме того, что она несколько лет работала в РОСТА, где и встретилась со своим будущим мужем, именно она по его рекомендации как председатель местного комитета давала санкцию на прием К. Г. Паустовского на работу в это учреждение. Ко времени образования и расцвета «Конотопа» Валентина Сергеевна и сама занялась более широкой литературной деятельностью и через некоторое время стала заместителем главного редактора журнала «Пионер».

«Конотопцев» было три — малый, средний и большой. В «Книге скитаний» читаем об этом:

«С каждым годом у Фраермана становилось все больше друзей. Поэтому «Конотоп» начал разбухать, как тесто на опаре, и размножаться, как говорил Роксмин, естественным почкованием.

Пришлось в конце концов установить три разряда «Конотопцев» — малый, средний и большой.

«Малый Конотоп» собирался в первоначальном тесном составе почти каждый вечер. В «Средний Конотоп» вопли новые «обшники» — Василий Гроссман, Семен Гехт, Андрей Платонов, старый наш друг по Батуму архитектор Миша Синяевский и его жена

Люсьена. Собирался «Средний Конотоп» с «Малым» раз в неделю. И, наконец, примерно раз в месяц собирался «Большой Конотоп», громоздкий и шумный.

На «Большом Конотопе» можно было встретить самых разношерстных людей — от сибирского восторженного поэта Вани Ерошина («Душа горит!») до академика французского типа, как был увенчанного лаврами — историка Тарле, и от корректного до последней пушинки, снятой с пиджака, писателя Георгия Шторма, до волгара и «окальщика», киноглоба Шуры Алимова — косоворотного вечного студента».

Кроме «Малого» и «Большого» Конотоп, был и так называемый «Високосный Конотоп». Он приходился на именины день Валентины Сергеевны — 23 февраля — и к високосному году отношения не имел.

От Рувима Исаевича и Валентины Сергеевны мне известно, что на «Конотоп» заглядывали, помимо тех, кого называет К. Г. Паустовский, А. А. Фадеев, М. Е. Коляров, ученые, медики, юристы, дипломаты, кое-кто из артистов и музыкантов.

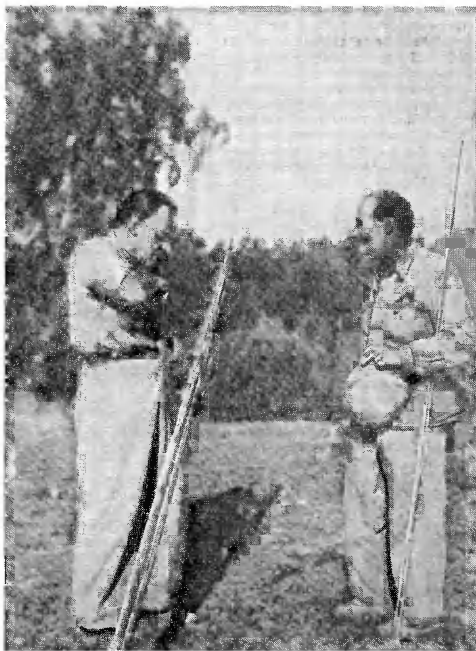
Евгений Викторович Тарле всякий раз, когда наезжал в Москву, еще с вокзала звонил в «Конотоп», справлялся о предстоящей встрече и непременно приезжал. В этом случае обеденный стол в прихожей, служившей одновременно и столовой, отодвигался и у стены ставилось председательское кресло специально для почтенного академика. Евгений Викторович был в большой дружбе с Валентиной Сергеевной, он постоянно с ней переписывался, дарил ей свои книги с трогательными и пространными дарственными надписями.

Из обширной переписки с Е. В. Тарле уцелело лишь девятнадцать писем да несколько книг с дарственными надписями. В этих письмах почтенный академик то и дело вплоть до конца жизни с благодарностью вспоминает встречи «на Пушкинской, 20».

Так, в одном из писем (все письма адресованы Валентине Сергеевне. — Вл. Н.) читаем: «Очень рад был весточке от Вас. Увы! Ваш вечный сон, очевидно, отпосит к тому, что проклятые эскулапы, отсрочив мое потрошение, положили меня в больницу только 23 января — не позволяя поехать на январскую сессию (Академии наук. — Вл. Н.) в Москву! А для меня Москва теперь обогатилась одной достопримечательностью — Пушкинская № 20. Так у Вас было престелсто, что вспоминаю с большим удовольствием».

И даже в письме, датированном 2 января 1960 года, когда о «Конотопе» многие начали основательно забывать, Тарле пишет: «Как часто я вспоминаю, сколько прелестных вечеров провел у Вас на Пушкинской. Недавно в большом обществе академик (старый, резкий, очень знаменитый — естественник) сказал как-то такой афоризм: «Почему у такого таланта, как Фраерман, с его Динго, Головным — как-то мало пишут, а у всяких боналахов и бездарных издалах слышишь постоянно?»

К тому времени, когда он стал бывать на «Конотопе», слава академика гремела не только по всей

К. Паустовский (слева) и Р. Фраерман.

нашей обширной стране, а и далеко за ее пределами, его книги, отличавшиеся не только глубокой научностью, но изяществом стиля, подлинной поэтичностью повествования, читались всюду широко. Он был уже в годах, его одолевали недуги. И тем не менее собрания «конотопские» были настолько интересны и увлекательны, что Евгений Викторович засиживался на них порой до утра. Его, конечно, привлекали люди, чье творчество он ценил, и те интереснейшие беседы, которые поистине можно было охарактеризовать как ширшество ума, в чтение новых страниц только что законченных, но еще не опубликованных произведений и даже еще только писавшихся книг, и шуточные проделки, и остроумные розыгрыши и выходы.

Покидая «конотопские» бдения, Е. В. Тарле не раз признавался:

— Я ухожу от вас освеженным. И мне еще больше хочется работать.

И живя в Ленинграде, он продолжал интересоваться «конотопскими» делами. Навезавшие туда писатели-москвичи непременно обязаны были являться к академику и рассказывать о «конотопских» новостях. Евгений Викторович каждый раз не только с интересом слушал, но и дотошно расспрашивал о своих друзьях из «Конотопы».

Если старый, больной и весьма почтенный ученый,

заваленный свех головы неотложными делами, был так привержен к «Конотопу», то по одному этому можно себе представить, что это были за собрания!

У «Конотоп» был гимн. Его сочинил А. Гайдар. «В этом гимне,— сообщает К. Г. Паустовский,— трогательно изображалась смерть Гайдара в Конотопе от неизвестной причины:

Конотопские девушки слезжук
На могилу душистых венков
Конотопские девушки скажут:
«От чего это умер парень?»

Гимн кончался отчаянным воплем Гайдара:

Ах, давайте машину скорей!
Ах, везите меня в Конотоп!

Стихи эти, видимо, забылись, если были кем-то записаны, то, возможно, со временем еще и отыщутся, и, памятуя, что в каждой шутке есть доля правды, будем надеяться, прибавят какой-нибудь штришок для характеристики «Конотоп».

У «Конотоп» был не только гимн, но и свое «евангелие». Этим «евангелием» назвали два тома писем Г. Флобера из собрания его сочинений, издававшегося Государственным издательством художественной литературы в тридцатых годах. Оба эти тома принесли в дом Фраермана К. Г. Паустовский и подарил их Валентине Сергеевне.

Были в доме и другие тома этого издания, почти полный комплект собрания сочинений. Книгами эти гимн читывались и дорожили. Их увозили с собой в Солотуху, где подолгу и вдохновенно работали в тишине и удалении от столочной суетоной жизни. Там эти книги и потябли во время пожара. Случайно уцелел лишь первый том писем Флобера, охватывающий его эпистолярное наследие с 1830 по 1854 год. Книга эта кся исчерпана начиная от издательского введения и кончая не только комментариями, но даже и указателем собственных имен.

По свидетельству Валентины Сергеевны, и другие тома Флобера были точно так же исчерпаны, что свидетельствовало не об одном лишь внимательном чтении, но буквально о самом дотошном изучении.

Книгу писем Флобера расчеркивали Р. И. Фраерман, К. Г. Паустовский, А. П. Гайдар и А. И. Роскин. Все они в ту пору были еще достаточно молоды, жаждали знаний, стремились учиться своему трудному делу, с великой охотой присматривались к опыту классиков. Вместе с тем к тому времени они уже были, хотя, может быть, еще и не очень знаменитыми, но уже довольно известными писателями. У Р. И. Фраермана, например, помимо стихов, поэм, рассказов и повестей, публиковавшихся в журнале «Сибирские огни», вышли в свет книги «Бурани», «22 на 36» (Очерки об МТС), «Сквозь белый ветер», «Васья гилык», «Вторая весна» и «Никитчен». Общий тираж шести книг уже подходил где-то к половине миллиона. Не меньше успели наработать к этому времени и три других его товарища. И тем не менее все они понимали, что творчество только начинается, что впереди еще ждут высоты, которые возможно одолеть лишь во всеоружии знаний, овладев прочными основами труднейшего мастерства.

Книги Флобера в конотопском кругу были учебниками мастерства. Все четверо были влюблены в блестящего мастера. Влюблены настолько, что для них имел значение не только его творческий опыт, эстетические принципы, даже некоторые морально-этические сентенции, но и круг его знаний, его литературных пристрастий. Все книги, какие читал Флобер, на какие он обращал внимание своих друзей,

ими брались на заметку и, видимо, прочитывались. Не оставлены без внимания оценки, которые дает Флобер явлениям литературы и искусства, наиболее примечательные места выделены подчеркиванием.

Самый большой интерес вызывали те откровения Флобера, которыми он как бы распахивает двери в свою творческую лабораторию, делится своими поистине выстраданными мыслями о писательском мастерстве, описывает свои тягчайшие муки.

«Конотоп» К. Г. Паустовский называет «писательским содружеством». Точное название. Содружество это примечательно не только тем, что конотопские встречи были действительно дружескими, но тем в особенности, что эта дружба была, помимо всего прочего, деловой, пледуетсменной, творческой. Именно в этом содружестве и благодаря этому содружеству писатели деятельно помогали друг другу совершенствоваться, развиваться, как теперь принято говорить, расти. Для этого они не щадили сил, учились, спорили, делились знаниями и едва накопленными еще опытом.

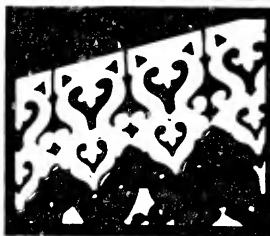
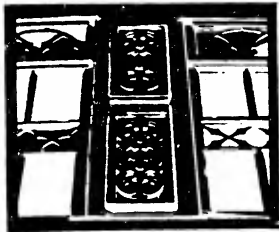
Можно только догадываться, как расширился круг интересов, сколько истинных ценностей мировой культуры оказалось в поле зрения «общников», когда в конотопских встречах начали принимать участие Е. Тарле, А. Фадеев, М. Кольцов, А. Платонов, В. Гроссман, не говоря уже об ученых различных специальностей, при любом удобном случае делившихся всем, что казалось необходимым.

Пример этого поистине замечательного содружества должен быть памятен поколениям. И не только потому, что в нем складывались и мужали действительно блестящие таланты, обогатившие нашу литературу многими примечательными произведениями, а потому главным образом, что опыт этого содружества необыкновенно ценен и поучителен. Писатели сами создали себе ту среду, которая была им столь необходима и которая позволяла развиваться и совершенствоваться незаурядные дарования.

Читатель, видимо, заметил из приведенных высказываний К. Г. Паустовского, что центром конотопского содружества являлся Р. И. Фраерман. Ведь собиравшись не только у него, а главным образом вокруг него. Он был как бы тем тихим, даже неприметным руководителем, которого порой и не очень-то вроде бы чувствуют, но которому преданы до конца. Так было и в данном случае. До последнего дня своей жизни в течение сорока лет дружил с Фраерманом Паустовский, видя в нем не только товарища, а и самого верного, надежного советчика. Это же можно сказать и про А. П. Гайдара. Свое последнее письмо с фронта А. И. Роскин послал именно Фраерману. И М. П. Лоскутов до конца остался верен дружбе с ним. Так в «Конотопе» на преданность отвечали преданностью.

«Конотоп» — это молодость наших замечательных писателей. Позднее Рувим Исаевич воскликнет, вспоминая об этой поро:

«Это была наша молодость!.. наша духовная молодость, начало творческой жизни».

Ольга
ТЕЗИКОВА

деревянные письмена

Оформление Д. КОНСТАНТИНОВА.

Есть еще на Севере такие уголки, где притаилась русская сказка.

Добротно сработанная северная изба вдруг перипет в вас загадочный взгляд птицы Алконоста.

Незлобивые львы посмотрят внимательно и просто душевно позволят любоваться собой, сами добродушно красуясь кончиками расцветших хвостов.

А потом вы увидите русалок-берегинь.

У морских-то берегов,
У желтых песков,
А и плещут плавные
Морские струи.
А играют берегини рековые,
Зантрапился Добрыня с берегинями...

На Севере былины. На Севере резьба. Холодный заснеженный край сохранил неприкосновенность народного эпоса, фольклора зодчества.

На Север едут. Везут оттуда фольклорные записи, иконы. Лововые доски с берегинями и львами, расписные прялки перекочевали на страницы роскошных альбомов.

Впрочем, что касается резьбы, то пишут: «Памятники резьбы занимали и сейчас занимают приволжские районы бывших Ярославской, Костромской, Казанской губерний, вплоть до Саратовской».

Вот так черным по белому: «вплоть до».

...История притаилась среди повостоек. Маленькие домики, зажатые среди самоуверенных новых домов, рассказывают прошлое, как эти корпуса свидетельствуют новое.

Получившиеся знаки, обломки геометрического, деревяного зора — таинственный код истории народа, его представлений об окружающем, его поэтических верований.

Автор «Русского леса» пишет: «Любое племя на земле владело в детстве поэтическим зеркальцем, где причудливо, у каждого по-своему, отражался мир; так впервые

впечатления бытия слагались в эпос, бесценное пособие к познанию национальной биографии паравне с остатками материальной культуры».

Так собрать эти «остатки», этот деревянный фольклор, собрать как можно быстрее и больше, бережно сохранить, попытаться раскодировать, чтобы заглянуть в чудесное зеркальце славянского племени, чтобы прочесть страничку национальной биографии!

Нет судьи беспристрастнее, чем фотоаппарат. Недаром и название ему: «Объектив».

И девятьсот метров отснятой за полгода пленки заставляют размышлять: не доехали, что ли, ученые мужи до Саратова, притомились ли в пути дальнем, что не увидели, не разглядели в тридцатые годы того, что и сейчас еще, сорок лет спустя, сохранилось, дошло до нас?

Берегини, правда, и мне не попадались. Львов не было тоже.

Так называемая «глухая резьба» не характерна для Саратова. Но она есть. Смотрится она на домах лихим из драгоценного металла убранным. Характерно для Саратова другое. Здесь есть всякая резьба, то есть все известные виды художественной резьбы: глухая (долбленая резь) и контурная, рельефная и накладная, ажурная прорезь, архаическая трехгранно-выемчатая и поздняя скульптурная. И бесконечное разнообразие в сочетании и комбинировании этих видов.

Наверное, это когда-то было плохо — не было стиливого единства. Но сейчас, когда деревянная резьба уходит в область преданий, остается быть благодарным этой нечаянной пестроте. Город оказался неосознанным хранителем и неожиданным хранителем разных пластов русской художественной резьбы.

И радости оттого, что держащий в руках то самое «поэтическое зеркальце» народа, в котором так по-своему отразился мир.

Детство племен, детство народа, как всякое детство, доверчиво, благодарно и близко к природе. Бесхитростные понятия об окружающем укладываются в яркие поэтические образы и рождают многочисленные уподобления. День за днем встает солнце над полями, реками и пашнями. Зреют злаки под его лучами, бешутся водами реки. Как же не восславить его животворную силу?

И поются песни, и кружатся хороводы.

А мы сему чистили, чистили,
Ой Дид-ладо, чистили!
А мы просо сеяли, сеяли
Ой Дид-ладо, сеяли, сеяли.

И круглая форма хороводов и их кругообразное движение — символ солнечного движения — и «Дид-ладо» — все назначено прославить Солнце, «Дажь-бога», вьюками которого назовет русских автор «Слова о полку Игореве».

Вот и перстни девичьи маленьким солнышком играют, и хлебы круглые солнцу уподоблены.

Так вошел в русскую народную орнаментику и стал основой ее круг — древневязыческий символ солнца.

Теперь это око постоянно и вопрошающе следило за мной: платят ли по-прежнему «вьюки» дань уважения солнцу?

Солнышки были разные и смотрели отовсюду: на оконных наличниках вы могли видеть ореол лучей от невидимого диска; над парадным крыльцом другого дома вставшее солнце выбрасывало длинные тонкие лучи, на воротах оно стояло «в зените» и цело полным жизни цветком. В спиральях крошечного одного резного крыльца почудилось даже косматое, «сложное» солнце инхов.

Но чаще всего солнце занимало свое место на фронтоне.

Лобовые доски — те самые, что облобываны на Севере берегинями, — украшены порой целой гирляндой повторяющихся полуокружий. Так древний художник стремился передать картину чередующихся дней, повторяющихся заходов и восходов солнца. А устойчивая традиция донесла эту картину до наших дней. «Строка за строкой» читаются деревянные письменца.

Одно из резных украшений слухового окна, показавшееся вначале очередным «солнцем», наводило на какие-то сомнения. Как ни бесконечно разнообразие солнечных кругов, розет, спиралей, в этом угадывалось какое-то иное содержание. Здесь стрелы не казались солнечными, а были вполне определены стрелами лучковыми, расположенными по кругу. Из каких же глубин донеслось это слабое зно, отголосок культового действа славян!

«...Руссы приносят у подножия дуба в жертву птицу, кладя их между стрелами, расположенными в виде круга». Правда, птиц уже не было.

Да и какое дело было недавнему уже домовладельцу до культа Древних славян, о котором он наверху и не слышал.

Встречались и солнечные кони. И опять-таки не северные могучие охотники из цельного косяка, а погорельски тонко выглаженные, похожие скорее на цирковых пони, чем на традиционного русского «добра коя». Но все-таки занимали они положенное им место и, может быть, не подозревали вместе с выполнявшими их резчиком, что состоят в прямом родстве с солнышком, расправившим лучи-перышки на воротах того же дома.

Из отмененных архаичкой мотивов встретилось изображение «древа жизни».

«Древо» свободно и непринужденно «росло» прямо на фронтоне, было по старости разрушено, но показало мне настоящим подарком судьбы.

Очень широкое распространение (особенно по Саратовской области) имеет изображение на наличниках крылатого диска. Это тот же солнечный круг, но с крыльями по сторонам. Здесь слияние двух символических изображений солнца. Одно — уже знакомый нам круг. Другое — представление солнца в виде птицы. Солнечный крылатый диск — символ общий для всех (или по крайней мере большинства) народов земли. И знаменует он победу светлых сил над темными, вознесение людям света, жизнеутверждающего тепла.

Чем больше набиралось материала по деревянному резьбе, тем меньше оставалось сожалений о том, что нет у нас прославленной глухой резьбы. Берегиня и лавы не вызвали уже ни черной, ни белой зависти.

Никогда не было в народном творчестве и никогда быть не может ничего случайного, необусловленного. На Севере вы ловите глубокое соответствие между суровой природой этого края, постройкой и ее украшением — глухой домовою резьбой. Последняя явно перекликается массивностью форм и с тяжелыми серыми пластинами туч и с глубоким снеговым покровом.

Другие формы природы питали творчество ваших резчиков.

Природа края всегда накладывает свой отпечаток на все творчество народа, здесь живущего. Преображенная рукою художника, она ложится в основу искусства орнамента. Художник отбирает при этом главные, характерные черты, самые яркие, по которым мы угадываем потом в наличниках окон или в навесах крылец повисшую дождевую каплю, осенние листья, уже лишенные своей зеленой плоти, обвисшие, легкие, просевающие. Хрусталики сосулек, лесную ягоду, хлебные колоски.

Характерны сами названия элементов резьбы. Они различаются по технике исполнения, но уже в них выражено и звучит глубоко русское начало: камешки, бусы, соты, ремешок, глазки, шустки, чешуйки, фонарики, вейтики и множество других.

Деревянная резьба имеет свой художественный язык, несложный, но богатый.

Примечательна резьба Саратова и тем, что на одном доме вы видите углы, украшенные лирой, а на другом — такой фигурой, что в поисках шифра к ней можно забрести в немалые дебри археологии и потеряться в мифах глубоких предков. Одно такое «чудовище» резное так и засело занозой. Нет его в альбомах, и нет похожих на него. Крупной чешуей покрыто его распластанное тело, угловата маленькая головка. А перед ним — круг, внутри круга — крест. Круг и крест, в нем заключенный, означают домашний очаг, согласно древней символике.

Стало быть, чешуйчатое чудце оберегает этот очаг.

Были резчики веселые и задорные. Злые духи их уже не тревожили, перешагивали они через закатия и озорно «вывесили» на углу дома серебристую рыбку речную, волжскую. Самую настоящую: с чешуйкой и хвостиком и острыми плавниками. И висит она, поблескивает серебристой чешуей на солнышке.

А другой веселый мастер описал свой дом гирляндой веселых рожек, тех самых, из детской считалки: «Точка, точка, запятая, минус — рожца кривая».

Нет, про каждый дом надо отдельно рассказывать. Про орнамент, что всюду разный. Ведь его по пластам раскладывать можно. Как накладывала история на старый, разнородный, разнородный род пласт за пластом, все и уложилось в орнаменте.

А пишут все больше о Севере. Считается, что у нас резьбы нет. В других она, мол, областях, «вплоть до Саратовской»...

г. Саратов.

Александр Щуплов

✧

Черемшу у старух покупали,
соскочив с поездов на ветру,
лбом горячим к стеклу прикипали,
проезжая Байкал поутру.

Пили сок приамурской березы
и глотали махорочный дым,
проклинали таежные грозы
и влюблялись один за одним.

И, влекомы таинственной властью,
на утесе вставали крутом,
были счастливы тем самым счастьем,
о котором мечтали потом.

✧

И, наконец, нас вынесло к Байкалу,
и свет напором зренье охладил.

Весенний ледоход сверкал боками,
и плавился, и в небо уходил.

Он был белей, чем снежная пустыня,
хранящая далекие следы.

Но по краям уже бурлили синью
прорехи пробудившейся воды.

Потягивалась с тихим хрустом лодка,
вмороженная в воду по корму.

И тонкое весло по-женски кротко
мужичью ожидало пятерню.

Ждал, пьяный жизнью, омуль схватки
с сетью.
Ждала волна грызни с гранитом скал.
И ждал Байкал любви и милосердия.
С надеждою свой день грядущий ждал.

✧

Пульс и капель стучали невпопад.
Царили вихри с примесью мазурики.
Налившись соком, словно виноград,
весь день дымились гроздьями сосульки.

Звенели, как звоночки, позвонки.
Стучало сердце молодо и гулко.
Тянулись вверх с травой вперегонки
мальчишки и девочки переулка.

Стеснялись набежавшей красоты.
Не сразу от считалок отвыкали.
А на лице, как первые цветы,
глазищи изумленно полыхали.

✧

Прибывают поезда.
Убывают поезда.
А над миром каждый вечер
светит синяя звезда.

Прилетает самолет.
Улетает самолет.
А над миром, а над миром
снег идет, и дождь идет.

Покидают нас друзья,
и находят нас друзья,
а без них никак нельзя.
А без них никак нельзя.

✧

Стучит в соседней комнате машинка.
Там мама что-то штопает, поет.
Ползет к виску незримая морщинка,
а мама что-то штопает, поет.

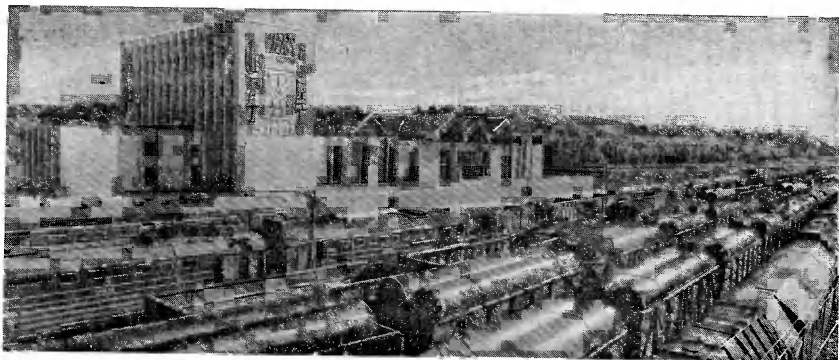
Горит настольной лампы сыроежка.
Мир комнаты наполнился теплом.
И сыплет дождь со снегом вперемежку
за нашим незамерзнувшим стеклом.

А я лежу за стенкой, тихий, глупый,
за песенкой всем сердцем припущив.
Но губы, необкусанные губы
уже иной нащупали мотив.

✧

Метели,
карусели,
хлеб посреди стола...
А сколько детских счастьяц душа
не вобрала!
А сколько юной боли, которой нас ожгло,
в рассудок не вместились, на память
не легло!

А сколько зрелой грусти, прозрений
и замет
позднее появилось!
А места в сердце нет.
А сколько прочных истин с итогами
придет —
прекрасных и бесспорных.
Все прочие не в счет!

*Из постановления
бюро ЦК ВЛКСМ
«О присуждении премий
Ленинского комсомола
в области литературы,
искусства,
журналистики
и архитектуры»*

**ПРИСУДИТЬ ПРЕМИИ
ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА:**

АВКСЕНТЮКУ Владимиру Петровичу,
архитектору, **ЧЕРЕМУШКИНУ** Герману Вячеславовичу,
художнику, **БОРОДАНОВУ** Михаилу Матвеевичу,
ГАНЖЕ Борису Иосифовичу,
МАРИНЕНКОВУ Ивану Семеновичу,
строителям — за архитектуру
Тобольского железнодорожного вокзала.

Железнодорожный вокзал тоболяки называют белокаменным. Раньше город гордился своим кремлем, сюда водили каждого, кому хотели показать достопримечательности древнего Тобольска. Сейчас гость начинает знакомство с Тобольском с железнодорожного вокзала. Конечно, нет смысла сравнивать архитектурные достоинства этих двух произведений древнего и современного зодчества, семнадцатое столетие и XX век: каждая эпоха оставляет свои памятники, созвучные ее духу. Но есть что-то символическое в том, что кремль исполнял функцию защитную, оборонительную, отгораживал город от остального мира, а вокзал — ворота Тобольска, ворота Сибири, радушно распахнутые перед молодежью, которая едет осваивать Север.

Первый камень в основание Тобольского вокзала лег в 1969 году. Точнее, это был не камень, а бетонная свая, великое множество которых пожирало болото. Обычное дело для Западной Сибири: болота,

островки тайги и снова болота. А человек уж так устроен: решая задачи, казалось бы, чисто утилитарные — освоение нефтяных и газовых месторождений, строительство поселков и городов, железной дороги и вокзалов вдоль нее, — окружает он себя красивыми заданиями, слагает стихи и песни.

«Юность» гордится тем, что благодаря существующему более пяти лет содружеству строителей железной дороги Тюмень — Нижневартовск и редакционного коллектива мы не только наблюдали рождение Севсиба, но и участвовали во многих начинаниях молодежи стройки, рассказывали на своих страницах о ее людях. «Юность» поддержала выдвижение Тюменским обкомом ВЛКСМ авторов и строителей Тобольского вокзала на премию Ленинского комсомола.

Что можно сказать о пяти лауреатах?

Владимир Авксентюк, помимо роскошной бороды, имеет целый ряд иных достоинств: начал свою карьеру на легендарном Абакан-Тайшет; страстно увлекается живописью и графикой; сейчас участвует в разработке многих сооружений БАМа.

Художник Герман Черемушкин растет сына Петю, который в свои одиннадцать лет не только с удивлением распрости краски в мастерской отца, но и пробует свои силы в скульптурных композициях. Герман выпустила несколько книг своих рисунков, сейчас оформляет станцию «Юность Комсомольская» на трассе Севсиба.

Иван Мариненков и Михаил Бороданов — оба начинали на трассе Абакан — Тайшет: первый в бригаде штукатуров-маларов, второй — студентом-практикантом МИИТа. Сейчас Мариненков — бригадир отделочников в Тобольске. Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР, Бороданов — заместитель начальника управления строительства «Тюменьстройпуть».

Борис Ганжа — страстный птицелов. В его живой коллекции есть коноплянка, лесной конек, снегирь, чиж, пегел. Мечтает запечатлеть и соловья. В промешках между долей птиц Ганжа руководит лучшей на Тюменщине бригадой камешников. Кроме Тобольского вокзала, построил десятки жилых зданий, аэропорт, гостиницу.

Редакция журнала «Юность» сердечно поздравляет лауреатов премии Ленинского комсомола с заслуженной наградой.

На с. 116: Тобольский железнодорожный вокзал.

Алексей ФРОЛОВ

ТЮМЕНЦЫ НА БАМе

Когда летом прошлого года ездил я на открытие железной дороги от Тюмени до Сургута, в вагоне первого поезда разговорился о будущем этой линии. «Вот дошли до Сургута. В десятой пятилетке «железка» приведет в Нижневартовск. Что дальше — Уренгой, Норильск, океан?» Кто-то сказал: «БАМ. С БАМом — имею сведения — соединимся... А что? Уже сегодня наши на БАМе».

Это хорошо запомнилось: «наши на БАМе». Да и потом я не раз слышал про «наших», которые обосновались в Усть-Куте, Нижнеангарске, Тынде. О них говорили с легким упреком: «Уехали, черти. Работы вроде у нас на тюменской стройке мало...» Но чаще

с уважением и надеждой, как говорят родители о взрослых детях, вылетевших из родного гнезда: «Ну и уехали... Человек волен... Лишь бы не забывались уроки Тюмени...»

Вот так — лишь бы не забывались!

За годы напряженной работы на Тюмень — Сургуте люди накопили огромный профессиональный и нравственный опыт, и грех было бы не использовать луч-

«Здесь будет город заложен» — Северобайкальск. Строить город будут ленинградцы.

Фото М. МИНЕЕВА.

шее из этого опыта на БАМЕ. На БАМЕ, который распахнулся на три с лишним тысячи километров. Который привлекал тысячи и тысячи романтиков — полных энтузиазма, но — увы! — не всегда снующих владеющих той или иной строительной профессией. На БАМЕ, трудности которого до конца еще не учтены и не описаны.

Буквально за день до нового, 1976 года я встретился с глум «нашими на БАМЕ» — глум из двухсот тюменцев. Валерий Фадеев строил еще Абакан — Тайшет, работал плотником, бригадиром, прорабом. На Тюмень — Сургуте был начальником комсомольского штаба стройки. Валерий Цыганов начал карьеру транспортного строителя в Тюмени монтером пути. Здесь (за год с небольшим!) вырос до заместителя начальника знаменитого комсомольского СМП-522.

Как там, ребята, на БАМЕ?

Оба Валерия — мои старые друзья, беседа началась без чайных церемоний... В общем, им достался великолепный участок (возвыша-е, читатель, карту). Север Байкала. Слеса Байкальские горы, здесь будет пробиваться шестикиллометровый тоннель. Справа — Северо-Муиский хребет... Тоннель, который прощется этот хребет, длиною в пятнадцать километров.

— От местечка Даван — на карте оно пока не обозначено — пятсот с лишним километров на восток к Витиму, Урюм-реке — это и есть наше хозяйство, — говорит Фадеев. — Причем уutti, на каждом километре придется строить или водопроводную трубу, или эстакаду, или мост, или мостик — пятсот искусственных сооружений...

— А вот здесь (видишь, река Тья впадает в Байкал?), здесь будет город заложено. Северобайкальск. Ленинградцы будут строить. Пока на этом мысе наш временный поселок, — говорит Валерий Цыганов. — Мы такой там поселочек оттохали...

Меня интересет первое впечатление ребят от новых мест. Принято считать, что оно самое верное. И потом на тюменской земле в смысле ландшафта было очень скудно и однообразно. На Байкале, говорят, совсем по-другому.

— Мы первый раз прямо-таки обалдели. Хрустальная байкальская вода. Десятки метров глубина, а дно как на ладоны... Хребты, покрытые снежными шапками. Сосновый бор, песок. Рыбы — тьма. Вон Цыганов на гвоздь хариуса ловил. Ну, думаем, рай...

— Только когда начали работать, — сказал Валерий Цыганов, — стало ясно, что тюменские трудности, тайга, комар да болота, — цветочки рядом со здешними. Каких только преград строителю не готовила здесь природа! И снежные заносы, и лавины, и оползни, и землетрясения, и вечная мерзлота, и мари — болота на мерзлоте, и термальные источники. Чуть не забыл про штормы, они часто случаются на Байкале, и про песчаные бури, которые, думаю, не уступят каракумским.

— И вообще, несмотря на наш немалый опыт, мы во многих отношениях оказались перед БАМОм в положении новичков: было, пасовали. Конечно, дело прежде всего в климатических и природных неудобствах. Но и не только в них. До БАМа я не встречался с такими огромными сложностями в смысле доставки материалов. Мы никогда не имели дело с морским путем — а водный путь по Байкалу по сложности ничуть не уступает морскому. Или возьми тон-

нельные работы. На Абакан — Тайшете мне приходилось работать на тоннелях. Но ведь тут суберигант: пятнадцать километров. Это поражает воображение. Однако воображение воображением. Как, например, отнестись к такому факту? К Муискому тоннелю (а отстоит он от трансбайкальской магистрали почти на тысячу километров) надо забрасывать по зимнику многотонные машины для проходки. Возможно ли это? Или еще пример. На пути тоннеля много термальных источников. Когда тоннель будет строиться (вынимать породу будут и через вертикальные шахты в километр глубины), человек с поверхности, где зимой температура падает до минус пятидесяти, будет опускаться в шахту, в глубине которой на целую сотню градусов перепад — плюс пятьдесят! Вполне вероятно и такое. Поскольку тоннель строится в зоне повышенной сейсмичности, шахты для выемки могут «задавгаться» породой. И труда насмарку...

— Тут далеко за примером ходить не надо, — сказал Валерий Цыганов. — Зимой семьдесят пятого года наши грузы бегали по Байкальской ледовой, а уже зимой нынешней пришлось возить технику и материалы в обезд — Байкал как следует не промерз. Представляешь, каких затрат стоил нам этот каприз природы? По льду наши автопоезда перекрывали трехсоткилометровый путь за один световой день, а в обезд — это сутки, а порой и не одни — трое или четверо, совсем как на Тюмень — Сургуте, по кочкам, рытвинам и наледям!

Я спросил у ребят, что же можно противопоставить этому букету трудностей, если здесь порой пасует даже тюменский опыт. Они не стоваривались, ответили: опять же он, опыт... Не получилось с первого раза, попробуй еще. Необходимо терпение и упорство. Плюс навыки четкой, слаженной, хорошо организованной работы.

— Ты ведь знаешь бригаду Саша Рыбкова, — сказал Валерий Фадеев. — Они все сюда приехали — четырнадцать парней-плотников. И как с корабля на бал, с шеломы — на разгрузку барж. Другие, возможно, поступили бы иначе. Ну, скажем, поставили бы палатки, приготовили ужин, отдохнули бы с дороги. Эти поняли: промедли они хоть час, не разгрузи баржу — караван не успеет до дедостова обернуться еще раз, и зимой сиди здесь, загорай без материалов, а значит, без работы.

Кстати, именно Сашина бригада рубила просеку под автодорогу на Даван. Ужо говорили, здесь не как на Тюмени — местность складчатая: горы, ущелья. Словом, рубка просеки идет в необычных условиях, привычка нужна, особая сноровка. Так вот они буквально за неделю перестроились и валяли лес, что тебе буховинские лесорубы. Или еще пример, и опять с рыбковцами. Нужно было срочно построить мост. По проекту этот мост должен быть металлическим — конструкцией где-то в пути застрял. Что делать? Бригада срубилась деревянным мостом, который по прочности не уступал проектному, еще и сэкономила на этом пятьдесят тысяч рублей. Как тут не вспомнить путейцев Виктора Молозина с Тюмень — Сургута, которые года три назад, не имея специальной подготовки, но обладая разнообразными профессиональными навыками, в кратчайшие сроки построили мост неподалеку от Тобольска.

¹ Когда номер уже печатался, мы получили сообщение о том, что ледовая дорога на Байкал открыта.

(Пора представить Валерия Фадеева и Валерия Цыганова в их новом, баюмовском качестве. Здесь, на БАМе, Фадеев и Цыганов как бы поменялись ролями. Валерий Цыганов стал заместителем начальника штаба ЦК ВЛКСМ по Бурятскому участку, Фадеев — заместителем начальника СМП-575. На Тюмени, если помните, все было наоборот. Решение ребят попросить себя в ином качестве было не случайным. Вот как они объясняют его сами. Опыт хозяйственной работы немаловажен для комсомольского организатора, так же как комсомольский опыт — для хозяйственника. Начинаешь мыслить глубже и шире... Валерий Фадеев докажет это превосходным знанием производственной ситуации, как, впрочем, и Валерий Цыганов — знанием общественной работы.)

— По-моему, тюменский опыт — умение разумно рисковать, быстро принимать решение, действовать с точным расчетом и без проволочек — наиболее ярко проявился, когда мы строили морской причал, — сказал Валерий Цыганов... — Проект причала не был согласован, а Байкал вот-вот должен был очиститься ото льда. Если не построить причал, «сгорит» лето — останемся без материалов, машин и механизмов, которые можно было бы завезти баржами. Принимаем решение — строить по проекту, разработанному нашими инженерами. Шпунт для причальной стенки забиваем со льда — это пустяки, такое нам приходится делать на Оби. А как будем делать ковш, завод, где могли бы чалиться и разгружаться в любую погоду баржи? Нарубили огромные бревенчатые рязи — волноломы, и эти рязи вручную (механизмов не было) решили опускать под лед. Зрелище это редкостное. Рязь (а всего их было три) длиной в двадцать и шириной в восемь метров нужно вертикально опустить в пазы, прорубленные во льду. Собралось человек около ста — меньшими силами такие машины не поставишь на пона да и не загонишь в пазы. Под «Эй, ухнем...» протолкали работу. Все получилось ладно, без осложнений. А знаешь, сердце белело, хотя инженеры все и рассчитали... лед прозрачный, дно — вот оно, рядом. Того и гляди угодишь в ледяную купель... Конечно, это поспорошок — строить без согласованного проекта. Но когда обстоятельства чрезвычайные, когда от твоего решения зависит не просто успех дела, а его судьба, тут нельзя пренебрегать резервным вариантом, запасным ходом, местным инженерным или конструкторским решением.

То, о чем рассказывали ребята, соответствует периоду, четко названному строителями пионерным: именно в пионерный период, а еще на таком отлете, острее всего существуют нехватки — начинали то с нуля. Именно тогда, в эти первые горючие денечки, на базе с Большой земли стараются завезти как можно больше материалов, техники, продуктов, именно к этому периоду относятся выражения «хорошо войти в зиму», то есть подготовиться к зиме так, чтобы люди были обеспечены нормальным жильем и работой; или такое — «пробить зимник» — проложить через тайгу, реки, горные ущелья и мши авторотуру, по которой денью и ночью будут идти автопоезда с грузами, механизмами — чтобы «войти» нормально на сей раз уже «в лето»... Как видно, тюменцы на БАМе не растерялись, и пионерный период благополучно закончился. Есть автороты на Уоян и Даван. Есть превосходный временный поселок. «Что на очереди?» — спросил я ребят. Вопрос показался мне немаловажным, потому что скоро, очень скоро нужно будет рубить просеку под железнодорожное полотно, отсыпать землю, укладывать рельсы. Увеличится объем работ — появится потребность в новых людях, хорошо подготовленных, умелых специалистах.

— Это факт, — сказал Валерий Фадеев. — Чуть упорядочится, более или менее наладится жизнь в лагерьном, на пятачке, остро встает, так сказать, кадровый вопрос. Отчасти это объясняется спецификой транспортного строительства. Сам знаешь, первое время главные у нас действующие лица — лесорубы, плотники. Надо расчистить место для временного поселения, вырубить просеку под автодорогу, поставить жилье. Потом наступает «эра» путевцев (это уже когда пойдет укладка), и они самым естественным образом вытесняют плотников и лесорубов — чего плотникам здесь делать, у них основная работа закончилась. Чуть погодя новая забота — срочно отыскать и нанять камешников, штукатуров, маляров — пришло время строить станцию и постоянный — кирпичный — поселок. Коллектив, в зависимости от потребностей производства, течет, меняется, и в этом мало хорошего. С другой стороны, стройка в тайге — не на Большой земле, где повесил объявление «требуется» и назавтра специалист наместил. Чаще всего приходится черпать голову рыскать по ближайшим краям и областям.

— На БАМе в этом смысле нам будет жить куда легче, — сказал Валерий Цыганов. — Легче прежде всего потому, что СМП (строительно-монтажный поезд) будет заниматься только железной дорогой и. Градостроительские дела — это уже не его забота, как бывало раньше. Я говорил, что Северобайкальск будут строить Ленинградцы, а, скажем, Тынду — москвичи. Специализация многое упростила...

— А я еще на Тюмени заметил, — сказал Валерий Фадеев, — там кое-где была такой омут: если рабочий имел набор специальностей или хотя бы владел смежными, — и коллектив бывал стабильным, и производство не лихорадило, а главное, дело делалось быстрее и качественнее... Тут ведь какая психологическая тонкость. Человек, когда работает сезонно, временно, от сих до сих — и до сдвигания, у него и отношение к делу чуть иначе, чем у тип-яп... В общем, здесь, на БАМе, мы постараемся учесть уроки Тюмени. С той стройки сюда, к нам, прибыла еще одна бригада — Саней Еременко. Эта бригада комплексная, работает по методу Злобина. То есть делает объект от нулевого цикла вплоть до... художественного оформления — чешаком, обожженным деревом. (Они, например, построили в поселке великолепную трехъярусную столовую — любо-дорого смотреть.) Вот в эту-то бригаду мы и посылаем на трех-четырёхмесячную «обкатку» приезжающую молодежь. Расчет такой. Во-первых, молодой человек получит навыки работы сразу по нескольким строительным специальностям — в бригаде и лесорубы, и плотники, и штукатуры, и даже сварщик. Во-вторых, работая у Еременко по методу Злобина, новичок осваивает прогрессивный метод бригадного подряда — это ему в будущем пригодится. Наконец, если ты даже опытный рабочий, все равно должен пройти «обкатку» у Еременко. Хотя вроде бы кирпичная кладка и у нас и на Большой земле ведется одинаково, здесь, в лагерьном, меньше опеки, больший упор на самостоятельность, умение принимать быстрое решение. Мы этого от рабочего добиваемся, но часто и сама ситуация вынуждает.

Тюменские уроки заставили «наших на БАМе» строже подходить и к отбору молодежи, посылаемой на стройку. Раньше как чаще всего бывало: раз в году на Большую землю, в так называемые труднодоступные районы, устраивалась «поездка за кадрами». Одним из основных мотивов, который учитывался при отборе, было горячее желание парня или девушки «поработать на стройках Сибири. Естественно, отсев был

Рисунки
А. ХАРЧЕНКО,
побывавшего
на участке
строительства БАМа,
где работают
поменцы.

Один из участков строительства трассы под Северобайкальском.

Дорога к Байкальскому тоннелю. Река Гуджигит.

Строитель
Николай
Филиппов
с Кубани.

немым. Тюменцы на БАМе, видимо, учли этот урок, и уже, например, ленинградский обком комсомола послал в Северобайкальский отряд молодежи, не похожий на прежние отряды. Разумеется, все ребята этого отряда имели горячее желание поработать на БАМе, были прекрасно экипированы. Но самое главное, каждый из них обязательно имел одну или две рабочие профессии и, кроме того, трехмесячный опыт совместной работы на стройках Ленинградской области. Иными словами, ленинградцы получили некоторую закалку еще на месте, коллектив прошел стадию «притирки», не выходя, так сказать, из дому. Даже отсюда (куда от него денешься?) прошел опять-таки на месте в Ленинграде, и потому, видимо, менее болезненно... Я спросил ребят, пришлось ли ленинградцам ко двору...

— Пока это лучший метод формирования комсомольских отрядов,— сказал Валерий Цыганов.— Хотя с ленинградцами не все было гладко. Они только-только приехали, и сразу просьба: не разбивать их коллектив. Мы подумали-подумали и уважили просьбу. Хотя было предчувствие: с работой в бамовских условиях им собственными силами поначалу не справиться. Фадеев говорил, что даже опытный рабочий, прибывший с «материка», нуждается здесь в «обкатке». А у ребят опыт-то — три месяца... Словом, предчувствие нас не обмануло. Ленинградцам порой приходилось очень туго, и хотя они в принципе держались молодцами, очень часто умение, профессионализм подменялись напором, зряшной тратой сил. Тогда мы решили — конечно, с согласия ребят — влить в бригады наших «стариков», в основном тюменцев. Опыт такого наставничества вполне удался: никто не в обиде. И люди и дело оказались в выигрыше.

Мы говорили о ленинградцах, и я подумал, что, наверное, не случайно именно ленинградцы будут строить город у Байкала. Условия, можно сказать, и там и здесь приморские... Но главное, видимо, в-другом. Я вспомнил, с какой любовью обихаживается в городе на Неве каждый скверик, каждое деревце; как продуманно и бережно «всаживают» дома в зеленые массивы ленинградские архитекторы и строители.

Байкалу, природе, которая его окружает, очевидно, такой подход и нужен. Думая об этом, я решил спросить ребят, накладывает ли соседство Байкала какие-то дополнительные моральные обязательства на молодых строителей. Ведь они должны бывать не только о стройке, но и о том, чтобы они не нарушали гармонии окружающей среды, не выглядела бы на фоне байкальских красот чужеродно...

— Знаешь, а мы с Цыгановым — члены общества охраны природы. Да и не один мы. На многих стройках приходилось мне бывать, а не слышал, чтобы люди, как это бывает у нас, безо всякого нажима и угроз вступали в это общество. Это хороший признак. Впрочем, членство может быть и чисто формальным. Заплатил десять копеек, получил билет, а потом преспокойно вылопоскал ведро из-под солонья в озере... К счастью, у нас такого не бывает. Понимаешь, мы как приезжие в московском метро — рука не поднимается бросить на пол бумажку. Очевидно, такова магия красоты. А в нашем случае — в случае с Байкалом — еще и чувство долга... Цыганов тут рассказывал, как мы ставили ящики у причала. Эти ящики нужно было нотом засыпать галькой. Для прочности. Вот она, галька, на берегу Байкала. Бери. Но представь себе, никто, ни единый человек не закнулся об этом. Гальку возили издалека, от реки Тим... То же самое и с лесом — строевой лес вокруг

нас, а возим мы его за сотни километров... Или так. Строится новый поселок. На Тюмени, бывало, со стройплощадки сминались все до единого дерева (исключение — поселок Юность в Сургуте, где великолепный сосновый бор сохранен, да еще, пожалуй, поселок Молодежный на Меге). На БАМе же, прежде чем отвести место под жилье, общественность вместе со специалистами-лесниками внимательно осматривает, проверит все, чтобы ненароком не повредить лесосушняка. Те деревья, которые рубке ни при каких условиях не подлежат, повязываются красной ленточкой.

— Вот еще что интересно,— сказал Валерий Цыганов.— Соседство Байкала, красота окружающей природы каким-то особым образом сказываются на людях. Ну, например, так. У нас временный поселок — в чашке, в украшениях из коры, обожженного дерева, цветного пластика. Словно человек задался целью переоселить здешнюю природу по цвету, разнообразно рисуна... Заметил я и другое. Здесь у нас люди не строят шалай-валяй. А казалось бы, чего церемониться? Шитовой домик. Сегодня поставили, завтра снимаем — транспортный строитель постоянно переезжает. А посмотрел бы, с какой любовью наши ребята-плотники работают. Очевидно, сам Байкал и все, что его окружает, рождает у людей желание быть лучше, делать лучше свое дело. Иными словами, совершенствоваться. Я так понимаю...

Под конец я решил спросить ребят, есть ли среди бамовских проблем такие, которые целехонькими перебрались сюда, на БАМ, из Тюмени. «Наипервейшая проблема — с книгами», — был ответ.

— Высказывается в тайге десант, и очень часто вместо лишней буханки хлеба май банки консервов ребята берут книгу,— сказал Валерий Фадеев.— Или другое. Заходящий в вагончик — ни тебе мебели, ни ковров, а полоачи с книгами — обязательно...

И все-таки книг очень мало. Иной раз ребята в очереди стоят за томиком,— продолжал Фадеев.— Мы, правда, здесь кое-что придумали, но это так, временная мера... Знаешь, придумали летающую библиотеку. Грузим в вертолет весь наличный запас литературы и два раза в неделю облетаем объекты — меняем книги... А что? Пока это может быть выходом...

Вот так. Тюменцы и на БАМе остались тюменцами: энергичными, изобретательными, озбоченными интересами дела и судьбой человека на стройке. Уроки Тюмени не забыты.

Сравнение армии с театром не преувеличение. Впрочем, буквально понимать его тоже нельзя. Сегодня, когда война стала для нас далеким прошлым, солдат остается солдатом, и его тщательно готовят не только для парадов. Пусть выстрелы холостые, но зимний холод в окопах не потеплел с сорок первого года, и не полегали сапоги. Служба ко-прежнему ставит перед солдатами велекие задачи.

У десантников они трудны вдвойне.

Солдат сорвался с макета дома на штурмовой полосе, сорвался или из-за неумения, а может, просто из-за роготейства. Он покалечился, если его не подхватят страхующие, но они подхватят, они и поставлены внизу на этот случай. А ежели десантник не будет уметь «себя вести» или станет зевать в воздухе, ему никто не поможет. Никто не подскажет, как справиться с «задурившим» парашютом, никто не подхватит у земли тело, падающее со скоростью полсотни метров в секунду. Значит, вся надежда только на себя самого, на свою собранность, на хладнокровие. С такими качествами не рождаются, а десантником без них не быть. Значит, человек должен эти качества приобрести.

Десант выброшен! Понятия тьма, флагов отсылается. С «большой землей» тебя связывает чуть, что готовая оборваться ниточка в эфире, и кто знает, смогут ли сюда при нужде пробиться самолеты, чтоб сбросить боеприпасы, еду, медикаменты. Нельзя быть уверенным и в том, что там, внизу, тебя не ждут люди, которые отлично знают: парашютисты в воздухе надо быть с упреждением на два корпуса...

Каким же должен быть человек, что в случае необходимости пойти на все это, не струсить? Снежными становятся, начиная с малого. Но, как правило, и это малое бывает трудным.

Прыжки с парашютом — начало начал для десантника. Это все равно, что ребенку научиться ходить и говорить «мама». Но если человек приспособивался десятки тысяч лет и это для него дело естественное, то браться с заоблачной высоты — это уже насилие над людской природой, не давшей человеку крыльев и не пустившей его в небо, как птицу. А всякое насилие обязательно вызывает сопротивление, поэтому все существо начинает беситься, когда впервые подходишь к распахнутой в облака двери самолета. Перед тобой встает барьер настолько материальный, что после первых прыжков — после его преодоления — люди теряют два-три килограмма в весе.

И вот на первом прыжке в армии, перед самой командой «пошел», я обернулся, просто из любопытства. Зрелище было редкое. Отрешенные, бледные лица. Глаза, как говорят, «квадратные», неподвижно уставлены на сигнальные фонари. Сзади стояли люди, как бы потерявшие способность реагировать на окружающее. Им в тот момент — знаю по себе! — больше всего хотелось стать маленькими, как букашка, незаметными и тихими, спрятавшись, затаясь. А ведь на земле эти парни трусами не были... Девчата на «гражданке» не робели рядом с ними даже в самых скандально известных переулках.

И вдруг эти лица! Такая ситуация: под лавку или в небо. Третьего не дано.

...Команду я тогда не прозевал. В воздухе развернулся на самолет и не увидел других сверху. Потом наш «корабль» еще раз зашел на круг, и в небе-таки повисли купола парашютов, правда, на один меньше, чем должно было быть. Уже на земле выяснилось, что стоявший за мной парень прыгнул не смог.

Он был постарше нас. Когда Сергей бился — лезвие аж скрипело. Над губой чернел шпурок усов. Да и лицо с крупными, четкими чертами всегда хранило неизменное, уверенное, мужественное спокойствие.

Даже смеялся как-то особенно сдержанно. В столовой — а аппетит у всех был волчий — ел аккуратно и красиво. Говорил Сергей обстоятельно, спорил с несокрушимой логикой.

Даже в столь обязательной для казармы теме, как «девчачья», Сергей никогда не удалялся в пошлятину. Как-то мы увидели у него фотографию дивной женщины. Такую обхаживать в метро, скажем, на предмет телефона — все равно, что попросить оставить покурить английскую королеву. Ребята обмерли в немом восторге. Сергей же, окончательно дополнив впечатление о себе, просто и веско сказал: «Вернусь — поженимся. Ждет!» Сомнений в этом быть не могло. Действительно, письма она присылала часто, он отвечал и никогда не пачкал конверта бесмертным «жду ответа, как соловей лета».

Всем нам было ясно, что на «гражданке» наш товарищ человеком был особенным, если даже на переломе первых армейских дней ничуть не изменился и сохранил свою линию поведения.

Так было до прыжка...

Его отказ прыгнуть настолько ошеломил всех нас, что мы неотреагировали на этот поступок ни сочувственным словом, ни издевкой. Казарма очень редко обходится так с трусами, но на этот раз она даже протянула руку помощи. Сергею доказывали, что парашот надежен, как валенок, как ложка. Миша Мовпан, первозразрядник, прыжков под две сотни, предлагал уложить купол своими руками. Сергей соглашался и внимательно всех выслушивал. Он даже снова сел в самолет, но, хотя был в центре внимания, все равно улучал момент и делал парашютом негодным к прыжку, едва выпускающий открывал в воздухе дверь.

Гимнасты хорошо знают, как тяжело выполнять самый простой соскок, если однажды побоялся его сделать, не успел довернуть сабель и встретил землю ногами. Не совладаешь с собой очередной раз — будет еще труднее, потом еще... Можно бросить страшнее занятие, уйти от него, но пока все равно не будет. Память о своей трусости выматывает нервы, изведет. Сергей не мог никуда уйти: служба! Поэтому его боль была еще острее. Вокруг то были мы, не уступившие, сдвожившие. Львиная доля наших разговоров шла на прыжки, мы пели песни о прыжках, прыгали и снова говорили о них взахлеб, с восторгом...

Вслух он не признавался, что ему тяжело. Старался держаться и не подавать вида. И все-таки прежний Сергей исчезал. Постепенно, трудно. В голосе заведись чуть слышимые заискивающие, неуверенные нотки. Да и весь человеческий монотон его треснул где-то внутри и перестал быть ощутимо целостным. Когда он заметил, что мы поняли, в чем загвоздка, ему захотелось оправдаться, он снова испугался, а потому стал суетиться и допустить непоправимую ошибку, сказав, что не будет прыгать: зачем рисковать той женщиной, машиной, своим домом, здоровьем? Лишний удар о землю, мол, уже не прибавит... Мы рисковали, хотя кости свои дедали не меньше, чем все нормальные люди, поэтому вдавывая в исследование психики человека, называвшего нас дураками, не хотелось.

Мы стали доклекать его насмешками.

Это было примитивно, а посему особенно для него тяжело. Ответа не следовало с самого начала. Постепенно отказчик в сознании ругал бы вызведен до положения во всех отношениях незадолго. Стоит в наряде: самая черная работа ему! Просто как само собой разумеющееся, установленное давным-давно. Койка — на втором ярусе, получаем новое «эбз» — он последний, за столом сидит с краю. В разговоре слово Сергея значило не больше дверного скрипа —

посмотрели на него, вроде прервавшись на полуслове, и дальше про свое. Нет, нам это не доставляло удовольствия. Почувствуй рот хотя капельку, что он хочет честно выйти из «парня», ему бы снова поставились помочь. Но он не хотел честно...

Сергей не прыгнул ни через год, ни через полтора. Ребята, многое испытав за два года, стали мудрее и терпимее. Научились видеть не только зримую форму событий, но и их суть. Трагедия Сергея, а это была именно трагедия, пусть он сам был в ней виноват, тронула людей. Он понял это сразу и повел себя как страдалец за свою особую веру — смиренно, но непреклонно.

А перед самой демобилизацией у Сергея совершенно случайно обнаружился значок парашютиста-перворазрядника. Маленький такой, серенький...

Впечатление было тягостное, потому что ложь оказалась продуваемой, последовательной до конца, предназначенной на вывоз. Приписи этот значок парашюта «для форсу», никто бы ему, наверное, и слова не сказал. А здесь была подлость. Человек хотел удобно жить, не тревожась за прошлое. Из памяти своей он старательно вырывать не мог, но вот заглянуть в жиденьким самообманом — мол, люди простыли, значит, чест — хотел. Ему это было необходимо, чтоб стать прежним. Но большее по дешевке не купишь.

Эта история могла бы стать историей многих, не сомнадай они однажды со страхом. Но они справились. Каких сил это стоило, судить можно по истории с Сергеем.

Вообще десантники редко признаются в подобном. Как-то нехорошо. Совсем недавно, в своей первой журналистской командировке, я снова встретился с молодыми десантниками. Ветер в тот день тянул крепкий, а это значит, земля встретит несласково, а они транили всякие парашютные «суеисти», называли купола «моя старая трыпочка» и смеялись. Но я-то знал, что такое согнутые макушки деревьев, и они знали. Знал я и то, о чем ребята в такую погоду спрашивали в полете у бортехника: о баллах ветра. Значит, волнуются...

Приземлившись, они будут жевать мятые «беломорники» и одну за другой ломать «еще чертвы спички», а спустя минуту после первой затяжки уже смогут разом положить далекую, чуть видную фанерную мишень.

Десант выброшен, медлить нельзя, за ним сразу же начинается охота. Часть не группа диверсантов, которую могут и не заметить. На многие километры вокруг площади приземления противник поднимается по тревоге и держит готовность. Усилены посты, высланы дозоры. Не хватает разве что красных флажков и звуков охотничьего рога. И в этом положении десанту приходится не просто уходить от преследования, спасаться, а выполнять боевые задачи. Неожиданно, вопреки расчетам противника. А это значит — марш на десятки километров, боковые тропы, помеченные на всех картах непроходимыми, переправа через реки там, где это раньше считалось невозможным.

Оказавшись в такой ситуации человек неподготовленный, его не спасет ничто. Значит, сильным и выносливым надо уже быть. Сделать человека таким — одна из задач воздушного десанта мирных лет.

Спорт в ВДВ — обязанность. Такая же, как, скажем, не спать на посту или уметь стрелять из автомата.

В армии есть что-то вроде гражданского ГТО. Только здесь это много сложнее и нормативы жестче. Справиться с ними тяжело даже тем, кто увлекался и занимался спортом до службы. Но вот что интересно: главная сложность не в быстрых секундах и километрах кросса.

Дома нас окружает множество вещей, которых мы в повседневные и не замечаем. Полаки с книгами, безделушка на письменном столе, удобный диван, всегда готовая к действию кофеварка, новая пластинка.

Жизнь устроенной жизнью, мы имеем полную возможность расслабиться, следуя своим желаниям или прихотям. Мы можем надого залюбоваться первым снегом и прочувствовать радость от его холода. Иногда мы за полночь, после целого дня работы, позволяем себе отравиться погулять куда-нибудь в парк. Это кажется естественным и неотъемлемым.

И вдруг tutta привычная жизнь кончается и наступает солдатская. Старые привычки остаются, но удовлетворить их, как прежде, уже нельзя.

И отныне помню свой первый день в казарме. Я вошел и остался между красным, до блеска надраенным полом и неприглядным высоким белым потоком. Поразило и подчинило именно это. В голове больно колотилась бессонница двух ночей, перило простуженное горло, ныли ноги в непритерших сапогах. Состояние было полубольное. Первое, что захотелось, это лечь на безукоризненно заправленную койку, повернуться к боку на бок, резко, сильно, чтоб разлетелась эта монастырская строгость по нитке выровненных подушек, натянутых одеял, а потом уснуть и спать долго-долго, и проснуться дома, и забыть все, как дурной сон. Но ложиться было не положено...

Захотелось побыть одному, разобраться в ворохе новых впечатлений, но везде толпятся люди, а уйти куда-то тоже не положено.

Всего, с чем в первые часы службы сталкиваются солдаты, и не перечислишь. Это и десяток дня за другой следующих команд «отставить», если не по форме обратиться к старшему; и одеяние за сорок пять секунд; и ремени, затянутый так, что теснит дыхание. Привыкнуть к этому сразу нельзя, нельзя с самого начала и понять, к чему такие строгости. Поэтому мелочи и заставляют нервничать, особенно если представить, что впереди целых два года.

Внутренняя перестройка забирает почти все силы. Страничка устава, которую еще несколько дней назад выучил бы за десять минут, никак не идет в голову. Выговор от сержанта забесил, но пререкаться тут не положено, и все осталось внутри тяжелым, невысказанным грузом. А еще долго не было писем. Одно к одному...

Раз... два, раз... два. Корпус держать прямо, слушать команду!

Трое ребят отжимались от пола уже не первый и не второй десяток раз. Дрожат руки, на лбу пот, у одного даже слезы на глазах. Раз... два, раз... два. Парень вдруг мешком опадает, переворачивается на спину: «Не могу больше». Сержант молча подходит и возвращает его в упор.

Раз... два. Вмешиваться и избавлять его от «муки» нельзя, хотя я отлично знаю, каково оно, это «качалово» в первые армейские дни. Нельзя, потому что он еще слабый, а сам заниматься не может и пересиливать себя не умеет.

Постепенно, капля за каплей, налились бицепсы. Никто уже не впадал на трассе в истерику. Все равно застанут бежать до конца, да потом и кислород перестал «пропадать» из атмосферы, стало легче, появились хорошие результаты.

Спорт в армии не самоцель, он не для рекордов. Нормативы, конечно, не идут ни в какое сравнение с секундами Борзова, головокругительными элементами Андриянова. Суть в другом. Вымученный финишный рынок, переборщенное под зубонный скрежет через перекладину тело учат держать и действовать до полного изнеможения, одолевая по-

ставленные с упреждением предостережительные системы организма и психики. Десантнику это необходимо.

Вы наверняка знаете, каково приходится ночью в туристском походе, особенно если прихватили первый морозец. Холод достает через стенки палатки и даже через «спальник». Полежишь на одном боку четверть часа, и он уже окончен. Надо повернуться, но каждое движение — мучение, все так и ноет. А тут еще и зубы стучать начинают. Хочется только одного — чтоб быстрее наступило утро и пришла первая электричка. О «Бетховенских сонатах», которые должны «волновать бродяжьи души», забыть накрепко. Вернувшись домой, молодые люди сутки отсыпаются и капризничают, если чай оказался с малиновым вареньем, а не с клубничным. Потом за бутылкой «Рислинг» происходит встреча. Упоительных воспоминаний хватает до конца года, а песни о снегах, пурге, затерянной в тайге палатке поются с редким романтическим надрывом.

Для нас снега, пурга были не каким-то отвлеченным образом, а самой настоящей реальностью. Надо признаться, особого вкуса в прихваченном морозом носе мы не находили даже после того, как почерневшая кожа сошла и даже успела нарасти новая. Петька Плехневич удачно сформулировал общее отношение к ночевкам в лесу. «Пусть лес! Но одеяло, кур, должно быть без дырок, а батарея паровая, чтоб как уток. Вот тогда рожайся!»

«Упавающих не бросают, значит, упавших быть не должно». Это неписаный закон десантников. Эффектная фраза, ее мне сказал человек с пылью орденами — все за операции в тылу у фашистов. Ему уже за пятьдесят, и вряд ли он видит во сне британтины. Серьезный человек, суровый. Заподозрив его в трескотне было бы грешно.

...Шли учения. В тех краях ветер имеет обыкновенные тянуты разом с четырех сторон, и зимой это особенно доимает. Мороз и ветер — сочетание бронебойное. В ту ночь был как раз полный набор этих «аростей». Мы «соевали» уже двое суток и в первый раз отдыхали. Рота лежала в снегу и пыталась заснуть. Костры жечь было нельзя. Наша разведка ушла искать противника, ну, а тот, конечно, искал нас.

Десантные куртки, несмотря на всю свою добротность, долго держат тепло, конечно, не могли. Оно выходило, тошало снег внизу, а мы чувствовали себя отсымающими на морозе железяками. В объеме, может, и не уменьшались, но трясина как одержимые. Какой там сон! А спать надо, впереди такое, что не поспишь — не выдержишь. Встаешь, крутишь руками, подпрыгиваешь. Кажется, согрелся. Ложиться, но тепло опять уходит, и зубы начинают кланяться по новой. Рядом кто-то на минуту включает фонарик. Люди непроизвольно стараются попасть в его луч, хотя отлично знают, что тепла от него, как от лунного света.

Холод выматывает душу. Потяхоньку, но неотвратимо появляется в голове кошмар, оформленный под белую ванну с элепоновой горячей водой. Зрелищно успеваешь «насладиться» сполна. К счастью, скопившуюся злость удается употребить на оттирание онемевшей щетки.

Новая попытка заснуть. Неудача. Холод и тоска. Из оцепенения выводит Петька Плехневич. Ткнул рукой в бок.

— Там в рюкзаке... достань... самое время.

Кто-то постелил плащ-палатку, и все мы выжидали на нее остатки личного ИЗ. Харя был немудреный: полбуханки мерзлого черного хлеба, горсть сахара, плавленый сырок. Каждому достались крохи, но организм моментально превратил их в тепло.

Полегчало.

Мокро засопели торчавшие из меха шапок носы. Это добрый знак, верный. Петька на всякий случай исследовал состояние самого молодого из нас, потребовав издать звук «стр...у». (Если окончил жюнец — его ни за что не произнесешь.) Качество звука по зимним нормам оказалось вполне подходящим. Мы сбились гуртом, укрывшись сверху палатками и смогли немного уснуть.

Такой вот эпизод. Не яркий. Кто-то, прочитав его, уже через минуту забудет Петиню имя и может только усмехнуться над проверкой на «стр...у». Что тут особенного?

Жизнь сытой, устроенной жизнью, когда вдоволь еды и тепла, мы не знаем смысла, скрытого за некоторыми фразами: «отдал последний кусок хлеба», «уступил замерзшему место у костра». Мы пользуемся этими словами отвлеченно, как поэтическими образами. А ведь они имеют очень конкретный смысл. Кусок хлеба! Да мы отдаем его соседу, как сигарету, не делая из этого события. Батон за тринадцать копеек — и душевная бедность. Уже несомненно.

Одна газета как-то рассказала историю, случившуюся в слабеньком подобии такой ситуации. Десятиклассник пошел в поход. Выпили, опалели. Ночью упал снег. Одна девочка вышла на мороз и не смогла вернуться в палатку — заблудилась. Ее долго не было, но никто не пошел искать, а она замерзла до смерти.

Потом ребята оправдывались темнотой, холодом, плали с пытого на десятое, только чтоб скрыть настоящую причину своего бездействия, страха выйти из спасительной палатки.

Газету с этим материалом рота зачитала до дыр. Если десятиклассник попал в такую ситуацию случайно, то мы еще год назад такие же, как они, работали в таких условиях часто и подолгу. Мы жили по закону, о котором говорил старый десантник: «Упавающих не бросают, значит, упавших быть не должно».

Это диктовала жизнь. Там, где тяжело, — один не выдержишь. Пусть ты силен, но если рядом с тобой слабый, тебе придется сделать то, что уже не можешь сделать он. Это значит — ослабнешь и ты. Поэтому не дай ему упасть. Противя половину своего сухаря, помоги на подлете. Тогда он выпрямится, не ляжет на песок остальных лишним грузом, поможет тебе, если будет надо. Живят так. Примитивно? Нет, просто, очень логично и четко, а главное, человечно. В этом-то и была наша романтика. Не гитарная, не до первого мороза. Петька Плехневич, тот самый, что говорил о батарее и одежде, недаром любил костры до самозабвения, как огнепоклонник. Хотя объясняет это приверженностью к дизайну: «Полезно, но и красиво». Здесь явно что-то недоговорено. Попробовал бы кто-нибудь затопить ставший ненужным огонь с помощью сугубо индивидуальных противопожарных средств. Подзатыльник получил бы моментально, и получали некоторые.

— Он тебя согрел?

— Согрел.

— Обсушил?

— Обсушил.

— Так что ж ты в него гадишь, как свиная... Смотри!».

Примешивая в роту молодежь обязательно проходила у Петьки полный курс «кочегарных наук». Он читал настоящие лекции о том, как держать костер на ночевке, когда больше нужны угли, а не пламя. Как разжечь сырые дрова и убрать дым. Сразу после объяснения следовал опрос. Неусвоение должны были идти за дровами. Сам «профессор» это

ТРУЖЕНИКИ МОРЯ

Людей, о которых рассказывается в этой очерке, досужий наблюдатель эпопею море бы счесть отпусниками, развлекающимися подводным плаванием для собственного удовольствия.

Прав он был бы в одном — действительно, герои очерка влюблены в подводный спорт.

Но свои силы, опыт, умение и волю они отдали делу изучения и охраны окружающей среды.

С 60-х годов эстонская морская ихтиологическая лаборатория каждое лето организует экспедиции по Финскому заливу в места обитания морской водоросли фурицелларии.

Местная промышленность из этих растений получает желатин, и поэтому важно ежегодно определять разумную меру добычи фурицелларий. Охрана среды обитания — дело не только ученых и специалистов.

Вот почему в этих экспедициях, используя свой месячный отпуск, работают молодые рабочие и инженеры — спортсмены-подводники морского клуба ДОСААФ.

Их усилия не пропадают даром. Например, обследованный экспедицией участок побережья в районе Верги стал частью Эстонского национального парка. Прибрежные леса, подводный мир этих мест со всей живностью и растительностью раз и навсегда взяты под охрану государства.

Владимир КОТЕЛЬНИКОВ

Владимир Котельников работает электромехаником на железной дороге, писать начал совсем недавно, а в литературный журнал прислал свою рукопись в первый раз.

Я повис у трапа в мутной зеленой воде. Ак-валанг кажется мне наказанием. Надо махнуть начальству на палубе и идти на дно. Мне не хочется идти на дно. Сквозь воду я вижу, как там, внизу, работают мои огромные ласты, как прямо под кормой маячит винт и руль нашего корабля. Сверху, с палубы, свесились лохматые головы, кепочки — все смотрят вниз на меня. С трудом переворачиваюсь в воде и медленно вхожу в мутную глубину...

Мы вышли в море «попробоваться». Поднималась волна, и наш мелкий залив превратился в кипящий суп. Перед маской пролетали клочьями водоросли, метались испуганные окушки, и чувствовал я себя очень одиноко. Дна я не увидел, а просто тихо стукнулся о него маской. Тут был один песок — серый, пустой. Никаких водорослей, никаких фурицелларий, и я пошел вверх. Подождала хорошей волны, и она сама вытолкнула меня обратно на трап. Выбирался я на палубу медленно, не спеша, пытаюсь разобраться в своих чувствах. Каждый год зимой мы говорим и мечтаем о подводных приключениях, но когда наступает лето и приходит свое время идти вниз, тебя некоторое время держат на палубе легкий страх и хандра. Потом, когда выйдешь из воды в первый раз, это проходит и в голове остается только дым восторга: «Ура, я плаваю...»

...Мы едем летом на острова, в тайгу, к бабушке в деревню, чтобы уйти от шума и чтобы найти одиночество и покой. Принять на поляну и точно знать, что никто до тебя здесь не собирал землянику, что никто сюда не придет ни завтра, ни через два месяца, когда здесь появятся первые белые грибы. То же самое — проплыть над темной, холодной глубиной, втиснуться под карниз подводной скалы и улыбнуться: я здесь первый.

...В крыше сеновала чиркают воробьи, двери на улицу распахнуты, и кто-то из наших уже встал. Я вышел во двор. Хозяин дома, где наша экспедиция ночует, — маленький старичок, очень тихий и незаметный, — с утра лежит на солнышке посреди двора. Я осторожно обошел его, дед открыл глаза и, усмехнувшись, пожелал мне доброго утра по-эстонски. Двор и сад давно и, видно, навсегда захватили дикие заросли, однако он немного выкапывает их, расчищая жизненное пространство для себя и для гостей. Каждое лето он охотно берет на постой экспедиции, — чтоб повеселей жилось.

Все, что работает в море, спешит использовать погоду, и мы тоже спешим. Дни нам выпали благодатные — тихие, солнечные. Сами мы постепенно распалялись, и пообщались с кораблем и друг с другом. Кончились наши первые страхи, все снаряжение отлично работало, и мы уже к концу второй недели могли бы закончить месячный объем подводных работ. Но приехал Хэин Кукк, начальник экс-

педиции (он отсутствовал первое время) и «царственной рукой» добавил нам работы: еще 50 станций, то есть 50 раз нам надо нырнуть за образцами, а нашей судну сделать столько же переходов. Неделя работы. В этот вечер мы простились с тайными и заветными плавами обойти пешком участок южного побережья острова Хикумаа и поохотиться в этих местах под водой в разных заливчиках, на песке и в камнях, потому что любая незаметная с виду бухточка может оказаться красивой, как аквариум, и очень богатой рыбой.

Но Кукка больше интересуют, конечно, не эти планы, а фурицаллария. В первый же день он надолго засел с капитаном и разрисовал всю карту Моондзундского архипелага новыми крестиками и пометками — те самые 50 будущих станций. Мы должны охватить выборочной проверкой большой район, и они наметили кратчайшие пути с участка на участок, чтоб каждый день к вечеру Хэнн Кукк мог со спокойной душой обводить кружками на карте очередные 15—20 крестиков. Значит, точно под ними мы, четыре акалангиста, сегодня ныряли в живое море, брали пробы фурицалларий, замеряли толщину их слоя, процент покрытия дна и температуру воды. Такова наша работа.

В это время колхоз «Хийу Калаур» уже начал траление фурицалларий. Однажды утром мы подошли к колхозному промысловыку. Я одевался на корме в шинкарий американский гидрокостом, рядом сверкал на солнце никелем и коронами французский акаланг — мне хотелось удивить рыбаков нашим снаряжением, и они рассматривали нас во все глаза. Я видел, как Хэнн Кукк и Рихо Кристохьян вызвали капитана рыбаков на палубу и долго расспрашивали его о промысле. Ведь мы проводили исследовательскую работу собственно для них, для рыбаков. Наша задача в том и состояла, чтобы прямо там, под водой, убедиться, что поля фурицалларий не истощаются промысловиками, не исчезает это ценное для промышленности сырье.

Куст фурицалларий с виду напоминает клок спутанных человеческих волос. Живут они на глубине около 10 метров, лежат на дне коричневым ковром, и потому вода над ними, если смотреть с поверхности или с палубы, кажется темной. 10 метров для акалангиста — это неглубоко, и потому, когда расплаваешься, не остается ощущения, что ты рыскаешь, что твоя жизнь зависит от тебя самого. Нет этого особого чувства и потому, что вода слишком теплая, плюс 22° у дна, а кругом, почти рядом острова, где поют птицы и шумят сосны. В открытом же море ты очень быстро проходишь слой теплой и светлой воды, все кругом темнеет, и ниже 20 метров термометр на руке горит ярко и тревожно, показывая иногда 0°.

Я знаю, что люди, которые много раз бывают под водой — подводные охотники, акалангисты, профессиональные водолазы, — имеют особый взгляд на море. В море ты все время как бы невольно пытаешься почувствовать, утащить дно и глубину. В открытой Балтике, когда эхолот пишет 100 метров и острые пики дна, ты безраздно представляешь себе эту унылую, бесконечную толщу воды, которую тебе не пройти, и там, в крошечной тьме, — голые, безжизненные скалы.

Мы стояли лагом, борт к борту, наука и промысел. Начальство выясняло, советовалось, а я надел акаланг и ушел под воду. Здесь — самый центр богатого промыслового района, поэтому толстый слой фурицалларий на дне был прорезан, как палом, до белого песка тралями. По краям широких борозд

эти водоросли сбились в высокие валы, борозды под водой повсюду перекрещивались, как лучи прожекторов в ночном небе. Я с удивлением планировал, как бы летал над этим ковром, потому что прежде никогда не видел такого скопления ни здесь, у Хикумаа, ни в других местах Балтики, где их вообще очень мало. Когда я выбрался на палубу, Кукк и капитан промысловика как будто уже все обсудили и теперь через борт пожимали друг другу руки. Кукк вернулся к нам на корму, чтобы осмотреть пробы и записать в журнал все данные, а я спросил у него: не слишком ли много, они, промысловики, тралят фурицалларий? Ведь таким же способом, тралением, архангельские рыбаки быстро и безнадежно уничтожали большие промысловые районы фурицалларий на Белом море.

Хэнн пессало оглядел нашу загорелую бригаду на палубе и ответил: «А мы-то здесь зачем?»

Обедать мы подошли к небольшому зеленому островку. Пока Рихо надевал акаланг и гидрокостом, Вадим Молотов, опередил его, прыгнул за борт «голяком», без снаряжения. Сверху было видно, как он не спеша, то удалялся от судна, то снова возвращался, осматривает дно, а потом вынырнул, довольный, и сказал: «Глубина — 6 метров, песок... и тишина». Штыл стоял удивительный, началось купание. За борт прыгнул штурман Антс (утром в порту он отдавал швартовки, и больше я его не видел на палубе. Все это время он спал в кубрике). Теперь он тяжело пытался у борта, как кит, потом не спеша отплыл подальше и замер. Его золотая, как апелсин, голова маячила в море, и все полетели за борт. Сначала Вадик, снял очки. Он изобразил с борта какой-то «деревянный крекдел». Потом Рихо, тоже снял очки, но спокойно, без криков, а затем и Меряке. Она держалась на воде поближе к трапу, и я шутя предложил ей акаланг попробовать, но она испуганно замотала головой.

Купаться в море рядом с судном — это необычайное чувство. И хоть знаешь, что лекомо тебя на Балтике цапнут за ноги и вынут-то неглубоко, но чувство это, особое и острое, тебя не оставляет.

...Постепенно свет дня и восторги слабеют, и все, что свободен, начинаешь дремать. А когда солнце пойдет на убыль, за острова, капитан Мянник возьмет курс на Трийти, маленький пустынный порт на

Хийумаа, где наш МСТБ-37 займет сразу половину причала и этим будет похож на крейсер или даже на линкор.

На берегу у нас рядом с дедовым двором, среди камней, устроено свое маленькое хозяйство, и мы тихо тащимся по булыжной, очень чисто умытой дождями дороге среди соснового леса к своему сеновалу. С фотоаппаратами, «Спидолой» и свитерами. Потом во дворе уже в сумерках Мерике и Хэни разбирают нашу дневную добычу. Мы с Вадимом идем мимо этой полевой лаборатории в лес за хворостом, и я думаю о том, что еще утром эти жалкие серые комочки качались пыльными кустами на теплых подовых лужайках, сталились живым ковром на отелесе, мимо них проплывали неуготонные окуни, и «все было еще впереди», а теперь они летают из рук в руки: то на весы, то обратно в марлювую цинковую ванну с надписью «Албгология» (албгология — наука о водорослях).

Однажды подсел к огню старый мячикник Иван Макарович. Он аккуратно положил свой велосипед в траву, рассмотрел нас всех внимательно, как бы пересчитывая, послушал, о чем разговор, и заключил: «Дело молодое, гуляйте, ребята, только овец крутом не спалите». И пригласил на субботу в свою баньку. После бани он поставил нам на стол большую плешьку меда: «Ешьте ребята, сколько хотите. Этого добра не жалко». Потом угостился нашим спиртом из тайных фондов Кукка, и старик рассказал нам немного свою жизнь. Он остался в Лейси после войн. Демобилизовался и женился на эстонке. С тех пор работает мячикником. Вечером зажигает небольшой мячик в порту Трийти, утром с восходом солнца гасит его. Мячик доживает свой длинный век. Скоро на его месте установят автомат. А мне, — говорит Иван Макарович, — пора на покой. Дед, у которого мы живем, оказывается, его большой приятель. Со всей деревней он неплохо ладит. Выглядит Иван Макарович как все люди моря и побережья: темная кожа, глубокие морщины на лице, глаза как бы выгорели от солнца, но взгляд острый, мелкий. Говорит осторожно, как бы все время соглашаясь с тобой, приговаривая по-эстонски: «Яа... яа...» («Да... да...»).

Эстонский язык ему так и не дался, но названия рыб всегда говорит по-эстонски: хвостик, заут, дест, — окунь, щука, камбала, антериас — угорь... Жизнь прожитая у него не простая. Случалась мы ее как сложный, тяжелый роман. «Съезжу» — говорит, Иван Макарович, — летом в отпуск к своим в Псковскую область, наговорюсь, посмотрю, как они там живут, и уже к концу отпуска тянет меня обратно домой, в Лейси».

К нашей экспедиции он присматривался с первых дней в порту Трийти, и так получилось, что теперь знал о нас почти все: мы ведь нигде, кроме моря, не ходили. «Скучновато тут у вас, отец, — говорю я ему, — и девочек не видно, посмотрите-то не на кого...» Иван Макарович вдруг нахмурился и с неожиданной неприязнью ответил мне: «Плохо ты смотришь, парень, посмотри есть на кого, а только приедаются иногда такие, вроде вас, молодые, веселые, напугать, небедуются — и поехали дальше. А нам тут оставаться и расслабывать». Таких слов асало не забудешь, потому что в них правда, и я не обиделся.

На День рыбака решено было показать «небольшое шоу» для местных школьников. Они пришли к нам на судно из Лейси под вечер, возглавляемые молодой привлекательной учительницей музыки и няней Ирме Синявас. Но Рихо уехал в Таллин, я приехал, а Юри Кольг должен был как бы «командовать всем парадом». За нас отработывал Вадим. Сначала он открыл перед школьниками трюм со снаряжением. Ко-

нечно, они не знали, что копаться в трюме, перебирать гидрокостюмы, акваланги, мешки с запчастями было его страстью и привилегией. Каждое утро он радостно спрыгивал туда, немного «надувался» и делался задумчивым и строгим. Потом он подавал все снаряжение на палуубу, и это выходило у него так, как будто он отгрызает все это от сердца. У нас было неплохое и очень красивое водолазное снаряжение, подводные ружья и разные заморские свистящиеся и сверкающие мелочи — ребит это все, конечно, заинтересовало. В заключение планировался групповой спуск, но Вадим один прыгал в воду, как это делают в фильмах Кусто и западных кинодетективах, искал под водой веку по компасу, говорил, что чуть не захлебнулся от волнения, и наконец школьники оставили его и наш МСТБ-37 в покое. Кроме Ирме: она осталась и всю ночь играла у нашего костра на аккордеоне старые и новые эстонские песни. Вообще Ирме оказалась очень веселой, незабываемой девушкой.

А на другой день случилось замечательное событие. Когда-то мы пообещали с Вадимом для всей экспедиции настрелять каждый день рыбы вдоволь и всех сортов. Думали, конечно, так: острова, рыба непуганая, стрелять некому, а мы — мы вот они! Но пошлав я, пошлав Вадим, и странно: среди удивительных, редких для Балтики зарослей в заливах, под пирсом, в разрушенной, затонувшей барже мы не встретили ни одной приличной рыбки. Тогда я сложил оружие, а Молатов взялся за спиннинг. С утра полил серый дождь, а под вечер вдруг выглянуло солнце, и мы разбежались кто куда. Я пошел в лес искать косулю: как-то светлой ночью мы собирали там хворост, и я тогда заметил ее следы. Удивительно, что теперь я увидел ее саму на том же месте. Она стояла на мокрой сумеречной дороге и без страха, прямо смотрела на меня. Ушла спокойно, будто не от меня, а просто так. И тогда я усымшал, как в мокром чернильнике рядом с дорогой что-то зашуршало. Взамени и утешение мне попался ежик, с ним я и вышел из леса к дому.

Во дворе уже издали было видно большое оживление. В этот вечер Вадим спас свою рыбацкую честь. Он стоял посреди двора и едва держал на вытянутой руке огромную щуку с желтым хвостом, который действительно волочился по земле и был весь в песке и сосновых иголках. Ненаглядную рыбку положили на траву и ходили вокруг, ахали и удивлялись. Ежа моего никто не заметил, и он тихо «смылся». Щуку снимали, извели на нее целую фотопленку, которая, как и положено в таких случаях, засветилась. Собрались старожилы, старые рыбаки и признали, что такой щуки здесь давно не попадалось, но разглаголь, что один боу у нее был кем-то сильно покусан, вероятно, тюленем. Вечером у костра мы решили, что щука эта подозрительная и, наверное, сама сдалась, надоело ей жить-страдать. Но у Вадима была наготове рассказ с подробностями, «как она его, а он ее», как лодку чуть не опрокинула — в общем, отбилс Молатов. Эту рыбку мы ели во всех видах два дня, как теленка. Никакого мха на ней не было. На следующий день мы снова начали запыльс с подводными ружьями. Теперь сменился пестер, и рыба стояла везде: у пирса, в затонувшей барже, между камнями в траве и в открытом море, но мелкая. Набрали мы немного окушей отовсюду, я неожиданно нашел в камнях и выбросил на палуубу небольшого угря. Вадик заржался, еда отдохнул и тоже поплыл искать угря. Часа два я готовил обед, лежал на трюме и поспатривал в море, наблюдал за Вадимом. Как часто бывает на островах, неожиданно пошел ветер. По бухте побежали белые барашки. Камни, которых здесь из воды торчит очень много, заблестели, и я по-

терял Молотова из виду. Прошло часа три, а его все не было. С моря подходил водолазный бот, и я стал бояться, что, может, Вадим попал под винт в открытом море. Стали собираться к обеду наши ребята, бот отшвартовался, и теперь все водолазы, наша экспедиция, рыбаки и зеваки на пирсе искали между камней и волн голову подводного охотника Молотова. Появился Кукк. Этого я боялся больше всего.

«Хэни,—запечатал я,—Вадим имеет такую привычку улаживать на пять-шесть часов, но он самый осторожный среди подводных охотников, более опытных, чем он, нет».

«Тогда где же он, покажи?» — строго спросил Кукк.

«Может быть, я надену акваланг и посмотрю под водой в округе, под пирсом?» — неожиданно для себя предложил я.

Хэни с ужасом посмотрел на меня, и я прочитал в его глазах: «Только не это». Кукк и Колгь начали действовать. Как раз с моря на моторке подходил рыбацк, ему быстро объяснил, в чем дело, и он сразу взял нас на борт. Мы вышли в бухту и стали ходить кругами вдоль берега. Везде бросили на солнце камн, везде билась белая волна, нигде Вадима не было. Я все переудмал и заметил, что ишу в душе и складываю какие-то опрардательные слова для жены Молотова — Неали. Ветер крепчал, из-за мыса пошли крупные волны.

Варуд все на пирсе закрывали, замаскировали руками, рубашками, и мы помычались обратно к порту. Вадим сидел на палубе, измученный и счастливый. Он был заперт вской рыбой и теперь с интересом слушал о том, как его ищут уже много часов. А плавал он рядом, но в плавике никто из нас между волн и камней не смог его различить. Он даже встал на меля и разгядывал наш перероход на пирсе, но знать не знал, что все это из-за него. Угря он так и не поймал.

Мы с Вадимом приготовились к «разносу» и в ожидании тягостной беседы насупились, приготовились слушать насчет «утраты бдительности». Но все было тихо. Вечером в сосычке мы всей «картели» копчили как ни в чем не бывало молотовский улов — гору больших окуней, шук, судака, и тут Кукк сказал мне, что для него самым страшным была не пропажа Вадима, а то, что я вдруг предлагаю «попытать с аквалангом в округе». Тут же он объявил нам, что впредь разрешает охотиться только с лодкой, по всем правилам. У нас с Вадимом выткнулись лица, потому что оба считали эти правила для начинающих, «для салага». Пришлось согласиться, и мы «заправдау» оступенились, охотничье «помешательство» кончилось.

Я огляделся. Оказывается, все это время рядом с нами жил и работал образный человек и аквалангист Рихо Кристиансон. Спокойный, уравновешенный, он стал для нас примером. Пока судно посещает между островами, он periodically часами разгядывает берега или стрепленно сидит в задумчивости, как йог в ирване. Рихо явно наслаждается отпуском на море, на палубе научно-исследовательского судна, где легко дышится, где, что бы ни случалось, все интересно и где месяц работы сам собой незаметно превращается в один большой и прекрасный день измученного горожанина день отдыха среди загорелых счастливчиков и мокрых ковриков на палубе, когда все знакомо пахнет морем и раскаленной на солнце резиной, когда с шипением и тяжелым вздохом вклоачается на подзарижде акваланг, когда ты много раз на дно висишь у трапа, чувствуя, как обнимает тебя холодная вода, как собираешься с духом, что нырнуть в зеленую глубину. Такая славная работа, о которой многие аквалангисты мечтают всю зиму и многие годы. Рихо плавает в таких экспедициях уже не-

сколько лет и наверняка еще не один отпуск оставит на палубе.

Рихо работает в Академии наук ЭССР, часто бывает в командировках в Москве и хорошо говорит по-русски. Мы же с Вадимом, прожива полжизни в Эстонии, знаем по-эстонски только простые, обиходные слова. Мерике, например, хочет, чтобы с ней говорили только по-эстонски, особенно во время работы.

Вообще она оказалась человеком очень суровым и требовательным во всем. Она как бы тайно направляла нашу беспорядочную, мужскую жизнь в необходимое русло. Молотов называл ее «старшиной». Так это звание и осталось за ней.

Она хорошо готовила хитрые и красочные эстонские обеды. Тут и огурцы в уксусе, и тушеные овощи со свинойной, и бутерброды с килькой и зеленым луком, и бессмертные «музыкалкасада», и рыба в загадочном соусе. Расставит все на трюме — красиво посмотреть. Солнце печет, мы сидим загорелые, все хваливаемся. Но была у нее одна слабость — гоголь-моголь. Каждый день.

Последнюю ночь в Триний мы почти не спали. К утру я остался один у костра, дров не подкадывала, а вороних потихоньку головешки. Из-за моря незаметно вышел красный шар солнца, пригело, и я задремал.

«Милейший,—вдруг, слышу, кто-то зовет меня, — в баню-то придет?»

Я очнулся. На дороге стоял Иван Макарович и улыбался.

«Спасибо, отец,—говорю я ему,— придем, обязательно придем».

Иван Макарович сел на велосипед и не спеша показывал домой. В тинише утра долго было сыновне, как хрустела под пинами дорога. Ребята на сеновале не спали и слышали наш разговор. Это слово «милейший» сразу пришло ко всем, и летало у нас на палубе все лето: «Милейший, подай глубиномер», «Милейший, чья очередь идти за водой?», «Милейший, почему не закрыл трюм?», «Поплавай за меня сегодня, милейший, я что-то ослабел», «Что приуныл, милейший?».

Начало лета было жаркое, полное безоблачных дней, и всходу под ногами хрустели божи коровки. Откуда их столько взялось? Они рассыпались по воде, плавали на пенках и травинках, они облепали все наше судно. Однажды, сидя на корме в полуднере, я вдруг подумал: не в Африке ли мы? Когда берега круты и зелены, когда под тобой теплое море и жарко на палубе, нетрудно вообразить, что ты в Аф-

Хийумаа, где наш МСТБ-37 займет сразу половину причала и этим будет похож на крейсер или даже на линкор.

На берегу у нас рядом с дедовым двором, среди камней, устроено свое маленькое хозяйство, и мы тихо тащимся по булыжной, очень чисто умытой дорожке дороге среди соснового леса к своему сеновалу. С фотоаппаратами, «Спидолой» и свитерами. Потом во дворе уже в сумерках Мерике и Хэни разбирают нашу дневную добычу. Мы с Вадимом идем мимо этой полевой лаборатории в лес за хворостом, и я думаю о том, что еще утром эти жалкие серые комочки казались пыльными кустами на темных подводных лужайках, сталились живым ковром на отмелях, мимо них проплывали неуготомные окуни, и «все было еще впереди», а теперь они летают из рук в руки: то на весы, то обратно в мрачную цинковую ванну с надписью «Алгология» (алгология — наука о водорослях).

Однажды пошел к огню старый мячик Иван Макарович. Он аккуратно положил свой велосипед в траву, рассмотрел нас всех внимательно, как бы пересчитывая, послушал, о чем разговор, и заключил: «Дело молодое, гуляйте, ребята, только овес крутом не спалите». И пригласил на субботу в свою баньку. После бани он поставил нам на стол большую плешку меда: «Ешьте ребята, сколько хотите. Этого добра не жалко». Потом угодил нас нашим спиртом из тайных фондов Кукка, и старик рассказал нам немного свою жизнь. Он остался в Лейсе после войны. Демобилизовался и женился на эстонке. С тех пор работает мячиком. Вечером зажигает небольшую мячок в порту Трийги, утром с восходом солнца гасит его. Мяк доживает свой длинный век. Скоро на его место установят автомат. «А мне,— говорит Иван Макарович,— пора на покой». Дед, у которого мы живем, оказывается, его большой приятель. Со всей деревней он неплохо ладит. Выглядит Иван Макарович как все люди моря и побережья: темная кожа, глубокие морщины на лице, глаза как бы выгорели от солнца, но взгляд острый, неслепкий. Говорит осторожно, как бы все время соглашаясь с тобой, приговаривая по-эстонски: «Яа... яа...» («Да... да...»).

Эстонский язык ему так и не дался, но названия рыб всегда говорит по-эстонски: акхент, зауг, жист-окунь, цука, камбала, антеряс — угор... Жистн прожигает у него не простая. Слушаем мы ее как сложный, тяжелый язык. «Съезжу» — говорит, Иван Макарович,— летом в отпуск к своим в Песковскую область, наговорюсь, посмотрю, как они там живут, и уже к концу отпуска тянет меня обратно домой, в Лейсе».

К нашей экспедиции он присматривался с первых дней в порту Трийги, и так получилось, что теперь знал о нас почти все: мы ведь нигде, кроме моря, не ходили. «Скучновато тут у вас, отец,— говорю я ему,— и девочек не видно, посмотрите-то не на него...» Иван Макарович вдруг нахмурился и с неожиданной неприязнью ответил мне: «Плохо ты смотришь, парень, посмотри есть на кого, а только признают иногда такие, вроде вас, молодые, веселые, напугают, изведуются — и в поехали дальше. А нам тут оставаться и расхлебывать». Таких слов даго не забудешь, потому что в них правда, и я не обиделся.

На День рыбака решено было показать «небольшое шоу» для местных школьников. Они пришли к нам на судно из Лейсе под вечер, возглавляемые молодой привлекательной учительницей музыки и пеиния Ирзе Синнаксом. Но Рихо уехал в Талини, я приболею, а Юри Колы должен был как бы «командовать всем парадом». За нас отработывал Вадим. Сначала он открыл перед школьниками трюм со снаряжением. Ко-

нечно, они не знали, что копаться в трюме, перебирать гидрокостюмы, акваланги, мешки с запчастями было его страстью и привилегией. Каждое утро он радостно спрыгивал туда, немного «надувался» и делался задумчивым и строгим. Потом он подавал все снаряжение на палубу, и это выходило у него так, как будто он отгравает все это до сердца. У нас было неплохое и очень красивое водолазное снаряжение, подводные ружья и разные заморские свистящие и сверкающие мелочи — ребят это все, конечно, заинтересовало. В заключение планировался групповой спуск, но Вадим один прыгал в воду, как это делают в фильмах Кусто и западных кинодетективах, искал под водой веку по компасу, говорил, что чуть не захлебнулся от волнения, и наконец школьники оставили его и наш МСТБ-37 в покое. Кроме Ирзе: она осталась и всю ночь играла у нашего костра на аккордеоне старые и новые эстонские песни. Вообще Ирзе оказалась очень веселой, незабываемой девушкой.

А на другой день случилось замечательное событие. Когда-то мы пообещали с Вадимом для всей экспедиции настрелять каждый день рыбы вдоволь и всех сортов. Думали, конечно, так: острова, рыба не пуганая, стрелять некому, а мы — мы вот они! Но поплавала я, поплавал Вадим, и странно: среди удивительных, редких для Балтики зарослей в заливычках, под пирсом, в разрушенной, затонувшей барже мы не встретили ни одной приличной рыбки. Тогда я сложила оружие, а Молатов влезла за спиннинг. С утра пошла серия дождей, а под вечер вдруг выглянуло солнце, и мы разбежались кто куда. Я пошел в лес искать косулю: как-то светлой ночью мы собирали там хворост, и я тогда заметила ее следы. Удивительно, что теперь я увидела ее саму на том же месте. Она стояла на мокрой сумеречной дорожке и без страха, прямо смотрела на меня. Ушла спокойно, будто не от меня, а просто так. И тогда я услышал, как в мокром черничнике рядом с дорожкой что-то зашуршало. Взамени и утешение мне пошла ежих, с ним я и вышел из лесу к дому.

Во дворе уже издали было видно большое оживление. В этот вечер Вадим спас свою рыбацкую честь. Он стоял посреди двора и едва держал на вытянутой руке огромную щуку с желтым хвостом, который действительно волочился по земле и был весь в песке и сосновых иголках. Ненаглядную рыбку положили на траву и ходили вокруг, ахали и удивлялись. Ежа моего никто не заметил, и он тихо «смылся». Щуку снимали, извели на нее целую фотопленку, которая, как и положено в таких случаях, засветилась. Собрались старожилы, старые рыбаки и признали, что такой щук здесь давно не попадались, но разглядели, что один коз у нее был кем-то сильно покусан, вероятно, тюленем. Вечером у костра мы решили, что щука эта подозрительная, и, наверное, сама садлась, надоело ей жить-страдать. Но у Вадима было наготове рассказ с подробностями, «как она его, а он ее», как лодку чуть не опрокинула — в общем, отбился Молатов. Эту рыбку мы ели во всех видах два дня, как теленка. Никакого маха ни ней не было. На следующий день мы снова начали заплывы с подводными ружьями. Теперь сменился ветер, и рыба стояла везде: у пирса, в затонувшей барже, между камнями в траве и в открытом море, но мелкая. Набрали мы немного окуней отовсюду, я неожиданно нашел в камнях и выбросил на палубу небольшого угря. Вадик зареялся, едва отдохнул и тоже поплыл искать угря. Часа два я готовил обед, лежал на трюме и поспатривал в море, наблюдал за Вадимом. Как часто бывает на островах, неожиданно пошел ветер. По бухте побежали белые барашки. Камни, которых здесь из воды торчит очень много, заблестели, и я по-

терял Молотов из виду. Прошло часа три, а его все не было. С моря подходил водолазный бот, и я стал бояться, что, может, Вадик пошел под винт в открытом море. Стали собираться к обеду наши ребята, бот отшвартовался, и теперь все водолазы, наша экспедиция, рыбаки и зеваки на пирсе искали между камней и в волн голову подводного охотника Молотова. Появился Кукк. Этого я боялся больше всего.

«Хэни,—залезтел я,—Вадим имеет такую привычку уплывать на пять-шесть часов, но он самый осторожный среди подводных охотников, более опытных, чем он, нет».

«Тогда где же он, покажи?» — строго спросил Кукк.

«Может быть, я надену акваланг и посмотрю под водой в округе, под пирсом?» — неожиданно для себя предложил я.

Хэни с ужасом посмотрел на меня, и я прочитал в его глазах: «Только не это». Кукк и Коляг начали действовать. Как раз с моря на моторке подходил рыбац, ему быстро объяснили, в чем дело, и он сразу взял нас на борт. Мы ныли в бухту и стали ходить кругами вдоль берега. Везде блестили на солнце камни, везде блисы белые волны, нигде Вадима не было. Я все передумал и заметил, что ишу в душе и складываю какие-то оправдательные слова для жены Молотова — Неали. Ветер крепчал, из-за мыса пошли крупные волны.

Вдруг же на пирс закричали, замахали руками, рубашками, и мы помчались обратно к порту. Вадим сидел на палубе, измученный и счастливый. Он был завален всякой рыбой и теперь с интересом слушал о том, как его ищут уже много часов. А плавал он рядом, но в плавике никто из нас между волн и камней не смог его различить. Он даже встал на мели и разглядывал наш переломок на пирсе, но знать не знал, что все это из-за него. Утра он так и не пойма.

Мы с Вадимом приготовились к «разносу» и в ожидании тягостной беседы насупились, приготовились слушать насчет «утраты бдительности». Но все было тихо. Бесером в сосиске мы всей «картелю» копчили как ни в чем не бывало молотовский «злов» — гору больших окуней, щук, судака, и тут Кукк сказал мне, что для него самым страшным была не пропажа Вадима, а то, что я вдруг предложил «конвертировать акваланг в округе». Тут же он объявил нам, что впредь разрешает охотиться только с лодкой, по всем правилам. У нас с Вадимом вытянулись лица, потому что оба считали эти правила для начинающих, «для салаг». Пришлось согласиться, и мы «иззаправду» ослепнелись, охотничье «помешательство» кончилось.

Я огляделся. Оказывается, все это время рядом с нами жил и работал образцовый человек и аквалагент Рихо Кристьяхан. Спокойный, уравновешенный, он стал для нас примером. Пока судно носится между островами, он неподвижно часами разглядывает берега — мы стремительно сидит в задумчивости, как йог в ириране. Рихо явно наслаждается отпуском на море, на палубе научно-исследовательского судна, где легко дышится, где, что бы ни случилось, все интересно и где messo работы сам собой незаметно превращается в один большой и прекрасный день измученного горожанина день отдыха среди загорелых счастливых и мокрых кончиков на палубе, когда все знакомое пахнет морем и раскаленной на солнце резиной, когда с пиением и тяжелым вздохом включается на подзатылье акваланг, когда ты много раз на дню высишь у трапа, чувствуя, как обнимает тебя холодная вода, как собираешься с духом, что тыб нудит в зеленую глубину. Такая славная работа, о которой многие аквалангисты мечтают всю зиму и многие годы. Рихо плавает в таких экспедициях уже не

сколько лет и наверняка еще не один отпуск оставит на палубе.

Рихо работает в Академии наук ЭССР, часто бывает в командировках в Москве и хорошо говорит по-русски. Мы же с Вадимом, прожиза полжизни в Эстонии, знаем по-эстонски только простые, обиходные слова. Меряке, например, хочет, чтобы с ней говорили только по-эстонски, особенно во время работы.

Вообще она оказалась человеком очень суровым и требовательным во всем. Она как бы тайно направляла нашу беспорядочную, мужскую жизнь в необходимое русло. Молотов назвал ее «старшиной». Так это звание и осталось за ней.

Она хорошо готовила хитрые и красочные эстонские обеды. Тут и огуры в уксусе, и тушеные овощи со свиной, и бутерброды с килькой и зеленым луком, и бессмертные «мультикапса», и рыба в загадочном соусе. Расставит все на трюме — красиво посмотреть. Солнце печет, мы сидим загорелые, все нахваливаем. Но была у нее одна слабость — гоголь-моголь. Каждый день.

Последнюю ночь в Трийги мы почти не спали. К утру я остался один у костра, дров не подкладывал, а ворошил потихоньку головешки. Из-за моря незаметно вышел красный шар солнца, пригрело, и я задремал.

«Милейший,—вдруг, слышу, кто-то зовет меня, — в баню-то придете?»

Я очнулся. На дороге стоял Иван Макарович и улыбался.

«Спасибо, отец,—говорю я ему,—придем, обязательно придем».

Иван Макарович сел на велосипед и не спеша покатился домой. В тишине утра долго было слышно, как хрустела под шинными дорогами. Ребята на сеновале не спали и слышали наш разговор. Это слово «милейший» сразу прилипло ко всем, и летало у нас на палубе все лето: «Милейший, подай глубиномер», «Милейший, чья очередь идти за водой?», «Милейший, почему не закрыл трюм?», «Поплавая за меня сегодня, милейший, я что-то ослабел», «Что приуныл, милейший?».

Начало лета было жаркое, полное безоблачных дней, и всходу под ногами хрустели божьи коровки. Откуда их столько взялось? Они рассыпались по воде, падали на пенки и травинках, они облепляли все наше судно. Однажды, сидя на корме в полуденном, я вдруг подумал: не в Африке ли мы? Когда берега круты и зеленые, когда под тобой тепло море и жарко на палубе, петрудно вообразить, что ты в Аф-

рике. Я рассмотрел в бинокль у берега маленький отряд пионеров с вожатыми. Они плескались среди камней, черные, шумные и веселые, как туземцы. Чуть дальше у воды стояло стадо коров. Может быть, это были буйволы и лев караулил их на обрыве за камнями? Дальше тянулись бесконечные камни, песок, лес. Мы все выросли у этого моря и с детства стремились куда-то вдаль, но когда смотришь на пустынное побережье, необитаемые зеленые острова, вдруг понимаешь, что Эстония только на карте маленькая, а для тебя она огромна, и не обязательно ехать на край света, чтоб узнать смысла жизни или увидеть диковинное. Все здесь есть. Надо только остановиться и посмотреть внимательно. Я чувствовал это давно и не заметил, как моя старая мечта о подводной лодке капитана Немо смеялась на мечту о воздушном шаре, что лететь и смотреть, а потом приземлиться и поставить дом.

Есть и другая мечта — понырять в затонувшие корабли. «Хэни, — говорю я, — может быть, сплавем на кладбище кораблей?» «Может быть», — отвечает Кукка, что означает, что я пристаю к глупостям. А мне представляется, что я стучу кулаком по пароходной обрешетной трубе и оттуда вылетает заспанный страшный змей — угорь метров десяти: «В чем дело?» А потом я пробираться в темную рубку и там нахожу страшный, непрозрачный ящик. Мы ломаем его на палубе МСТБ-37 и обнаруживаем подлинные дневники барона Мюнгхгаузена или по крайней мере небольшие золотые слитки. Мы сразу же мчимся в Таллин и дарим их государству, а оно строит нам в дар огромный воздушный шар, и если останется, — маленькую подводную лодку. Мы будем летать семками на воздушном шаре куда глаза глядят, и я буду показывать своей дочке сверху: «Ты посмотри, Анечка, как красива эта земля, как все правильно на ней и спокойно». А подводную лодку я бы подарил Дому пионеров или какой-нибудь передовой комсомольской организации города Таллина — пусть дерзает.

Из Трийги мы перебрались в Верги, поставили лодку прямо у порта под соснами и стали ждать погоду и экипаж. Наш МСТБ-37 был приписан к Верги, и в этом маленьком чистом поселке жили капитан, штурман и механик. Капитан Мяник, незлобивый и усталый человек, никак не мог собрать необходимого кворума для выхода в море — три диплома на борту, как говорит моряки. С утра наша экспедиция собиралась на палубе и все с надеждой смотрела на дорогу час, два — не появится ли механик. На другое

утро также ждали штурмана как спасителя, а судно стояло.

Мы бродили как неприкаянные по поселку. За заборами аккуратных, чистых домов люди копались в огородах, доили коров, с пирса везли свежую рыбу. В центре Верги, прямо у правления колхоза, на зеленой траве лежал океанский трал размерами с половинную футбольного поля, рыбаки не спеша чинили его и посмеивались над нами.

Начинались первые осенние штормы, иногда с утра появлялся легкий туман или моросил дождь. Но в одно холодное августовское утро и погода и экипаж вдруг сошлись — оба были в порядке.

Мы тут же, не мешкая, отдали концы и вышли из порта с большим желанием навсегда упущенное. Как и в Трийги, главное было начать, чтоб снова лезть в ванну с надписью «Альгология» марлевые комочки с образцами водорослей, чтоб снова шлепая ластами по палубе усталые аквалангисты, чтоб за 10 дней сделать 100—150 станции.

В экспедиции произошли замены: вместо Рихо и Юри появились новые «рабочички» Олев Ваа и Тыну Вуш. Оба они в прежние годы работали в таких экспедициях, но этим летом им плавать с аквалангами еще не приходилось, и им обилие поспешей хотелось распылаться, снова вспомнить и полюбить акваланг. Первым собрался идти в воду Тыну. По тому, как аквалангист готовит себя к погружению, можно достаточно точно определить его опыт и класс. Весь ритуал Тыну исполнил очень «опытно», красиво, и я с радостью отметил про себя, что в нашей экспедиции появились отличный аквалангист. А мы стояли вокруг него в бутафарах, куртках и мерзли. С моря сильно тянуло холодом, как будто лето уже прошло и там, за туманным горизонтом, лежали льды. В открытой Балтике, не между островами, а тут, у Верги, вода более, много чище и холоднее. Когда Тыну шел из-под воды с первыми пробоями, я увидел его лапы и светлые баллоны уже на глубине 10—12 метров. Он выбрался на палубу и красными, окоченевшими пальцами едва смог снять с лица маску, запотевшие стекла приборов на руке показали: температура воды — 1°, глубина — 21 метр. Тыну дрожал, и в борде его застряли те же холодные белые капли балтийской воды. Когда же мы взяли обратный курс на Верги, Тыну, переодевшись в рубке, сел есть большой ложкой мед и малиновое варенье. Эти банки Кукк выдавал из своих личных домашних запасов специально и только для водолазов. Даже сам не ел. К вечеру с моря явилось то, что так холодно угрожало нам днем, — туман, волна, дождь. И было видно: это надоело.

Мы разошлись у палатки большой костер и мрачно обсуждали свое положение.

От сырости и шума моря захотелось под крышу, в уют, и мы пошли в клуб. Он стоял под широкими желтоватыми соснами у шоссе. К началу сеанса из вечерней темноты отсюда выезжали на велосипедах и «Волгах» дачники. Местные являлись на мотопилках и вешком. Когда набралось ползача, мотоклубом, бойкая девушка, раздала всем билеты без обозначения мест и рядов, и началось кино. Давали «Сестру Керри» под шум моря и сосен. На улице канал дождь, и казалось, что эта печальная история когда-то случилась здесь, в Дренем-дренем Верги.

В клубе нас осторожно и с интересом разглядывали. Все-таки команда из пяти здоровых приехавших парней и в центре хрупкая пельсякая Мерике — это само по себе для маленького поселка уже кино. Особым интересом у девушек пользовался Тыну. Он у нас был самый красивый — всегда в водолажном свитере, с бородой. Волосы у него кудрявые, смотрит соколом. Мы же, «скромные женатик», старались

поскорей влиться в общую массу, вели себя не героически, а жались друг к другу на клубной скамейке, как новобранцы. Вокруг нас образовывалась некоторая «мертвая зона», пустота, но иногда дащницы подбадривали хихикали, прыскали неизвестно отчего, и стало ясно, что после кино не хватает танцев, но их не было, и мы вечером, удрученные и «несчастные», забились в сырую, холодную туалетку.

С утра опять штормило. Ветра почти не было, но из тумана прямо на нас неслись одна за одной белые стены сердитой балтийской волны. На завтрак Кукк спел нам песню, которую будто когда-то слышал от одного студента-таджика на университетской практике: «Дует, дует ветерок, когда дует, когда нет... Мой Таджикиста-а-а-н!» — и отпустил нас на все четыре стороны. «Народ» поехал в соседний поселок Визу на людей посмотреть и себя показать, а я остался в палатке. Сел клеить гидрокостом и ласты. Все шесть аквалангистов нашей экспедиции пользовались моим снаряжением все лето, и мне пришлось до вечера «забивать» швы, трещинки, старые заплатки и шпуровки.

Вечером я в одиночестве гулял по Верги и заметил, что в каждом дворе установлен якорь, большой или малый, а над ним горящий фонарь. Каждый хозяин это делал по-своему, но везде непременно так было, как будто верноподданные жители побережья исполняли некий грозный указ, но вот чего? Не самого ли Нептуна?

А утром явилось солнце. Лучи его проникали сквозь жалюзи, будили, крутом пели птицы, и мы сами, как жаворонки, радостно выпорхнули на поляну. Залив в Верги ворчал и еще шумел восвою, но видно было, что в открытом море волна затихает и через несколько часов можно будет попробовать выбраться из порта. Экипажа не было пока видно, и Кукк на моторке вместе с Тыну и Олевом отправился делать береговые станции, собирая пробы на небольшой глубине. Нас с Вадимом он отпустил поплавать в округе с ружьем, поохотиться.

Для подводной охоты Верги внешне идеальное место. Берега усыпаны крупными валунами, под водой много фукуса, щели, вилы, светлая вода. По утрам местные рыбаки достают из мереж толстых темно-синих угрей, тут же в ящиках на пирсе и окуни и камбалы — все есть. А у нас, у подводных охотников, почти ничего. Выбираем разные места — красиво, заманчиво и пусто. Один рыбак, наблюдавший с берега за нашими «бухтаньями», утешил и разряжался: «Ветер не тот, рыба ушла от берега, а в мережах — это просто ночные братия».

Зарекаясь грешить, мы ныряли и к колхозным мережам — посмотреть на чужие богатства. Мережа похожа на несколько вставленных одна в другую червячьи-непроницаемые. Рыба идет только вперед, в сужающийся тоннель и оказывается в плотном кулке, откуда уже нет ей дороги назад. Однажды Вадим, нырявший в море на мережу, подождал нашу лодку к себе: «Ты посмотри, какой змей!» — возбужденно говорил он. Я с лодки положил ласту на тухлую поверхность воды, и глубина сразу прояснилась. Там, внизу, в сетке култика тихо кружил огромный синий угорь. Он осторожно и как бы не спеша проверил головой ячейки и узлы этой хитрой ловушки, своей последней торыи. Вадим ревниво смотрит на меня, а я вижу в воде рядом с мережей его подпрыгивающие, возбужденно летающие ноги в ластах и тусклую, что он и ногами видит «своего» угря, он горит у него в глазах, удивленных и восторженных. Вадим — настоящий охотник, и понять его может только охотник, который знает, что большой угорь, которого ты встретил однажды в море, долго живет в твоей памяти, как маленький царь. Ты мысленно про-

должаешь с ним борьбу или говоришь счастливицу, если он от тебя ушел: «А если бы я подождал, когда ты весь выберешься из травы и стрельнул бы поближе к голове, ты бы не ушел, не смог, ведь так? Я бы прижал тебя ко дну — и все, никакая сила, ни твоя, ни другая, нас бы не разлучила до берега».

На другой день своеобразно повезло и мне. Я выплывал из портовой бухты в открытое море. Сильно «молатил» ластами, на ходу заряжая ружье и обдумывая маршрут. Визу промелькнуло несколько мереж, и тут я увидел, как у самого входа одной из них в нерешительности замер угорь. Он скользя в первую широкую часть ловушки, настороженно повис у главного тоннеля и вдруг передумал и тем же ходом вышел обратно в море, на свободу. Медленно проплыл прямо подо мной, он уходил в глубину. Я догнал его и почти в упор выстрелил, но и секунды не сидел он на гарпуне. Я метался в туче ила и водорослей и не верил в случившееся — ни в то, что я его видел, ни в то, что все кончено и он навсегда ушел от меня. Угорь был настоящий гигант — черный и толстый, как самоварная труба, больше метра длиной.

Наш механик саомал ногу, прихрамал на пирс прямо с гипсом. Кукк взялся за голову.

А на море стоял тихий, светлый солнце, и я сплывал в придорожных кустах на заброшенном покое претную фотосерию «Бабочки». Было снова лето, наше время таяло, как мороженое, и Кукк объявляла ультиматум колхозу: «Дайте механика, или мы уходим». Механик сразу нашелся, и мы двинулись в сторону Таллина. Многие станции пришлось сократить, отложить на следующий год, но главная работа была намечена именно на пути из Верги в Таллин. Мы продолжали сбор водорослей траверсами, то есть брали на различных участках побережья несколько точек по прямой от берега до глубины 20 метров, до границы растительности. Первая точка в море может быть холодной и пустынной, ближе к берегу появляется коричневый фукус — кудрявые безбрежные его поля, а к самому берегу, к зеленым отмылам наше судно подойти не может, и тогда мы пересаживаемся на моторку. Аквалангист падает с нее, как бомба, за борт, лодка качается, едва стоит, но сверху хорошо видно, как он, осматрив район и выбрав наиболее характерный участок растительности, накладывает рамку и тщательно собирает в мешок все, что растет на этом ограниченном участке. Потом он откупоривает бутылочку с номером, берет пробу воды и, подывая все это над головой, выплывает у борта. Обычно Кукк таким вы-

ездами руководит сам, чтоб лично контролировать безопасность и чтоб заодно, наверное, рассмотреть сверху в светлой воде, как же мы работаем. Однажды мы так на моторке втроем — Кукк, Ваа и я — подошли к берегу около Древней крепости Толсе. Среди живой переменной природы она высится, как застывший кусок времени, и, кажется, сама природа травой и деревьями на развалинах хочет укрыть эту холодную древность.

Я упал в воду, в дивное царство фукусов, раздвинул траву, просмотрел несколько щелей под валунами — нет ли угри, окушка — попутно. Собака пробыла, лег на дно в затих. Шлюпка была прямо надо мной. Я хорошо видел из-под воды сквозь блестящую поверхность головы моих товарищей. Олед дремал с журналом у мотора, Кукки смотрел вниз на дно. Светило солнце сквозь воду, и было очень тихо. Много лет плавая под водой, я ни разу не догадался полежать без движения, затихнуть и послушать море. Я остановил дыхание, мой акваланг на спине сразу же умолк. Дно тихо-тихо скрежетало, постукивало, шумело, и было тепло, как в Африке. Я отплыл в сторону и поднялся на ноги. Воды мне было до подбородка. На крепости Толсе пели птицы. «Чего ты улыбаешься?» — удивленно спросил Олед, очнувшись от дремоты. Я улыбался потому, что чувствовал — это для меня лучший день лета, лучший день экспедиции. Так оно и оказалось.

Что можно найти и увидеть на дне Балтийского моря? Я прыгаю с судна спиной вниз на баллоны и в таком положении сразу глубоко проваливаюсь вниз. В полумраке пятнадцатиметровой глубины из дна торчат два якоря, они лежат почти друг на друге. Один метра в два, древний, широкий, основательный. Другой — узкая — современный, легкий, шлюпочный и еще свежей сварки. Как они там встретились, угодили почти в одно место в открытом море? Около Кабернеемы я минут пять перебирал на дне крупные немецкие пулеметные гильзы. Нет ли рядом еще чего-нибудь ценней? Иногда вытряхиваешь с пробами водорослей, и вместе с камушками, ракушками и даже бычками вдруг выпадает на палубу кусок полиэтилена — цел, невредим, и лежать бы ему там на дне еще тысячи лет.

Дно Балтики не Африка, а Европа. По плану лабораторий мы обследовали и участки побережья в Кунде и в Маарду. К Кунде мы подошли под вечер. На далеком берегу грозно, как пупки, в небо глядели трубы.

Когда я погружался у Кунды, меня поразила мутная, безжизненная вода в этом заливе: на глубине 4—5 метров не было никакой заметной растительности...

...Сейчас я часто вспоминаю, как иногда в хорошем расположении духа Кукк усаживался на трюм, брал комочки водорослей, принесенных нами со дна, и, бережно расплетая эти зеленые, коричневые веточки-ветки и неуловимые паутинки, с улыбкой рассказывал нам о них. То, что раньше я называл единым простым словом «травы», был его старье, разные и многочисленные знакомые, почти родня — с именем, отчеством, фамилией и родословной. При этом он часто употреблял два главных, важных для него слова: «МОРСКАЯ БОТАНИКА», — и я любил их. За особую мягкость и благозвучие, за то, что от них веет на меня покоем, солнцем и морем. И теперь мне кажется: скажи ты любому подводному охотнику, аквалангисту, любителю природы эти два слова: «МОРСКАЯ БОТАНИКА», — и сердце его радостно дрогнет, ответится, как на мирный пароль, с которым ты входил в природу, в навсегда милые сердцу воды Балтики.

Новых успехов вам, друзья!

Государственная премия СССР 1975 года в области литературы и искусства присуждена Борису **ВАСИЛЬЕВУ** — автору повести и сценария «А зори здесь тихие...».

«А зори здесь тихие...» — первое произведение прозы Бориса Васильева — было опубликовано в журнале «Юность» № 8 за 1969 год.

Писателю **Владимиру АМЛИНСКОМУ** присуждена премия Московского комсомола в области литературы и искусства за 1974—1975 годы за сборник рассказов и очерков «Среди людей» и книгу «На рассвете в начале дороги». Многие из премированных произведений впервые были опубликованы в журнале «Юность»:

«Одна из ночей директора» № 7 за 1961 год,
«Жизнь Эриста Шаталова» № 12 за 1967 год,
«Мальчишки без девочек» № 12 за 1971 год.

Писателю **Аркадию АДАМОВУ** присуждена премия на Всесоюзном литературном конкурсе Союза писателей СССР и МВД СССР за лучшее произведение о работниках советской милиции за повесть «Петли», опубликованную в «Юности» №№ 4—8 за 1975 год.

Аркадий Адамов свое первое произведение «Дело пестрых» напечатал в журнале «Юность» 20 лет назад — в №№ 1—4 за 1956 год.

Редакция «Юности» сердечно поздравляет своих дорогих авторов и желает им новых творческих успехов.

Виктор
ВАСИЛЬЕВ

НИЧЬЯ? НУ И ЧТО...

В каждом противостоянии двух или нескольких личностей, в каждом состязании — в самом широком смысле этого слова — мы обычно жаждем увидеть победителя — того, кто оказался умнее, хитрее, сильнее, дальновиднее. Словом, того, кто в споре (а противостояние, борьба — всегда спор) оказался прав.

По-видимому, такое стремление в природе человека. Но ведь бывает и так: присутствуя при споре двух людей, отстаивающих разные точки зрения, мы затрудняемся отдать кому-либо предпочтение. Нам кажется, что прав то один, то другой, а иногда — что правы, как ни странно, оба. И это тоже закономерно, и не только потому, что истину порой не так-то просто установить: иногда она лежит где-то посередине. Стало быть, спор далеко не всегда, и уж во всяком случае не сразу, выявляет правого.

Но признавать, что правы оба, что спор закончился ничью, нам не хочется.

Не этим ли объясняется то, что время от времени в спортивной печати, в высказываниях теле- и радиокомментаторов нет-нет да и проскользнет сожаление по поводу того, что, допустим, футбольный матч или шахматная партия пришли к ничейному исходу? Даже если спортивное состязание было интереснейшим, ничейный результат почему-то вынуждает комментатора говорить о перипетиях борьбы с кислой миной.

Один из моих коллег, беседуя с корреспондентом шахматного бюллетеня по поводу серии ничьих в матче Карпов — Корчной, недвусмысленно отказал ничейному итогу в праве на жизнь: «Ни одна большица, а тем более шахматный, не питает симпатий к ничейному результату спортивной борьбы. И это справедливо, потому что стремление к ничьей унижает спортсменова».

С этими утверждениями трудно согласиться. Неужели, к примеру, Ботвинника могло унижать то, что в последней партии матчей с Бронштейном (1951 г.) и Смысловым (1954 г.) он стремился к ничейному исходу? Ведь это сохраняло за ним титул чемпиона мира. А разве хоть кто-нибудь из самых темпераментных противников так называемого мирного исхода мог бы осудить Карпова за то, что в последней партии матча с Корчным он не стремился к завязыванию осложнения и, имея явное преимущество, согласился на ничью?

Впрочем, во всех приведенных выше примерах ничья фигурирует по существу, номинально, так как, добившись ничейного исхода, одна из сторон фактически добивалась победы. Но давайте коснемся ничьей, взятой, так сказать, в ее чистом виде.

Хотя цель каждого спортивного соревнования — назвать того, кто в данный момент сильнее всех, то есть выявить победителя, чемпиона, я убежден, что найдется немало любителей спорта, которые относятся к ничейному исходу без всякой антипатии (как, естественно, и без особой симпатии), воспринимая его как

логичный и закономерный результат состязания. Для таких любителей важен не только и даже не столько результат борьбы, сколько ее характер, напряженность, психологическая подоплека.

С этой точки зрения ничья в футболе со счетом, допустим, 3:3 может оказаться куда увлекательнее и как спортивное явление значительнее, чем победа одной из сторон со счетом 3:0. Вообще любая игра «в один ворота» удовлетворяет лишь сугубо ботанические страсти поклонников побеждающей команды, но истинного, полного удовлетворения, как мне кажется, не испытывают в таких случаях даже они. Ведь не секрет, что чемпионат мира по хоккею 1975 года вызвал меньший интерес, чем обычно, так как в борьбе за первое место фактически участвовали только две команды.

Осмелюсь сказать, что ничейный матч футбольных команд даже и с нулевым счетом может оказаться несравненно интереснее и напряженнее, чем матч, в котором забито в ворота несколько, пусть и красивых, мячей. «Боевая ничья» — эти слова давно уже стали обветшавшим штампом, но инфляция этого понятия не может, однако, перечеркнуть его гордый извечный смысл.

Мне посчастливилось в 1950 году быть на стадионе «Динамо» очевидцем игры, которая впоследствии стала чуть ли не легендарной, — между командой ЦДКА и ленинградским «Зенитом» в первом круге чемпионата страны. Превосходство знаменитого нападения армейцев было подавляющим. Искусно просачиваясь сквозь оборону соперников, армейцы то и дело возникали у ворот и сильнейшими ударами, иной раз буквально с нескольких метров, старались открыть счет. Но хоть бил по воротам такие прославленные мастера своего дела, как Демин, Гринин, В. Соловьев, все было тщетно! С неправдоподобной, казавшейся прямо-таки чудовской интуицией вратарь ленинградцев Иванов предугадывал направление ударов (именно предугадывал — угадывать он уже бы не успел!) и в темных бросках успевал в последнее мгновение схватить мяч.

Счет так и остался нулевым. Однако я не помню, чтобы зрители, даже болельщики армейцев, покидали трибуны разочарованными. Совсем наоборот, мы уходили с матча глубоко взволнованными, словно оказались нечаянными свидетелями чего-то необыкновенного, какого-то спортивного таинства, которое удаётся увидеть раз в жизни. Взволнованными той неустойчивой волей, тем неправдоподобным взлетом волшебного мастерства, каким может сверкнуть человек только в моменты вдохновения.

Да, равный счет не отражал, казалось, хода борьбы — силы сторон были неравны. Но так только казалось, ибо в нулевом счете была своя закономерность, своя внутренняя логика — Иванов сумел восполнить потери, понесенные его товарищами, что и создало временами зыбкое, а все же оставшееся непоколебленным равенство...

Стало быть, в спорте, как во многих случаях и в жизни вообще, важно не только что, иначе говоря, не только результат, но и как, то есть характер, способ, если хотите, форма достижения победы. (Вот почему, кстати, слова «мирный исход» часто совершенно не отвечают истинному смыслу борьбы.)

Если вернуться к шахматам, то здесь взаимоотношения между тем, что и как еще сложнее. Сколько было побед, которые из-за слабой игры одной из сторон оставляли нас абсолютно равнодушными, и сколько ничейных партий заставляли волноваться вместе с участниками, восторгаться их отыграной, красивой комбинацией, то есть всем тем, что часто играет в «результативных» встречах!

Хрестоматийный пример того, какой захватывающе увлекательной может быть ничейная партия, представляет собой бурная схватка между Талем и Арономским в чемпионате страны 1957 года, протекавшая в духе истинного шахматного романтизма — с атаками на королей и даже с жертвой ферзя. «Мирный исход» этой партии не помешал обоим соперникам получить приз за красоту, а экс-чемпион мира Эйве назвал ее «самой интересной ничьей в истории шахмат».

Итак, не ничейный результат, а «ничейный», пассивный характер состязания, в котором одна или обе стороны заведомо уклоняются от подлинной борьбы, — вот что должно вызывать неприятие у любителей спорта.

Но, может быть, скажет иной читатель, автор ломится в открытую дверь? Нет, вопрос не так ясен, как это может показаться. Ибо в сознании многих из нас сложился уже определенный стереотип отрицательного отношения не только к ничейному ходу, но и к ничейному исходу соревнования. И это подтверждается, в частности, тем, что уже цитировавшиеся мною противник ничейного результата утверждает: «Необходимо найти какой-то критерий определения преимущества и вообще исключить ничью в спорте».

Но почему?!

Разве не бывает ситуаций, когда соперники абсолютно равны по силам? В 1974 году на чемпионате мира по гимнастике Андрианов «сыгралничью» с румыном Греку в упражнении на кольцах, и оба получили по золотой медали. Гимнастики Корбут и Ким, набрав одинаковую сумму баллов — по 76,825, вдвоем стали абсолютными победительницами VI Спартакиады народов СССР. Заметьте, абсолютными — значит, они были и абсолютно равны по силам. Невыбавый случай произошел на последнем чемпионате мира по гребле на байдарке. Поляк Шладековский и итальянец Перри финишировали одновременно. Сверхточные электронные фиксаторы времени, оперирующие сотнями долями секунды, вынуждены были признать свое бессилие, и оба гребца получили по золотой медали. И это было прекрасно, потому что было справедливо. (Представляете, кстати, какой острой и темпераментной была эта «ничейная» борьба?)

Когда я обсуждал это с одним завзятым сторонником «результативного» исхода, он сказал мне:

— Ну если соперники действительно подобравлись равные, то пусть кому-нибудь хоть чуть-чуть повезет...

Но как раз этого-то и не надо! В спорте все построено на справедливости, именно в этом секрет его нравственной силы. Пусть счастье стоит в стороне, лишь исподтишка наблюдая за схваткой соперников. И если ни один из них не сумел доказать своего превосходства даже на одну тысячную балла, то, следовательно, надо признать и принять равенство сил как реальность, как свершившийся факт, как единственно справедливое разрешение спора.

Помимо всего прочего, с каждым годом класс спортсменов становится выше, а это неизбежно приводит к тому, что лидеры соревнований борются иногда за микроскопический перевес. И как ни парадоксально это звучит, но ведь чем более равны по силам соперники и, стало быть, чем вероятнее ничейный исход, тем напряженнее, острее единоборство. В прошлогодних соревнованиях на Кубок СССР по спортивной гимнастике Людмила Туршцева и Ольга Корбут имели после обязательной программы одинаковое число баллов — по 37,9. Как вы думаете, был назван репортаж об этом дне соревнования в газете «Советский спорт»? «Яростная ничья!»

Вы можете возразить, что есть виды спорта, как, например, волейбол, теннис, бокс, в которых ничейный результат исключен. Но идеальный ли это вариант?

...Боксеры только что закончили свой поединок и с каменными лицами стоят на середине ринга, справа и слева от арбитра, неловко переминаясь с ноги на ногу. Арбитр держит их за руку, как напроказивших школьников, и глядит куда-то вверх отсутствующим взглядом. Огромный зал замер, ожидая окончательного приговора судейской коллегии. И все — зрители, участники, судьи и наблюдающие за этим миллионы телезрелищников, — все без исключения знают, что вот сейчас, сию минуту, при всем честном народе совершится несправедливость. И когда судья поднимает руку счастлиданца, зал негодуяюще шумит. Публика вела бы себя точно так же, если б победа досталась другому спортсмену. И в обоих случаях она права, ибо победителя в этом матче фактически не было — бой был равный, а значит, ничейный.

Нужно ли доказывать, что принципиальное исключение ничейного исхода обидело бы тактику, лишило ее многих свойственных ей ныне тонкостей, лишило бы спортивное соревнование многих психологических нюансов и красок и в конечном итоге отняло бы у слабейшего какие-либо надежды на более или менее благополучный исход состязания? Главное же, это увеличало бы возможность проявления несправедливости в той или иной форме.

Между прочим, с чьей-то легкой руки родилось утверждение, что в последних шахматных матчах претендентов ничья не засчитывалась. Здесь явное недоразумение. То есть в известном смысле ничья действительно не засчитывалась, ибо победителю надо было набрать не определенное количество очков, а определенное количество побед. Однако поскольку общее число партий было ограничено, то, как это происходило, например, в финальном матче претендентов, каждая ничья прибавляла к желанной цели лидировавшего в матче Карпова и отъедала кусочек надежды у Корчного.

Другое дело, если бы матчи проходили без ограничения количества партий — тогда ничья в самом деле была бы балластом, никак не влиявшим на исход борьбы. Но если бы матч Фишер — Карпов состоялся на условиях, выдвинутых тогдашним чемпионом мира, то есть до десяти побед без ограничения числа партий, то, по словам Карпова, «в этом случае матч проиграл бы тот, кому первым вынесли бы бездыханным из зала». Как видите, ничья необходима и как инструмент для упорядочения регламента.

Кстати, когда конгресс Международной шахматной федерации воспринимался диктату Фишера и вопреки его требованиям ограничил число партий матча тридцатью шестью, эпицентром спора были именно ничейные партии...

Я отнюдь не призываю этими замечаниями возлбить ничью и вполне понимаю тех, кому нравится, когда в результате красивого противоборства одна из сторон одерживает заслуженную победу. Но я глубоко убежден в том, что и к ничейному исходу надо относиться так же уважительно и спокойно, как и ко всякому другому, объективно отражающему соотношение сил в данном столкновении. Особенно если ничья являлась логическим итогом содержательной, напряженной борьбы.

А победитель, что ж, он обязательно выявится — в следующий раз или позже, так же, как и истинно рано или поздно откроет в споре свое лицо.

Арк. ИНИН,
Л. ОСАДЧУК

ДОРОГИЕ ПОДАРКИ

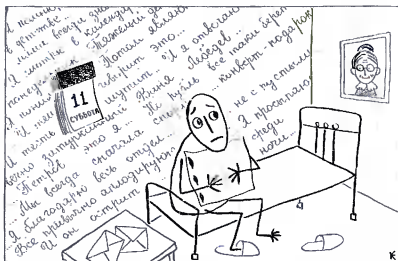

Рисунок
В. ГОРЯЧЕВА.

Я помню, в детстве, просыпаясь утром в день своего рождения, первым делом я совывал руку под подушку и находил... Ник, я никогда не мог отгадать, что я увижу утром под подушкой. Но мама всегда точно знала, что я хотел там увидеть.

И я ждал этого большого Дня подарка.

...Скоро снова мой день рождения. И я снова жаду его, но уже совсем по-другому...

Я смотрю в календарь. Вот мой день рождения. Понедельник... Тяжелый день...

— Я уже смотрела в календарь, — говорит жена. — Понедельник, тяжелый день. Надо собирать гостей в субботу.

— А может, в воскресенье? Все-таки ближе к моему дню...

— Что за детство? Днем раньше, днем позже... И потом, в воскресенье пятая серия... Сам понимаешь, будет не до тебя!

Я понимаю.

— Теперь насчет подарка, — продолжает жена. — В прошлом году мы тебе кушали шашку. А шашлы у тебя еще приличное. Получишь зарплату — возьмишь из

нее тридцать рублей на туфли. Это тебе от меня. Ты доволен?

Потом являются теща и теща. — С наступающим тебе! — Теща протягивает мне новенькую кушурку. — Это от нас. Свои же люди. Прости, что дарим заранее, — уезжаем за город.

Я прощаю.

Сейчас теща скажет: «Дарим сколько можем, но от души. Что возьмешь с пенсионеров!»

И теща говорит это.

А сейчас теща пошутит: «Бери, бери, не бойся. Это единственный вид изыскан, не подлежащий наказанию!»

И теща шутит.

А сейчас я отвечу: «Как это мило с вашей стороны! Стояло ли беспокоиться!»

И я отвечаю.

На работе ко мне подбегает вечно затурканный Ваня Лебедев — наш общественный сборщик общественных налогов.

— Голя ручник! На день рождения! У Петрова!

Петров — это я. Через секунду этот факт доходит и до усталых

извнани Лебедева. Он хлопает глазами. Но рубль все-таки берет.

Я вхожу в отдел, и разговоры сразу смакуют. Я понимаю: коллеги подсчитывали собранные «ручнички» и спорили. Мы всегда сначала спорим, какой купить подарок, но потом выясняется, что все равно по магазинам бегать некому, что ничего порядочного на такую сумму не достанешь и что лучше всего вручить имениннику деньги.

В пятницу этот конверт-подарок мне преподносит Профгор. Делается это заранее, чтобы в субботу я мог купить к своему понедельнику сам себе подарок, который мне нужен.

Профгор говорит теплые слова. Я благодарю весь отдел за внимание и достаю из портфеля бутылку домашней сливовой наливки.

Все прилично аплодируют.

Дома меня ожидают денежные переводы от тети из Казани, от дяди из Ростова и от брата из Вологды.

— Единственный брат мог бы поздравить и подороже, — замечает жена.

С утра в субботу я принимаю телефонные поздравления друзей и приятелей. Из поздравлений выясняется, что все обязательно придут, и придут не с пустыми руками.

Проще и понятнее всех общую мысль о принципе проведения дня рождения выражает главный остряк и тамада нашей компании Петопя:

— Закуска — вапа, выпивка — наша!

И еще я знаю — вручая мне очередной хрустящий конвертик, Петопя стрит: «Можно бы подарить и цветы, но цветы завянут скоро, а денежки — никогда!»

И Петопя острит.

...Я просыпаюсь среди ночи.

Я тихонько одеваюсь и выхожу из дома.

Я иду на вокзал, покупаю билет и сажусь в поезд.

Ехать мне далеко. Я мысленно тороплю и без того скорый поезд, чтобы успеть к понедельнику, к моему дню рождения. Успеть к самому раннему утру. Успеть этим ранним-ранним утром заглянуть под подушку.

Я еду к маме.

И. ПОНОМАРЕВА

ОШИБКА

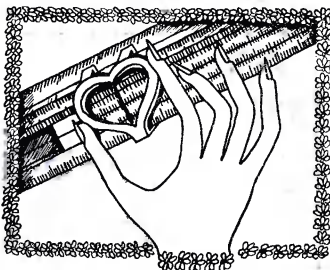

Рисунок М. ТИШИНОВА

О то была высокоорганизованная, саморегулирующаяся система, находящаяся в равновесии со средой.

Я не встречал женщины с более точными часами. И не только часы, все в ее облике говорило о собранности и любви к порядку. Я сделал ей предложение.

Она достала из бокового кармана маленькую логарифмическую линейку, что-то умножила, разделила, возвела полученную цифру в квадрат и уже хотела извлечь корень третьей степени... Но почему-то раздумала, махнула рукой и ответила мне: «Да».

Сейчас я думаю: возможно, результат был бы другим, заверши она свой хитрый математический расчет... Но тогда во время странного ритуала с логарифмической линейкой я краснел и чуть было сам не забыл поставить плюсики в графе положительных эмоций своего дневника, когда услышал роковое «да».

Сосредоточенные и подтянутые вышли мы из дверей загса и направились в мой фешенебельный рай.

До праздничного ужина я успел ознакомиться с ее каталогом личных вещей, недельным меню и программой культурных мероприятий на медовый месяц. Наша семейная жизнь началась.

Я был счастлив. Даже ее первый промах показался мне пустяком. Дело в том, что моя жена, очевидно, впопыхах, положила расчеты свадебных расходов в ящик Б-4, где хранилась подшивка трамвайных билетов за шестьдесят восьмой год, хотя расположение архивов ясно значилось в указателе, висевшем над нашей кроватью.

Во всех остальных случаях она вела себя как вполне точная женщина, выполняла все мои предписания до того дня, когда, отправляясь, как обычно, на работу, я

взглянул на календарь ручных часов и не поверил своим глазам, увидев цифру 17 против букв «ЧТ».

— Что за черт! — воскликнул я. — Судя по меню, сегодня вторник — у нас были отбивные с капустой и лимонный мусс...

Мимо со звоном проехал трамвай № 19.

— Раньше он здесь не ходил... — отметил я про себя.

Подойдя к цветочному киоску, я с ужасом обнаружил, что гвоздики расставлены не как обычно по три букета в четырех вазах, а, наоборот, по четыре букета в трех вазах, и стоит каждый букет не два тридцать, а ровно два.

Во всем этом был какой-то подвох. Мрачное предчувствие овладело мной. Дойдя до автомата, я набрал номер рабочего телефона, сказал секретарше, что не приду, и вернулся домой.

Только сейчас я заметил, что на месте указателя архивов в прихожей висит эстамп. На тахте небрежно брошен бульварный роман вместо запланированного журнала «Атеист», в спальне вместо термометра на столике стоял букет осенних листьев...

Я был на грани бешенства. Но самое страшное ожидало меня впереди.

В тумбочке, в коробке из-под кофе, вперемешку со шпильками валялись какие-то открытки, черновики писем, записки... Клянусь, я не испытывал бы ни малейшего любопытства, если бы не желание разложить все в хронологическом порядке.

Все письма были от некоего Степи без фамилии.

Складывая в чемодан ее вещи, я задавал себе один и тот же вопрос: «Что явилось причиной ее падения — страсть к Степе или он всего лишь один из звеньев ее разрегулировки?»

Когда она пришла, я протянул ей пачку Степиных писем:

— Ты даже не удосужилась разложить их по датам.

Она побледила.

— Я ошиблась... — Голос ее дрожал. — Мне не нужен этот человек. Если можешь, прости.

Она вдруг заплакала. Но меня не трогали ее слезы. В них виделось какое-то моральное несчастье.

Она стояла согорбленная, в мокром плаще, с растрепанными волосами. Не было в ее мольбах никакой стройности, упорядоченности... Ни одного извинения по поводу анархии, которую внес в наш разнородный мир ее бестолковый, плохо организованный роман.

И эту женщину я собирался любить еще двадцать шесть с половиной лет.

— Так прости ты меня, прости!... — звалила она.

— Нет, — решительно ответил я.

Она вдруг выпрямилась, достала из кухонного стола маленькую логарифмическую линейку, что-то умножила, разделила, возвела полученную цифру в квадрат и уже собиралась извлечь корень третьей степени... Но вдруг передумала, вытерла платочком глаза, махнула рукой и, схватив чемодан, хлопнула дверью.

Стоя у окна, я наблюдал, как она голосует на шоссе...

С тех пор прошло много лет. Я часто думаю: заверши она тогда свой хитрый математический расчет, возможно, результат был бы другим. Но во время знакомого математического ритуала я молча угромо ждал результата. А когда зеленый однопалый пират увозил мою любовь в хаотический мир, я чуть было не забыл поставить минус в графе положительных эмоций.

РЕПЛИКА

ПО-ГАЛОЧЬИ

Знаменитый А. Э. Брэм своей не менее знаменитой «Жизни животных», характеризующей поведение галок, считал необходимым отметить, что «эти подвальные и ловкие птицы отличаются большой общительностью и веселостью, ниспославшиеся в разные местности шумом и криком». Великий натуралист, недовольный, имея в виду всех представителей этого вида пернатых, в том числе и доселе неизвестную орнитологам Галку Галинку, которая, по поводу книги писателя А. Югова («Юности» № 12, 1975), напомнила «Ахиллесовы пятки» шумом и криком по поводу книги писателя А. Югова.

Гнев Галики Галинкой вызвало то место в книге «Думы о русском слове» (издательство «Современник», М., 1975), где писатель, касаясь вопроса о происхождении восточного Гомеора Героя Троянской войны Ахиллеса, выдвигает предположение о том, что он был тауроксифом, то есть одомашненным предком русских. Такое предположение, что и говорить, дискуссионно. Однако справедливости ради и во имя элементарной критической добросовестности надбó сказать, что А. Югов, по своей интересной, хотя и местами спорной книге подобной гипотезы не выдвигал, он ее лишь поддерживал. Саму же гипотезу, как об этом черным по белому сказано в книге «Думы о русском слове» на стр. 185, выдвинул задолго до А. Югова, еще в прошлом веке, другие исследователи, в частности известный византист и славист академик В. Г. Васильевский. Писатель прямо говорит о том, что выступает «в подтверждение» взглядов академика Васильевского, и приводит имена других видных ученых, составляющих гордость отечественной исторической науки, которые являлись соучастниками относиться к этим взглядам.

В любой науке есть немало неожиданных гипотез, держатся предположений, которые охотно обсуждаются.

И если каждая из таких гипотез встречала бы лишь издевательские «разносы», нет никаких сомнений в том, что это сильно затормозило бы развитие науки.

Но будущим компетентным, в спонсирующих и спорных проблемах истории, мы не выступаем ни в защиту гипотезы, ни в защиту В. Г. Васильевского, ни протом не. Единственное, чего мы хотим, — добросовестности критического отношения к тому, что А. Югов подде-
 рживает версию академика В. Г. Васильевского, — вовсе не потому, что мы бы обижались, писателя автором этой версии и набрасывали бы на него «попалочку», но есть легкомыслие, а шумом и криком.

ЛИТЕРАТОР

В защиту академика
В. Г. ВАСИЛЬЕВСКОГО

В № 2 «Литературной газеты» за 14 января 1976 г. помещена реплика Литератора «По-галочьи», написанная в ответ на фельетон Галики Галинкой «Ахиллесовы пятки» («Юность», 1975, № 12). Тема реплики и фельетона одна и та же — предположение писателя А. Югова о том, что Троянская война, о которой повествуют Гомер, может быть датирована примерно XII веком до нашей эры, то есть эпохой, отстоящей на много веков от появления на исторической сцене восточных славян (русских), то естественно, что такое предположение не могло не показаться странным. В фельетоне «Юности» оно рассматривается как курьез, но «Литературная газета» отнесла его к числу «неординарных гипотез, держащих предположений, которые охотно обсуждаются на протяжении многих десятилетий, если не веков». Главное в гипотезе это — спорится здесь не А. Югов, который ее якобы «лишь поддержал», а другим исследователям, и прежде всего «известному византисту и слависту академику В. Г. Васильевскому».

Конечно, ни Литератор, ни Галика Галинка не филолог и не историк, все, что от них требуется в данном случае (и об этом как раз сказано «Литературной газетой»), — добросовестное рассмотрение соответствующих научных материалов. Но предположение А. Югова было уже разобрано известным лингвистом Э. И. Хантингом в статье, помещенной в журнале «Советская этнография» (1974, № 4), и на эту статью ссылается фельетонист «Юности». «Элементарная критическая добросовестность» была бы побуждать Литератора ознакомиться со статьей в «Советской этнографии», а еще лучше — параллельно с книгой А. Югова и трудами В. Г. Васильевского. Если бы он это сделал, то убедился бы, что академику В. Васильевскому «лишь пришлось говорить того, что приписал ему А. Югов. Приведенные А. Юговым слова В. Г. Васильевского представляют собой не его мнение, а комментарий (в византистской папмантику XI в.), в котором ученый излагал взгляды византийских хронистов средневековья, в частности Льва Диакона (К х в). В отличие от греческих гомеровских времен, когда ученые знали язык византийских хронистов и Мозотинское озеро (Азовское море), знали скифов и славян, и В. Г. Васильевский в специальной статье объяснил, как сложилась у них типично средневековая легенда о том, что мирмидоний (племя, обитавшее в северной Греции, к которому причисляли Ахилла) и народов Северного Причерноморья, «Дня греков, производивших мирмидоний от муравьев», внешние созвучия («город Мирмидоний... рена Мермидас, владевшая в то же Мозотинское болото...») «могли служить поводом к дальнейшему развитию темы о пребывании Ахиллеса в так отдаленных странах», а «в глазах Льва Диакона... древние мирмидонийцы уже считались предками греков» (В. Г. Васильевский, Труды, т. II. СПб., 1909, с. 286—287).

А. Югов же уверяет нас, что, согласно «смелому и безоговорочному суждению» Васильевского, Ахилл был «русским князем» (а не «отдаленным предком русских»), как деликатно излагает его мнение Литератор, и «во главе своей русской дружины» осаждал Трою. Но Васильевский не только не высказывал такого мнения, но несомненно считал бы его (в устах современного человека, а не средневекового хрониста) невежеством, и невежеством гомеровским.

Гуманитарные науки развиваются, хотя и не так быстро, как науки точные. Важнейшие процессы этногенеза, истории народов и языков. Другое современное наукой достояние — степень точности. Возрождать в конце XX в. взгляды византийских хронистов X—XI веков или даже писателей барокко XVII в. (любивших отождествлять народы славянские с племенами сардской древности) так же недопустимо, как защищать геоцентрическую систему или алхимию, хотя бы в качестве гипотезы и «держаного предположения». Тем более недопустимо приписывать Литератору такое зрение академику В. Г. Васильевскому, бросая тем самым тень на труды одного из крупнейших русских медиевистов.

Академик: М. П. АЛЕКСЕЕВ, Д. С. ЛИХАЧЕВ

Доктора наук: Л. А. ДМИТРИЕВ, Г. Л. КУРБАТОВ,

З. В. УДАЛЬЦОВА, Е. Ч. СКРЖИНСКАЯ, Я. С. ЛУРЬЕ,

О. В. ТВОРОГОВ, А. М. ПАНЧЕНКО

ОТ РЕДАКЦИИ:

Подвлияющее большинство читателей «Юности» имеет среднее образование, а следовательно, в этом классе изучало древнюю историю и знакомились с мифами Дианы. Поэтому мы без измений перепечатаем реплику «Литературной газеты», подождав, что любой наш читатель может стать компетентным арбитром в ученом споре между Галикой Галинкой и уважаемым Литератором по вопросу о национальной принадлежности Ахиллеса.

Задолго уж стоит реабилитировать и галок — птиц (хотя Галика Галинка, как известно, не имеет отношения к пернатым). Знаменитый Альфред Эдмунд Брэм в своей не менее знаменитой книге не писал приведенных от его имени рассуждений Литератора, а писал о галках, между прочим, следующее:

«Галка резвая, живая, ловкая и умная птица. При всяких обстоятельствах она сохраняет свое хорошее настроение и умеет приятным образом оживлять местность, в которой живет».

Так-то вот.

В ПОМЕРЕ

ПЕРЕДОВАЯ

ПРОЗА

ПОЭЗИЯ

ПИСЬМО МАРТА

КРИТИКА

ПУБЛИЦИСТИКА

СПОРТ

ЗЕЛЕНЫЙ ПОРТФЕЛЬ

Давайте соревноваться! 2

Василий АФОНИН. Пойма. Повесть. 3

Дина РУБИНА. Этот чудной Алтухов. Рас-
сказ. 36

Зиновий ЮРЬЕВ. Быстрые сны. Фантасти-
ческая повесть. 44

Борис СЛУЦКИЙ. «В борьбе за это...» Опреде-
ление лирики. Огонь в воде. Отказ. Иваники.
Выгон. Смаху в дождь. Неоконченные споры.

Наби ХАЗРИ. Родной язык. Зов. Тишина ночи.
Течет река. После туристической поездки.
Перевел с азербайджанского
А. Передреев.

Игорь ШКЛЯРЕВСКИЙ. Школа. «И первая теп-
лым каникул школьных...». «Земные взоры
Пушкина и Блока...». Воспоминание о боло-
тах. «Есть в отдаленной области небес...» .

Инна КАШЕЖЕВА. «Уехать куда-нибудь в
глушь...». Углич. «Мне не хватало крыльев...»

Ата АТАДЖАНОВ. Голубое солнце. На аллее,
где раскрываются почки. Перевел с
туркменского О. Дмитриев.

Татьяна УЛЬЯНОВА. «Сын со мною по лесу бро-
дился...». «Жаль, нельзя их возвратить...». «Сна-
ряды называли огурцами...». Матери военных
лет. «И все же радуга согнулась...»

Елена АНАНЬЕВА. «Этот пасмурный день я
представляю себе...». «В отпуске вижу я
лесу...». Совенок. «Неребенком. «Как приходит
смерти, вы слышали...». Колыбельная. «Про-
дрогший ветер возьму руками...»

Александр ЩУПЛОВ. «Черешку у старух попу-
чили...». «И, наконец, нас вынесло к Байка-
лу...». «Пульс и капель стучали не впопад...»
«Прибегают поезды...». «Стучит в соседней
комнате машинка...». «Метели, русел, хлеб
посреди стола...»

Галля К. «Надо учить воспринимать поэзию...»

З. ПАПЕРНЫЙ. Косматая львица. 64

Виктор ПОРОХНЯ. «Знаете, каким он пар-
нем был...» 64

Круг чтения. Маленькие рецензии и
аннотации

Юрий ЦИШЕВСКИЙ. О тех, кто начинал «На
стежках «Юности» (К нашей вкладке)

Вл. НИКОЛАЕВ. «Конотоп» (Встречи) 61

Ольга ТЕЗИКОВА. Деревянные письма. 61

Премия Ленинского комсомола — создателям
Тобольского вокзала 61

Алексей ФРОЛОВ. Тюменцы на Баме. 90

Юрий ИВАЩЕНКО. Десант как десант. 95

Владимир КОТЕЛЬНИКОВ. Труженики моря 100

Виктор ВАСИЛЬЕВ. Ничья? Ну и что... 107

Арк. ИНИН, Л. ОСАДЧУК. Дорогие подарки. 109

И. ПОНОМАРЕВА. Ошибка. 110

М. П. АЛЕКСЕЕВ, Д. С. ЛИХАЧЕВ, Л. А. ДМИ-
ТРИЕВ, Г. П. КУРАТОВ, З. В. УДАЛЬЦОВ,
Е. Ч. СКРЯЖИНСКАЯ, Я. С. ЛУРЬЕ, О. В. ТВО-
РЯКОВ, А. М. ПАНЧЕНКО. В защиту академи-
ка В. Г. Васильевского 111

Главный редактор
Б. Н. ПОЛЕВОЙ

34 Редакционная коллегия:

А. Г. АЛЕКСИН,
В. И. АМЛИНСКИЙ,
В. Н. ГОРЯЕВ,

А. Д. ДЕМЕНТЬЕВ
(зам. главного редактора),

43 Л. А. ЖЕЛЕЗНОВ
(отв. секретарь),

68 К. Ш. КУЛИЕВ,
Г. А. МЕДЫНСКИЙ,

63 В. Ф. ОГНЕВ,
С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,

М. П. ПРИЛЕЖАЕВА.

69

70

Художественный редактор
Ю. А. Цишевский.

88 Технический редактор
Л. К. Зябкоина.

64

На 1—4 стр. обложки
Композиция
В. РОДЧЕНКО.

71

78

80 Адрес редакции:
101524, ГСП, Москва, К-6.

81 Улица Горького, № 32/1.
Телефон редакции: 251-32-83.

86 Рукописи
не возвращаются.

89

90 Сдано в набор 29/XII—1975 г.
А. 07027.

95 Подп. в печ. 26/II—1976 г.
Формат 84×108/16.

107 Объем 12,18 усл. печ. л.
17,62 учетно-изд. л.
Тираж 2 660 000 экз.
Изд. № 747. Заказ № 1613.

109

110 Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции
типотрафия газеты «Правда»
имени В. И. Ленина,
125865, Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

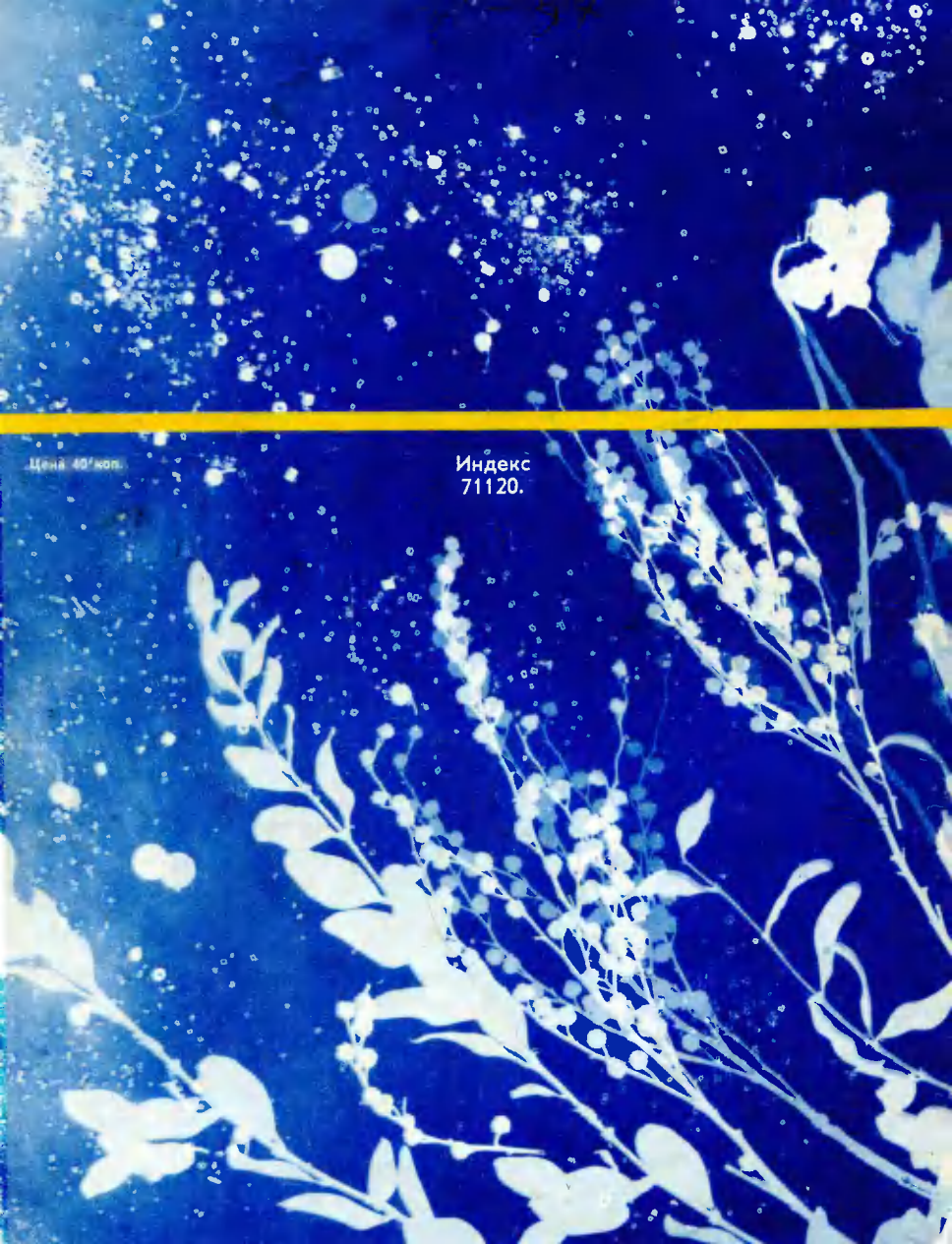
111

**И. ВИТМАН (Москва).
Продавщица тканей.**

**В. ЗАЗЕРСКАЯ (Кишинев).
Северяночки.**

Цена 40 коп.

Индекс
71120.